досье рейха

Андрей ВАСИЛЬЧЕНКО

Война кланов

Черный фронт против НСДАП

досье рейха

Андрей Васильченко

ВОЙНА КЛАНОВ

Черный фронт против НСДАП

Москва
«ЯУЗА»
2005

ББК 63.3(0)6
В 19

Оформление художника *П. Волкова*

Васильченко А.

В 19 Война кланов. «Черный фронт» против НСДАП. — М.: Изд-во Яуза, 2005. — 416 с.

ISBN 5-87849-205-9

Новая книга Андрея Васильченко дает нам полное представление о Германии 20—40-х годов прошлого века, о борьбе лидеров различных партий и группировок. Герои книги оказывали огромное влияние на политику Германии, ее взлеты и падения, удачи и ошибки.

Судьбы двух из них — Отто и Грегора Штрассеров, революционных национал-социалистов, — поистине уникальны, потому что история Германии того времени состояла из множества противоречий. Родные в одночасье становились врагами, а люди, придерживающиеся иных социальных взглядов, протягивали им руку дружбы — и все это в период, когда страна была раздроблена бесконечными путчами, восстаниями, убийствами. Книга основана на ранее не опубликованных уникальных материалах из немецких архивов.

ББК 63.3(0)6

ISBN 5-87849-205-9

Введение

XX век, не так давно ставший для нас уже историей, был богат новыми политическими явлениями. На фоне привычных для человека XIX века либерализма, социал-демократии, консерватизма появлялись новые неведомые понятия: большевизм, фашизм, национал-социализм. За ними стояли не просто политические идеи, а это уже была ярко выраженная политическая практика, которая сделала эти новые явления легко узнаваемыми. Со временем данные понятия превратились в жупел, утратив свое изначальное значение. В 50-е годы в США большевиком могли назвать любого борца за гражданские права. А вспомните начало 90-х в нашей стране! В фашисты зачисляли кого угодно. Объединенная оппозиция обвиняла в фашизме зачинателей либеральных реформ. Сами либералы принимали за фашистов и коммунистов, и патриотов-почвенников — вобщем, всех тех, кто не был согласен с проводимым курсом. В заочной полемике сионисты и национал-патриоты вешали друг на друга подобные ярлыки.

Вместе с тем история 20—40-х годов знала многие другие понятия, которые постепенно сошли с политической сцены. Одно их название могло бы показаться современному человеку плодом некой постмодернистской игры, соединением несовместимых понятий: ***революционный национал-социализм, национал-социалистический антифашизм***. Но для Герма-

нии накануне прихода Гитлера к власти эти явления были сами собой разумеющимися.

В те дни Германия раздиралась множеством немыслимых противоречий. Это только сейчас кажется, что вся ее история сначала предвосхищала приход нацистов к власти, а затем стыдливо избавлялась от следов Третьего рейха. На самом деле все было гораздо сложнее. Что говорить, если даже сам термин «Третий рейх» поначалу не имел никакого отношения к нацистам. Выдумавший его Артур Мёллер ван ден Брук наотрез отказался сотрудничать с Гитлером. В наши дни многие думают, что Веймарскую республику, самую демократичную в то время, можно было сохранить. Факт очень спорный. Ее ненавидели все: студенты и профессора, рабочие и чиновники, военные и домохозяйки. Казалось, что она вообще появилась на свет, чтобы быть умерщвленной какой-нибудь из многочисленных радикальных сил. Демократия, принесенная на штыках стран-победительниц, была ненавидима всеми социальными слоями. В те дни немцы явно не были расположены к демократическому пути решения сложившихся проблем. Заговоры, восстания, путчи, уличные беспорядки, политические убийства потрясали из года в год эту европейскую страну. Даже сторонники веймарского устройства предпочитали наводить порядок при помощи полуофициальных военизированных формирований. Вспомним хотя бы то же «Имперское знамя».

В этом политическом горниле появлялись на первый взгляд самые невероятные сочетания. Одним из них и стал революционный национал-социализм, представленный Отто Штрассером. Этот человек как бы стал символом тяжелой немецкой судьбы. В Третьем

рейхе его сторонников преследовали как ярых антифашистов, а самого Отто Штрассера Гитлер считал личным врагом. Во Франции власти посадили его в концентрационный лагерь, так как видели в нем самого радикального нациста. В Австрии поставили в укор заигрывание с большевиками, а в Канаде отказали в поддержке из-за недостаточных контактов с Москвой и коммунистами. Гитлер лишил его гражданства, которое не спешило возвращать послевоенное демократическое правительство ФРГ. Его жизнь и деятельность — сплошной парадокс. Хотя он так не считал. Он не вписывался в двухполярную модель, где существовали только друзья и враги, белое и черное, потому что воплощал в себе многоцветье немецкой политики. Далеко не случайно Отто Штрассер одним из первых сформулировал мысль о крушении традиционной политической картины мира. Для него больше не было ни правых, ни левых. Его нынешние последователи говорят о «третьем пути», хотя было бы правильнее говорить о четвертом. У нас только сейчас возникла полемика о необходимости оценки политической жизни в системе координат с двумя векторами. Штрассер пришел к этой мысли еще в 30-е годы. Именно тогда он провозгласил существование четырех фронтов: консервативной реакции, либеральной реакции, либеральной революции и консервативной революции.

Так кем же был Отто Штрассер? Пророком или неудачником? Догматиком или провидцем? Политическим проходимцем или человеком, пытавшимся спасти свою страну?

Часть I

ПЕРВЫЙ КОНФЛИКТ В НАЦИСТСКОЙ ПАРТИИ

Глава 1

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ОТТО ШТРАССЕРА

Отто Штрассер родился 10 сентября 1897 года в баварском городе Винденхайме. В семье Штрассеров было пятеро детей: Грегор, старше Отто на пять лет, Пауль, Ольга и рожденный много позже Антон. Родители Отто происходили из чиновничьих семей, никогда не отличавшихся особым достатком. Глава семейства Петер Штрассер работал в канцелярии местного суда. Как и во всех семьях немецких чиновников, он уделял большое внимание культурному и духовному самообразованию детей. В своей биографии один из братьев, Пауль, описывает, с какой тщательностью отец занимался их воспитанием: «*Каждый вечер после многотрудного рабочего дня начинались общие семейные уроки, которые для нас, детей, заканчивались в 9 часов вечера, а для родителей в 11 часов. Это было время строжайшего запрета на разговоры.*

Но всегда существовало искушение рассказать, что ты прочитал в интересной книге». К любимым авторам Штрассера-старшего относились именитые экономисты: Адам Смит, Адольф Вагнер. Однако больше всего он ценил Фридриха Листа.

«*Наша мама,* — писал Пауль Штрассер, — *всю жизнь была не просто очень набожной, но интересовалась всеми духовными и политическими событиями. Еще было важно, что наш отец не только по своей профессии, но и по своей сути являлся политическим человеком».* Ему доставляло удовольствие в свободное время заниматься изучением экономики и истории, что нашло отражение в многочисленных книгах, которые в конце XIX века он публиковал под псевдонимом Пауль Вегер. Большинство его работ вышли в книжной серии «Новая суть». Именно в этих книжицах можно найти корни политических и идеологических убеждений братьев Штрассер. Их отец проповедовал национальный, христианский социализм, который тогда многим казался панацеей от всех болезней капиталистического общества.

Штрассер-старший видел «новый путь» в стремлении к социальной справедливости и улучшении условий жизни всех слоев. Отто и Грегор впитали эти взгляды, что называется, с молоком матери.

Закончив гимназию в Бургхаузе, Грегор решил изучать фармацию в Мюнхенском университете. Это решение он, кажется, принял по финансовым соображениям. Учеба на фармацевта была не столь долгой и разорительной, чтобы стать непосильным бременем для семьи. Профессии же аптекаря или фармацевта могли очень быстро принести прибыль и окупить финансовые затраты на учебу. Отто предпо-

чел избрать другую стезю. После окончания реальной школы в Меггендорфе и старшей реальной школы в Мюнхене он стал изучать правоведение и экономику.

Когда началась Первая мировая война, Отто бросил учебу, вслед за Грегором ушел добровольцем на фронт и был зачислен в 4-й Баварский полк легкой артиллерии, став самым молодым добровольцем из Баварии. Он прошел всю войну. В армии оказался 2 августа 1914 года, а демобилизовался 30 июня 1919 года. Первые три года службы был простым солдатом. Затем получил чин унтер-офицера, закончил войну в погонах обер-лейтенанта. За храбрость в боях получил Железные кресты первого и второго класса, а за исключительную доблесть был представлен к ордену Макса-Йозефа. Этот орден был не просто высшей баварской наградой, его обладателя сразу зачисляли в дворянское сословие. Поражение Германии в Первой мировой войне помешало Отто получить эту награду. Как и миллионы фронтовиков, молодой баварец противопоставлял свои военные переживания бессмысленному существованию в условиях мирной жизни. Он был растерян и не мог должным образом сориентироваться.

Накануне мобилизации Отто вместе с братом Грегором участвовали в ликвидации Баварской Советской республики. Находясь в рядах созданного Риттером фон Эппом добровольческого корпуса, весной 1919 года они вели ожесточенные бои против «красной армии». В июле 1919 года Грегор и Отто вернулись к мирной жизни. С этого момента их пути разошлись.

Грегор, ставший аптекарем, осел в Ландсхуте, где тотчас начал активно участвовать в деятельности на-

ционалистических кружков. Еще до расправы с Советской республикой в Баварии он был назначен председателем «Союза национально ориентированных солдат». Вместе с соратниками в мае 1919 года проводил многочисленные пропагандистские мероприятия. Их цель сводилась к созданию военизированных формирований — шутцбундов, которые были призваны спасти страну от коммунистической заразы. Предполагалось, что возрождение Германии начнется с этих нелегальных организаций. Грегору Штрассеру достаточно быстро удалось собрать хорошо вооруженную группу, которая в основном состояла из бывших офицеров. Примечательно, что в этой организации, носившей название «Штурмовой батальон Нижняя Бавария», числился некий Генрих Гиммлер, который позже стал рейхсфюрером СС. Именно тогда Грегор, имевший многочисленные связи с националистическими и милитаристскими организациями, впервые встретился с Адольфом Гитлером. Грегор Штрассер, преклонявшийся перед фельдмаршалом Людендорфом, был просто околдован Гитлером. Штрассер, не стесняясь, восхищался его качествами будущего фюрера. Именно Грегор Штрассер со своими людьми создал первое гау нацистской партии, став организационным руководителем НСДАП в Нижней Баварии.

В отличие от брата Отто не сразу нашел свое политическое призвание. В ранней юности он склонялся к христианскому социализму. Но боевой опыт высветлял несколько иные контуры будущего общества. Он не признавал ни большевизм, ни реваншистский национализм. Оголтелых антисемитов откровенно презирал. В начале 20-х годов окончательно опреде-

лился с отношением к королевской династии, считал фатальной ошибкой ее руководство страной во время войны.

Решив продолжить в 1919 году учебу, Отто стал зарабатывать на жизнь, устроившись стенографистом в берлинский рейхстаг. В университете он отличался бурным нравом, устраивал беспорядки, а в 1920 году даже создал «Академический союз ветеранов войны», который существовал как дочерняя организация Социал-демократической партии Германии. Это объединение ставило основной целью поддержку солидарности «окопного братства» и постоянное напоминание о страданиях фронтовиков в годы войны. Именно в этом студент берлинского университета видел предпосылку предстоящего духовного и экономического обновления страны. В «Академическом союзе» Отто Штрассер руководил хозяйственным отделом. Политическая известность пришла к нему как к социалисту, который был даже избран в так называемый студенческий парламент. Там его заметил один из лидеров берлинских социал-демократов доктор Зонненштайн. Молодого человека пригласили в состав «социалистического бюро». В этой организации уже числился молодой Генрих Брюнинг, будущий канцлер Германии, который тогда занимался размещением студентов. Сам же Штрассер ведал вопросами социальной помощи бывшим фронтовикам. Именно тогда он пришел к выводу, что для осуществления реформ нужна ясная и четкая антикапиталистическая программа. Об этом он написал в социалистическую газету «Форвартс!» («Вперед!»). Вскоре из редакции пришел ответ, в котором сообщалось, что издание весьма заинтересовано в статьях об условиях жизни и быта студентов.

Вступление Отто Штрассера в Социал-демократическую партию Германии было продиктовано исключительно идеологическими, а отнюдь не карьерными соображениями. Это подтвердило его поведение во время капповского путча. Хотя Отто Штрассер и разделял отдельные националистические лозунги, присущие многим фронтовикам, но к мятежникам не примкнул. Его смутило требование восстановления монархии. Именно это обстоятельство предопределило данную им оценку путча как контрреволюционного мятежа. Почти сразу же после назначения вице-президентом «Республиканского союза руководителей» Штрассеру пришлось вести борьбу против «белого», монархического фрайкора. Он, как демобилизованный обер-лейтенант, руководил действиями трех «пролетарских сотен», которые вели бои против мятежников в центре Берлина. По иронии судьбы в те дни ему пришлось сражаться против морской бригады капитана Эрхардта, той организации, с которой он позже поддерживал тесные политические связи.

По всей видимости, его сотни не очень усердно подавляли мятеж, так как вскоре Эрхардт передал власть в стране Каппу и генералу Лютвицу. Но вскоре победившие мятежники потеряли контроль над столицей Германии. На многих предприятиях Берлина социал-демократам удалось поднять рабочих на политическую забастовку. Капп и «белые» не смогли удержаться у власти.

Радость от этой победы была омрачена борьбой за Рур, происходившей в марте—апреле 1920 года. Когда 14 марта стало известно о поражении мятежников, рабочие группы овладели Эссеном, Дортмундом

и Дунсбургом. Им удалось выбить оттуда части рейхсвера и фрайкоровцев. Переговоры с восставшими рабочими должен был вести Зеверинг[1], который был возведен правительством в ранг имперского комиссара. 25 марта он подписал в городке Билефельде соглашение с восставшими, которое предусматривало в обмен на разоружение народной милиции наказание мятежных контрреволюционеров и предоставление рабочим контроля над Рурской областью. Более того, предполагалась чистка государственного аппарата и частичная национализация промышленных предприятий.

Многих рабочих эти обещания ввели в заблуждение, и они сложили оружие. Рейхсвер же использовал полученную передышку, чтобы собрать воедино все воинские части под командование генерала Ватера. 2 апреля 180 тысяч человек во главе с Ватером вторглись в Рур. Первым делом он начал «наказывать» коммунистов. Акции возмездия вылились в кровавую бойню. За несколько дней рурское восстание было подавлено.

Под давлением фрайкоров и рейхсвера социал-демократическое правительство решило отменить Билефельдское соглашение. В качестве формального предлога использовались обвинения в адрес Зеверинга в том, что он не имел полномочий для заключения подобных пактов.

Все это произвело удручающее впечатление на

[1] *Карл Зеверинг,* видный деятель Социал-демократической партии, в 1918 году член Совета народных и солдатских депутатов в г. Билефельде. В 1919—1920 годах имперский комиссар Вестфалии. Неоднократно избирался депутатом рейхстага и прусского ландтага. Дважды занимал пост министра внутренних дел Пруссии (1921—1926, 1930—1932). В 1930—1932 годах был имперским министром внутренних дел.

Отто Штрассера, который был последовательным сторонником массовой национализации. Пораженный подобным предательством, он заявил о своем выходе из Социал-демократической партии. За подобное поведение Штрассер позже не раз назывался социал-демократами «неистовым». *«Очевидно, что присущие ему методы, подражание коммунистической фразеологии могли составить заметную конкуренцию крайне левым.* Ведь *он был не только социал-демократом и сотрудником газеты «Форвартс!», но и членом правления «Республиканского союза руководителей»*, — писалось в одной из газет тех дней. Отто Штрассер вызвал немалое удивление, когда в качестве члена правления союза призывал к любым вооруженным акциям. Высказывалось мнение, что он либо сумасшедший, либо провокатор. Но оба обвинения вряд ли можно было отнести к его политической фигуре. *«Отто Штрассер был той натурой, которая не могла получить полное удовлетворение от политики, если таковая не была связана с кровожадностью и кровавыми призывами»*, — писалось в одной из газет СДПГ.

Отто Штрассер, окончательно запутавшийся в политических играх, решил покинуть Берлин. Теперь он испытывал к ним отвращение. *«Я был разочарован происходящим в Германии и чувствовал себя как корабль без рулевого»*, — писал он в своих мемуарах.

Полностью деморализованный, Отто вернулся в Баварию. В это время он переживал чувство политической опустошенности, не зная, что делать. Он не верил больше отцу. *«У родителей жизнь текла так, как и во времена моего детства. Отец все так же служил в городском суде, каждое воскресенье он хо-*

дил в церковь на мессу, а на обратном пути дискутировал о политике. Мать старела. Пауль стал монахом-бенедиктинцем, а младший брат Антон еще учился в школе. Грегор, который был старше меня на пять лет, женился. Семьей обзавелась и моя сестра».

Единственным человеком, который пытался понять Отто, был Грегор. Он пригласил младшего брата на встречу с Гитлером и Людендорфом. Естественно, Грегор надеялся, что Отто примкнет к национал-социалистам. Отто, тронутый заботой брата, решил сходить на встречу только для того, чтобы не обижать его.

Судьбоносная встреча состоялась в октябре 1920 года в аптеке г. Ландсхута, которая принадлежала Грегору. Как следовало из заметок Отто, встреча чуть было не закончилась скандалом из-за значительных разногласий между ним и Гитлером. На Отто Штрассера куда большее влияние оказал генерал Людендорф. *«Людендорф тут же произвел на меня впечатление; его массивное лицо дополнял волевой подбородок с ямочкой. Тяжелый взгляд из-под мохнатых бровей подействовал так, что я снял шляпу. Он был в штатском, но до кончиков ногтей оставался генералом. Чувствовалось, что от него исходила исполинская воля».*

Гитлера Штрассер описал совершенно по-другому. В голубом костюме он показался ему весьма сомнительным типом, который «словно терялся в тени величественного героя нашей армии». В Гитлере Отто Штрассер увидел 31-летнего человечка, который часто дышал, он был бы таким же, как и многие другие, если бы не искаженное гримасой ненависти

лицо. *«Бледный цвета лица говорил о недостатке физических упражнений и малом пребывании на свежем воздухе»*. В Гитлере Штрассер не нашел ничего привлекательного, напротив, его внешность отталкивала Отто.

Застольный разговор в основном шел об итогах войны и военных подвигах Отто. Конфликт с Гитлером произошел после обеда, когда началось обсуждение капповского путча. Гитлер заявил: *«Я не понимаю, герр Штрассер, как бывший офицер с такими заслугами и с таким понятием о чести мог во время мятежа Каппа командовать красными сотнями»*. Штрассер вспоминал, что обстановка стала накаляться на глазах. *«Если бы я оказался с Гитлером один на один, то мог бы отвечать без какой-либо сдержанности. Но здесь находился генерал Людендорф, чья роль в провалившемся путче мне была не ясна. В тот час, когда бригада Эрхардта победоносно вступила в Берлин, генерал находился на Унтер-ден-Линден[1]. Был ли он там как невольный наблюдатель? Или как тайный пособник? Я этого никогда не узнал»*. Отто не решился открыто высказать собственное мнение, так как не хотел настроить против себя бывшего генерала кайзеровского Генерального штаба, которого очень уважал.

В то время как Гитлер яростно защищал мятежников, которые выступили против версальского правительства, Штрассер осуждал их как реакционеров, *«связанных с Тирпицем, прусской реакцией, с юнкерами, с тяжелой промышленностью, с Тиссеном и Круппом»*. К великому неудовольствию Гитлера, Лю-

[1] Один из бульваров Берлина.

дендорф тоже оказался недоволен путчем, ибо путч не получил поддержки со стороны населения. *«Надо поначалу было склонить на свою сторону народ, а лишь затем применять силу»*, — заявил генерал.

Слегка смутившись, Гитлер тут же сменил тему разговора и стал рассуждать о своей партии, используя хорошо знакомые тезисы. Он провозглашал, что *«жаждет воспламенить народ идеей реванша»*, что это необходимо для победы в грядущей войне. Более осторожный Отто заговорил о необходимости реорганизации Германии, о неизбежности социальных реформ, которые надо было проводить как можно быстрее. Грегор поддержал брата, подчеркнув, что у правых надо взять национализм, а у левых — социализм. При этом необходимо было выхолостить эти понятия, избавив их от реакционного содержания, с одной стороны, и катастрофической ориентации на интернационализм — с другой.

В привычной шутливой манере Отто Штрассер сделал замечание относительно того, что показалось ему наиболее существенным в самой идее национал-социализма. *«Главный упор в этом сочетании надо сделать на слово «социализм». Вы ведь называете свою программу национал-социалистической, в одно слово, не так ли, герр Гитлер? Немецкой грамматикой установлено, что при таком словосочетании первая часть — это эпитет, определение второй, основной части»*.

Гитлер вежливо уклонился от ответа, сославшись на бессмысленную софистику, к которой прибегал Штрассер. Из тактических соображений будущий фюрер отказался от дальнейшего развития данной темы, так как вообще предпочитал никогда не попа-

дать в затруднительные положения. Он закончил беседу длинным антисемитским монологом, после чего гости разошлись. Когда братья остались одни, Грегор поинтересовался впечатлениями брата. *«Мне понравился Людендорф. Он не гений, но настоящий мужчина. Что касается Гитлера, то он был слишком раболепным перед генералом, слишком лукавым в дискуссиях и в искусстве изоляции противника. Он не имеет политических убеждений, у него лишь красноречие оратора»*, — ответил Отто.

На вопрос Грегора, присоединится ли он к Национал-социалистической партии, Отто ответил однозначным отказом, мотивировав это своим участием в съезде Независимой социал-демократической партии. За несколько дней до этой встречи (12 октября 1920 года) Отто Штрассер присутствовал на съезде как представитель голландской и швейцарской прессы. Именно там Г. Зиновьев произнес свою знаменитую семичасовую речь. После конгресса Отто взял интервью у известного большевика. Даже в написанной 14 лет спустя Штрассером книге «Моя борьба» (просьба не путать с гитлеровским произведением) чувствовалось, какое восхищение испытывал молодой студент перед революционером и оратором. Эта встреча околдовала Отто Штрассера. Зиновьев рассказал ему о большевистской России, о Ленине, о необходимости вести в Германии борьбу за социализм. Зиновьев всячески пытался убедить молодого журналиста в неизбежности сближения России и Германии.

В конце октября 1920 года Отто Штрассер просто разрывался между различными политическими идеями: революционным социализмом, национализ-

мом, христианством, антисемитизмом и новым просоветским мировоззрением. Однако не находил у себя в стране ни одной группы, которая могла бы творчески переработать и собрать воедино столь противоречивые понятия. Он даже хотел письменно изложить свое понимание большевизма. После возвращения в Берлин Отто публикует в издаваемом Мёллером ван ден Бруком и Генрихом Гляйхеном[1] журнале «Совесть» большую статью, в которой рассказывает о встрече с Зиновьевым. Мёллера ван ден Брука заинтересовал материал, и он изъявил желание познакомиться с его автором. После первой встречи Отто и Мёллер ван ден Брук часто встречались и бурно обсуждали различные политические проблемы, в том числе и идею национал-социализма. Отто Штрассер стал одним из первых, прочитавших книгу Мёллера ван ден Брука «Третий рейх», над которой он работал в начале 20-х годов.

Но пока политика не привлекала Отто Штрассера. Он решил углубиться в науку. В декабре 1920 года Отто завершил написание научной работы, которую защитил в Вюрцбургском университете Юлиуса-Максимилиана. Тема диссертации не имела ничего общего с политикой, так как была посвящена селекции сахарной свеклы в Германии. Почти сразу же после защиты Отто Штрассер получил выгодное предложение из Имперского министерства продовольственного снабжения. Ему предлагали занять вакантное место референта. Но опыт общения с немецкой бюрократией отбил у Отто любое желание работать в правительственных структурах. Его уже не

[1] Интеллектуальные лидеры младоконсерваторов, одного из течений «Консервативной революции».

устраивала веймарская демократия, *«в которой царило внутреннее беспокойство и бесконечная рутина, а чиновники были обречены на прозябание»*.

В начале 1923 года Отто Штрассер встретился с бароном фон Хертлингом, племянником бывшего рейхсканцлера, который в годы войны командовал его взводом. Хертлинг в то время был директором крупнейшего спиртпроизводящего концерна «Хюнлих-Винкельхаузен». Бывший командир предложил Отто не поступать на должность в министерство, а поработать на одном из его предприятий. После небольшой практики Штрассера сначала назначили директором филиала концерна в Саксонии, затем он стал правой рукой барона в Берлине. Отто был полностью поглощен работой и, казалось, потерял всякий интерес к политике. Штрассера, как и многих немцев, потрясла новость о «пивном путче», организованном Гитлером в Мюнхене. Больше всего молодого человека поразило то, что среди арестованных участников переворота оказался его брат.

Первая половина 20-х годов была для Отто Штрассера временем осознания собственных позиций и углубленной теоретической подготовки. Он пытался познакомиться со многими известными политиками, найти идеологическую опору для своего мира, в котором воедино переплелись и консервативные взгляды, и социалистические убеждения юности. Он разработал свою систему ценностей, на которой очень сильно отразилось его тогдашнее мировоззрение торговца, кстати, профессия ему очень пригодилась во время эмиграции в Канаде. Свои умозаключения он упростил до предела, считая, что является последовательным сторонником Освальда Шпенглера

и Мёллера ван ден Брука. О влиянии этих личностей мы расскажем в дальнейшем, но пока лишь отметим, что решающее влияние на политические взгляды Штрассера оказал все-таки ван ден Брук. Для Штрассера этот идеолог всегда оставался «пророком Немецкой революции и блистательным провидцем Третьего рейха».

Тем временем в стране разразился очередной экономический кризис, который ударил прежде всего по средней и мелкой буржуазии. Штрассеру были хорошо известны настроения и надежды этих слоев. Во многом он разделял их страхи. В 1923 году Отто окончательно убедился в правильности своих социалистических и националистических установок. Немецкому народу угрожали версальская система, парламентская демократия и капитализм, которые не просто вызвали экономический кризис, но и морально разложили немцев. Он полагал, что во имя спасения Германии надо было объединить рабочих, крестьян и солдат, которые бы сражались под знаменем «консервативной революции». Под этим политическим течением Штрассер понимал идеологию, которая бы базировалась на принципах христианского революционного национал-социализма.

Глава 2

ВСТУПЛЕНИЕ ОТТО ШТРАССЕРА В ВОЗРОЖДЕННУЮ НСДАП

После неудачного путча и ареста Адольфа Гитлера многие немцы наивно полагали, что больше никогда не услышат о нацистах. Действительно, в Баварии быв-

шие члены НСДАП растворились в многочисленных националистических и парамилитаристских организациях. На севере Германии сторонники Гитлера создали вместе с Немецкой народной партией свободы Великогерманское национал-социалистическое освободительное движение.

Немецкая народная партия свободы, северогерманской аналог нацистского движения, была создана 16 декабря 1922 года. Это было объединение мелких националистических «фёлькише»[1]-группировок. Учредителями новой организации выступили фон Грефе, В. Хенинг, Эрест Граф Равентлов, Артур Динтер и другие интеллектуалы-антисемиты. Эта партия фактически не имела программы. Ее заменяли несколько лозунгов, направленных против версальской системы, «младенческого парламентаризма», «еврейского господства и ростовщического капитализма». Члены этой организации требовали ликвидации любой эксплуатации трудящихся, освобождения немцев от идей марксизма, большевизма, классовой борьбы и сословного мышления.

В 1923 году Рейнхардт Вулле пытался более четко определить политические цели Немецкой народной партии свободы. За основу он взял мысль о народной диктатуре, которая должна была заменить Веймар-

[1] *«Фёлькише»* — массовое «культурно-политическое» движение в Германии (с немецкого дословно переводится как народничество). Со второй половины XIX в. методически адаптировало до массового уровня, тиражировало и пропагандировало идеи национализма, пангерманизма, геополитики, антисемитизма, социал-дарвинизма и реакционного (феодального) романтизма. Достижения «фёлькише» — как методологические, так и эстетико-пропагандистские — были позднее практически полностью интегрированы нацизмом.

скую республику Германской Федерацией. Это должно было быть не просто новое государство, но по сути новая страна — Германия, освобожденная от прусского духа. Парламент должен был заменить сенат, сословно-профессиональную структуру. Социальные реформы сводились к реорганизации народного просвещения, защите семьи, брака и вытеснению евреев из общественной жизни.

В 1922—1923 годах Немецкая народная партия свободы была крупнейшей фашистской группировкой на севере Германии. Благодаря активной пропаганде ей удалось присоединить к себе такие крупные организации, как «Немецкий свободный союз» (Брокхузен), Великогерманская рабочая партия (Линденхофен) и Немецко-социальный союз (Мош). Очень скоро местные организации Немецкой народной партии свободы появились в Мекленбурге, Померании, Восточной Пруссии, Силезии, Тюрингии, Саксонии и Бадене. Мощная финансовая поддержка со стороны Великогерманского союза и революционная патетика привлекали к этой партии все новых и новых сторонников. В 1923 году был взят курс на захват власти: с негласного одобрения рейхсвера партия начала вооружение и обучение боевых групп. Курс на вооруженную борьбу сблизил Немецкую народную партию свободы и НСДАП. Было решено слить обе структуры. Так нацисты появились на севере страны.

Этот процесс слияния ускорился, когда 23 марта 1923 года немецкое правительство запретило деятельность Немецкой народной партии свободы. Теперь члены запрещенной партии охотно переходили под руководство Гитлера. К этому моменту вся стра-

на оказалась покрытой сетью вооруженных национал-социалистических групп. 9 ноября во время мюнхенского путча в рядах марширующих мятежников рядом с Гитлером оказался Альбрехт фон Грефе, лидер исчезнувшей партии.

В начале 1924 года, после запрета НСДАП, оставшиеся на свободе сторонники Гитлера и фон Грефе решили участвовать в выборах в рейхстаг, выдвинув единый список Национал-социалистической партии свободы. Гитлер, заключенный в крепость Ландсберг, не мог контролировать процесс создания новой партийной структуры. Тем временем в мае 1924 года Национал-социалистическая партия свободы получила на выборах 1 918 000 голосов (6,5%), заняв в парламенте 32 депутатских кресла.

16 августа 1924 года прошел съезд новой национал-социалистической партии. Ее руководителями были выбраны фон Грефе, Грегор Штрассер и Людендорф. Последним пришлось перебраться из Баварии в Северную Германию, где базировались основные силы партии. Но стабилизация экономической ситуации нанесла мощный удар по только что начавшему набирать силы национал-социалистическому движению. Выйдя на выборы в рейхстаг в декабре 1924 года как Национал-социалистическое освободительное движение, оно получило лишь 907 тысяч голосов (3%) и 14 депутатских мандатов.

Движение раскололось, когда из тюрьмы был освобожден Гитлер. 12 февраля 1925 года Грегор Штрассер вышел из руководства «Национал-социалистического освободительного движения». Если забежать вперед, можно сказать, что эта группировка продолжила свое существование вплоть до 1933 года, хотя и

перестала играть какую-либо роль в политической жизни Веймарской республики.

Находясь в тюрьме, Гитлер скептически относился к деятельности Грегора Штрассера на севере Германии. Он даже рассорился с Людендорфом, так как отказался поддержать реорганизованное движение. Зная ораторские и организационные способности Грегора, Гитлер всерьез опасался, что тот составит ему конкуренцию. Опасения усиливались по той причине, что Штрассер как депутат рейхстага пользовался не только депутатской неприкосновенностью, но и мог бесплатно разъезжать по всей стране. Не желая упустить драгоценное время, Гитлер организовал 24 февраля 1925 года конференцию, на которой планировалось воссоздать Национал-социалистическую рабочую партию Германии.

Как и следовало ожидать, Грегор Штрассер не поддержал это начинание. Он не только отказался повторно вступить в НСДАП, но и сделал все возможное, чтобы его имя не упоминалось в связи с предстоящей конференцией. Гитлеру, которому было запрещено выступать на севере Германии, пришлось уговаривать упрямого Штрассера — в противном случае деятельность НСДАП была бы ограничена только Баварией. Штрассер согласился пойти на компромисс лишь при одном условии: национал-социалистическое движение на севере страны должно сохранить свою политическую независимость от Баварии. Гитлеру ничего не оставалось, как дать такую гарантию. Сразу же после этой сделки Г. Штрассер начал создавать новые группы НСДАП, в которые потянулись националисты из северогерманских земель.

Уже во время избирательной кампании 1924 года

Грегор увидел, насколько сложно адаптировать националистические лозунги к условиям Северной Германии. Наспех сформированная в 1920 году программа НСДАП, более известная как «25 пунктов», мало подходила для того, чтобы привлечь средние слои и рабочих. Сам Штрассер был хорошим организатором, но отнюдь не идеологом. Именно по этой причине он обратился к своему брату с просьбой создать обновленную и переработанную национал-социалистическую идеологию.

Отто Штрассер с воодушевлением принял предложение заняться политическими разработками, так как за время своего сотрудничества с Мёллером ван ден Бруком убедился: обновление страны может вызвать только национал-социалистическая идея. Он, не колеблясь, присоединился к брату, когда Гитлер предоставил Грегору права самостоятельно принимать политические решения в северных землях Германии. Для Отто это условие было принципиальным, поскольку ему была омерзительна сама мысль стать зависимым от Гитлера, представляя его интересы.

Братья сразу же распределили между собой сферу деятельности. Отто стал «северогерманским идеологом». Он писал статьи и готовил речи для брата, иными словами, играл роль «серого кардинала», а потому не претендовал на какие-либо официальные посты в партии. Как рядовой член НСДАП, в то время он не был никому известен, к тому же его влияние ограничивалось северными землями.

В своих выступлениях Грегор развивал мысли, высказанные его братом. Для того чтобы активизировать подконтрольные ему группы, Грегор реализовывал идеи, которые очень сильно отличались от вве-

денного Гитлером в Баварии «фюрер-принципа». Старших функционеров партии (гауляйтеров, крайсляйтеров) назначал не Гитлер, а сам Штрассер. Руководителей местных групп назначали по согласованию с советом гауляйтеров после того, как они были рекомендованы рядовыми членами партии. Этот «демократизм» был бельмом на глазу Гитлера, вполне справедливо полагавшего, что это подрыв его авторитета, а также угроза единству партии.

10 сентября 1925 года Г. Штрассер созвал в вестфальском городке Хагене партийное собрание, которое должно было выработать политическую линию для «северной» НСДАП. Она должна была учитывать особые социально-экономические условия северных земель и быть независимой от «мюнхенской» программы. Специфика севера страны должна была найти свое отражение в пропаганде и агитации. После создания «Рабочего сообщества северных и западных гау НСДАП» Штрассер фактически заявил о праве на самостоятельный путь развития.

С самого начала споры на собрании в Хагене шли вокруг проблемы социализма. Исследование этого политического явления было поручено специальному комитету, которым руководил молодой функционер Йозеф Геббельс. В то время он был главой нацистской ячейки в г. Эльберфельде на севере Рейнской области.

Йозеф Геббельс впервые столкнулся с национал-социалистами во время предвыборной кампании 1924 года. С ними Геббельса познакомил его друг Карл Кауфман, который состоял в местной партийной ячейке НСДАП. В свое время Карл сражался в рядах бригады Эрхардта, а затем вслед за своим командиром перешел в Немецко-народный шутцбунд и

организацию «Консул» — объединения, ответственные не только за антисемитские беспорядки, но и убийство Ратенау[1]. Именно Кауфман содействовал установлению в гау Эльберфельд коллегиального правления. В этот орган кроме него самого и Геббельса вошел будущий глава штурмовых отрядов Виктор Лютце. Когда в сентябре 1925 года из гау Северный Рейн была выделено гау Вестфалия, Геббельс тут же был назначен главой новой партийной структуры. Среди северогерманских функционеров в то время он был самым бескомпромиссным сторонником социализма и просоветской внешней политики. Позже Грегор Штрассер, ставший делопроизводителем и редактором газеты «Национал-социалистические письма», активно боролся с подобными настроениями, называя их «максималистскими требованиями национального социализма».

Подобные настроения в середине 20-х годов получили название «эльберфельдской линии», по сути став первой основой для левого национал-социализма. Несколько позже эту линию дополнили опубликованные в «Национал-социалистическом вестнике» тезисы Отто Штрассера. Тезисы были разосланы по всей Северной Германии, дабы способствовать усилению идеологической работы и укреплению северогерманского партийного блока. Сами тезисы вышли небольшим тиражом и предназначались лишь для руководящего состава НСДАП.

Небольшой тираж штрассеровской газеты был предопределен тем, что братья хотели создать интеллектуально взыскательный печатный орган, который

---

[1] *Вальтер Ратенау*, министр иностранных дел Германии, убит группой молодых офицеров, уверенных, что Ратенау действовал от имени «сионских мудрецов».

бы принципиально отличался от мюнхенских газет. В октябре 1925 года Грегор Штрассер так охарактеризовал цели своей газеты: «*Дать платформу для использования боевой силы молодого движения, которое является носителем нового мировоззрения. Дать для нижнего партийного звена руководителей и ораторов средства обучения и агитации, дать средства борьбы*».

К октябрю 1925 года лидерами левого крыла северогерманской НСДАП стали О. Штрассер и Й. Геббельс, которые ориентировали гауляйтеров «рабочего сообщества» на разрыв отношений с Мюнхеном. Еще бы немного, и это вылилось в открытое столкновение левых национал-социалистов и гитлеровцев из Баварии. Гитлер был прекрасно информирован о попытках левого крыла выработать собственную идеологию и создать организацию, независимую от него. Но в условиях политической изоляции, когда он мог выступать только в Баварии, Гитлер решил проявить сдержанность и дипломатическую гибкость. Тем временем на партийном собрании, которое проходило в ноябре 1925 года в Ганновере, левое крыло решило перейти в наступление.

Глава 3

ГАННОВЕРСКОЕ СОБРАНИЕ И БАМБЕРГСКИЙ СЛЕТ РУКОВОДИТЕЛЕЙ НСДАП

Встреча в Ганновере проходила в доме местного гауляйтера Бернхардта Руста. На ней присутствовало 24 человека. Большая часть из них была настроена

враждебно по отношению к Мюнхену и Гитлеру. Кроме Штрассеров, Геббельса и Кауфмана откровенно левые позиции занимали также Руст, Хильдебранд и Керр[1].

Единственным последовательным сторонником Гитлера был Роберт Лей, позже ставший главой «Немецкого трудового фронта». Именно он пригласил на собрание Готфрида Фезера, наблюдателя из Мюнхена. Поводом для собрания стал вопрос о возвращении княжеских земель их бывшим владельцам. Гитлер очень рассчитывал на Лея, который должен был уговорить левое крыло поддержать его намерение.

Незадолго до этого депутаты рейхстага от коммунистической и социал-демократической партий вышли с предложением обсудить народную инициативу о безвозмездной экспроприации имущества королевского и княжеских домов, которое должно было быть передано республике. Эту инициативу поддержали не только левые организации, традиционно негативно относившиеся к аристократии, но и широкие круги средних слоев, которые с возмущением смотрели, как князья получали компенсацию, в то время как Веймарское правительство отказывалось помочь мелким рантье, финансировавшим военные займы.

В те дни Штрассер писал, что левые национал-социалисты считают аморальной идею того, что *«князья, ответственные за войну и ее последствия, получили бы назад свои замки, земли и чуть ли не все сотни миллионов золотом»*. Штрассер и Геббельс не

---

[1] После прихода к власти нацистов Б. Руст стал министром образования, а Хильдебранд— гауляйтером Мекленбурга.

раз призывали общественность Северной Германии выступить против подобной поддержки знати.

Когда до севера страны дошли слухи, что Гитлер заигрывает с аристократией, в частности поддерживает тесные связи с герцогиней Саксен-Анхальтской, требования Штрассеров стали еще более радикальными. Действительно, по тактическим соображениям Гитлер решил сблизиться с консервативными и монархическими кругами Баварии. Он одобрял идею компенсации аристократическим домам. Это решение Гитлера дало левому крылу НСДАП долгожданный повод для окончательного отделения от Мюнхена. «Северяне» решили отстранить Гитлера от руководства партией и перенести центр тяжести партийной работы на север страны.

После горячей дискуссии, в ходе которой Геббельс обозвал Фезера шпионом, решение так и не было принято. Большинство участников совещания решило, что необходимо поддержать проект экспроприации владений знати. Перед тем как вынести этот вопрос на голосование, Лей заявил, что подобный проект решения неправомочен, так как не согласован с Гитлером— «единственным фюрером партии».

Пытаясь уйти от обсуждения основного вопроса собрания, Лей попал в ловушку, подготовленную Геббельсом. После небольшого сообщения, сделанного Отто Штрассером, Геббельс дрожащим от волнения голосом потребовал *«исключить из национал-социалистической партии мелкого буржуа Адольфа Гитлера»*. Недостаток политического чутья у Лея позволил перерасти неясной оппозиции левого крыла в открытое сопротивление гитлеровскому авторитету. Грегор

Штрассер, больше других функционеров связанный с Гитлером, отказался поставить это предложение на голосование. Данный вопрос должен был рассмотреть некий гипотетический партийный съезд, которому надлежало решить судьбу «папы из Мюнхена».

Несмотря ни на что, Геббельсу и Отто Штрассеру удалось одержать победу, так как левые национал-социалисты выразили солидарность с марксистами по вопросу экспроприации княжеского имущества.

Левоориентированные интеллектуалы решили закрепить успех и продолжили наступление. Незадолго до собрания, в октябре 1925 года, они разработали собственный проект партийной программы, которая содержала основные направления деятельности «Рабочего сообщества северных и западных гау НСДАП» в сфере экономики, управления и внешней политики. Это был первый документ, ясно оформивший политические представления левых национал-социалистов. Доктрина, по сути, просуществовала в неизмененном виде до 1934 года. Основное развитие она получила в созданном Отто Штрассером в 1930 году собственном движении.

Вместе с тем левое крыло НСДАП признавало «25 пунктов», принятых еще в 1920 году. Но в официальной нацистской программе ставило на первое место экономические вопросы, которые Гитлер осторожно обходил стороной.

Отто Штрассер высказывался за аграрную реформу, предусматривавшую не только ограничение частного землевладения и перераспределение земель, но и выдачу крестьянам ссуд и объединение их в товарищества. В индустриальном секторе он ориентировался на национализацию важнейших предприятий

страны и передачу их под контроль некоего «народного сообщества». Трудящиеся должны были не просто владеть предприятием, но и участвовать в его управлении. Таким образом Штрассер хотел решить проблему национальной интеграции пролетариата. Национал-социалистическое государство, выражая коллективную волю, должно было заменить профессиональные палаты комплексной системой советов. Экономические и политические реформы следовало дополнить культурной программой. В этом направлении Отто ориентировался на замену материалистической философии «народным идеализмом» с религиозным уклоном. В сфере внешней политики Штрассер соединил идеи Геббельса и высказывания Гитлера в «Майн кампф». Кроме отмены Версальского и Сен-Жерменского договоров Штрассер требовал восстановления Германии в границах 1914 года. К новому рейху примкнули бы Австрия, Судетская область и даже Южный Тироль. Новая «среднеевропейская» империя начала бы сближение с Советской Россией, предпочтительным союзником Германии. На пару эти страны должны были развязать освободительную войну против западных держав.

В Ганновере программа, подготовленная Штрассером, не получила безоговорочной поддержки. Многие из ее пунктов подверглись острой критике. Одни из гауляйтеров считали ее внутриполитическую часть чересчур либеральной. Другие не соглашались с мыслью о союзе с Советской Россией. В целом же этот документ сосредоточился на разработке специфического понятия социализма, которое должно было гармонично дополнить гитлеровские «25 пунктов». Штрассер вспоминал о том, какую волю к преобразовани-

ям демонстрировала НСДАП в 1920—1921 годах. Он настаивал на продолжении подобной революционной политики. Но в этом порыве его стесняла фигура Гитлера, который своим пониманием партийной программы все яснее демонстрировал желание сблизиться с национально ориентированными правыми силами. В то время Гитлер был «реформистом», который всеми силами хотел вновь заполучить легальный политический статус. Он не собирался мириться с активностью левого крыла, которое угрожало порождению его самого и его партии. Агрессивность «северян» могла вновь загнать его в «политическое гетто». К тому же левые национал-социалисты напрочь отрицали мысль, что фюрер являлся залогом прочности партии. Они отказывались соблюдать дисциплину и подчиняться Гитлеру.

Гитлер очень быстро понял: необходимо что-то предпринять, дабы предотвратить раскол и вновь вырваться вперед. Развал партии мог поставить крест на его политической карьере. В итоге он призвал провести 14 февраля 1926 года в Бамберге общее собрание руководства партии. Чисто теоретически в нем должны были принять участие все руководящие кадры НСДАП. Но на этом мероприятии оказалось большинство сторонников Гитлера. Их предусмотрительно доставили в Бамберг, дабы создать на собрании благоприятную для фюрера атмосферу. «Южные» национал-социалисты поддерживали Гитлера хотя бы потому, что делами партии они занимались на освобожденной основе, в то время как «северяне» должны были сами зарабатывать себе на хлеб. Именно по этой причине очень многие гауляйтеры из левого крыла так и не смогли приехать в Бамберг. Они

делегировали туда Грегора Штрассера и Йозефа Геббельса. Эти двое прибыли на собрание, твердо уверенные, что им удастся отстоять свои тезисы. Их уверенность была опрометчивой — сделать это оказалось очень трудно. 6 февраля Геббельс записал в своем дневнике: *«Мы будем в Бамберге неотразимы и заманим Гитлера на наше поле»*.

Гитлеру уже рассказали о позиции Геббельса и его активности, порекомендовав нейтрализовать столь «опасного агитатора». Вопреки всякой логике Гитлер решил привлечь его на свою сторону. Таким способом он хотел разрушить идеологическое единство «северян». Гитлер обеспечил впечатляющий прием, продемонстрировав наигранно дружеское отношение баварских функционеров. В ходе беседы фюрер как бы ненароком дал понять, что предпочел бы видеть Геббельса в своем лагере. Геббельс был поражен до глубины души, но все-таки отказался от поспешного решения.

На слете в Бамберге центральным был доклад Гитлера о политических принципах партии. Некоторые из пунктов Геббельс очень жестко критиковал. В дневнике он записал вечером того же дня: *«Говорил Гитлер. Два часа. Я был разбит. Кто он такой? Реакционер? Потрясающе неприличен и ненадежен. Русский вопрос: абсолютно мимо. Италия и Англия — естественные союзники. Ужасно! Наша задача — разгром большевизма. Большевизм — это еврейская уловка! Возмещение князьям! Оно должно оставаться в силе. Не затрагивал вопрос о частной собственности. Чудовищно!!!»*

Речь Гитлера была ответом на ганноверскую программу, которую так и не обсудили. Это мероприятие

показало, что Геббельс с большим трудом мог свести воедино нередко противоречивые пункты своего рода политической программы, разработанной Отто Штрассером. Он так и не смог ясно понять две составляющие национал-социализма.

Бамберг оказался неудачей для обеих фракций национал-социалистов. Левые не смогли закрепить своих позиций и направить партию по собственному пути, Гитлер же не сумел добиться своего признания как полноправного вождя. Геббельс оценивал этот эпизод как крушение национал-социализма. *«Надо быть сильным. Мюнхенцы одержали пиррову победу. Работать, быть сильнее, а затем бороться за социализм!» — писал он с своих дневниках.*

Но решительность Геббельса все-таки пошатнулась. Гитлер заметил это и в марте 1926 года пригласил его на свое выступление в Мюнхен. Геббельс прибыл в Баварию 7 апреля. Ему сразу же поступило предложение провести партийное собрание в пивной «Бюргербройкеллер», «исторической родине» национал-социализма. Агитатора с севера ожидал триумф. Сам Гитлер аплодировал ему, назвав одним из важнейших членов партии.

После этого Геббельс принял участие в массовой манифестации, в ходе которой Гитлер убедительно продемонстрировал ораторские способности. Геббельс, окончательно изменивший отношение к фюреру, сделал заметку в дневниковых записях: *«Он [Гитлер] блестяще говорил. Я преклоняюсь перед величием его политического гения»*. В конце апреля, вернувшись в Вестфалию, Геббельс заявил о безоговорочной поддержке курса Гитлера. Единство левого крыла было разбито. Позиции «северян» оказались ослабленны-

ми. Гитлер же, напротив, укрепил свое положение в партии, контроль над которой чуть было не потерял. Геббельс и Лей в течение месяца собирали информацию о состоянии дел в партии на севере страны. Они не обращали внимания на недовольство гауляйтеров, которые называли Геббельса изменником.

Теперь Гитлер был готов нанести удар по братьям Штрассер. 22 мая 1926 года он заявил, что «25 пунктов» являются неизменными и не могло быть и речи о том, чтобы выработать новую или дополнить старую партийную программу. Гитлер долго раздумывал, как бы устранить Г. Штрассера, который никак не мог согласиться с его полновластием в НСДАП. Настало время провести ряд организационных мероприятий, предназначенных для навязывания всей партии пресловутого «фюрер-принципа». Только так Гитлер мог сконцентрировать в своих руках все полномочия. Теперь общее руководство партией было возложено на мюнхенский централ и его функционеров. И без того гипотетические собрания и съезды национал-социалистов, имевшие право принимать какие-либо решения, прекратили свое существование. Те, кто собирался сопротивляться приказам из Мюнхена, автоматически исключались из партии. Чтобы организовать на местах преданные партийные структуры, Гитлер распорядился создать «Согласительный совет», который должен был решать спорные вопросы, а на севере страны играть роль проводника идей Гитлера.

Позиции Гитлера усиливались прямо на глазах. В этих условиях левые национал-социалисты стали чувствовать себя весьма неуютно. 23 мая Г. Штрассер встретился с фюрером. Тот предложил ему продать аптеку, перебраться в Мюнхен и стать партийным

функционером на освобожденной основе. Штрассер наотрез отказался от подобной перспективы. Он хотел и далее посвятить себя укреплению левого («северного») крыла НСДАП и выпуску «Национал-социалистических писем», в которых планировал и впредь печатать статьи своего брата. Не прошло и года, как братьям дали понять, что позиция, которую они излагали в своей газете, являлась всего лишь их частным мнением.

Наличие собственной газеты могло помочь «северянам» в борьбе против «баварцев», но покупка Штрассерами собственного издательского дома поставила их в очень затруднительное положение. Грегор был вынужден продать аптеку, а Отто стал зарабатывать себе на жизнь журналистским трудом. Но они полагали: игра стоила свеч. Новое издательство получило название «Кампф-Ферлаг» («Боевое издательство»).

Для Берлина братья решили издавать «Берлинскую рабочую газету», еженедельник общим тиражом 5 тысяч экземпляров. В Саксонии выходил «Саксонский обозреватель». У него был более значительный тираж — 50 тысяч. Но самой известной и авторитетной газетой «северян» был «Национальный социалист», имевший пять больших региональных вкладок. Издательский проект левого крыла НСДАП дополнял теоретический журнал «Фаус» («Кулак»), который печатался приблизительно таким же тиражом, что и «Берлинская рабочая газета». Это был значительный прогресс, так как вначале «Национал-социалистические письма», ориентированные на северные гау нацистской партии, никогда на выходили за рамки тысячи экземпляров.

Сейчас очень сложно установить, какое влияние имело «Кампф-Ферлаг» на партию в целом. Но так или иначе в первые годы после «пивного путча», когда Гитлер был мало известен в Германии, газеты именно этого издательства стали важнейшим средством для распространения идей левого национал-социализма в среде членов НСДАП. На организационном уровне «Кампф-Ферлаг» никак официально не вписывалось в структуру НСДАП. Это был частный проект братьев Штрассер (или, как любил называть их Гитлер, «клика Штрассеров»), сотрудники которого были объединены общими левонационалистическими идеями. Да и само левое крыло НСДАП после 1925 года больше напоминало обыкновенный политический кружок, который пытался отстоять собственную независимость. В своих указаниях Гитлер любил изобразить его сплоченной организацией, которая ставила цель развалить партию. Здесь он либо перегибал палку, либо обращался к наиболее распространенному образу врага, специально завышая его потенциал. Кто же входил в этот «кружок»? Там мы могли увидеть Кауфмана, Коха, Штёра, Шапке, Гроха, д-ра Кребса, гауляйтера Силезии Розиката, Графа Ревентлова и (как ни парадоксально это звучит) Генриха Гиммлера. Все они очень известные национал-социалисты. Но насколько разнородным было левое крыло, говорит хотя бы такой факт — многие из перечисленных позже не только присоединились к Гитлеру, но и сделали неплохую карьеру в годы его правления. Возьмем хотя бы того же Гиммлера.

Несмотря на тактические успехи, Гитлер все еще не имел возможности избавиться от Грегора Штрассера. К тому же он боялся, что вслед за ним уйдут мно-

гие активные и решительные члены партии. После того как «Кампф-Ферлаг» стало успешно развиваться и набирать обороты, Гитлер предпринял еще одну попытку сблизиться с Грегором. Чтобы нейтриализовать старого противника, он предложил для начала Штрассеру возглавить имперское руководство пропагандой, а затем стать организационным руководителем партии.

Грегор принял это предложение в надежде, что сможет более свободно пропагандировать социалистические идеи, а сам Гитлер осознает ошибки и сменит свое окружение. Он верил, что постоянные контакты с Гитлером смогут изменить его мировоззрение. Но все было напрасно — НСДАП все больше и больше ассоциировалась не с социалистическими идеями, а с реакционной прокапиталистической политикой. И все-таки Грегор согласился выполнять приказы Гитлера, хотя Отто предупреждал брата: причина конфликта между «северянами» и «баварцами» кроется с различном понимании природы национал-социализма. Грегор был непреклонен. Он вновь решил довериться Гитлеру, как это уже было в начале 20-х годов.

Глава 4

ОЧЕРЕДНОЕ ПЕРЕПУТЬЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ С ВЛАСТЯМИ?

К началу 1927 года стало очевидно, что нацистская партия не была единым целым. Гитлер контролировал партийный аппарат, а братья Штрассер ру-

ководили собственным издательством, выпуская множество газет, через которые привлекали людей, симпатизировавших левым взглядам.

Стычки между представителями этих двух идеологических направлений сначала разыгрывались на чисто теоретическом уровне. Но со временем споры по вопросам социализма, просоветской ориентации, антисемитизма, антиимпериализма и революционной линии стали приобретать более ожесточенный характер. Все это выливалось в газетные перепалки. Гитлер, клеймивший левых как «клику Штрассеров», в определенный момент понял, что их невозможно ни изолировать, ни дискредитировать. У него имелась одна альтернатива: либо переубедить левых национал-социалистов, либо изгнать их из партии.

И вот пришел звездный час Йозефа Геббельса. Зная о его прошлой популярности в левых кругах, Гитлер решил использовать этого маленького человечка в борьбе с Отто Штрассером.

Сигналом к активным действиям против братьев Штрассер стало назначение Геббельса на пост гауляйтера Берлина. Геббельс подчинялся непосредственно Гитлеру, потому в его распоряжении находился весь партийный аппарат НСДАП. Главная задача — блокировать работу «Кампф-Ферлага». Отто Штрассер прекрасно понимал, какую опасность представлял Геббельс и какую роль в Берлине ему отводил Гитлер: *«Он был волен по своему усмотрению срывать наши планы. К тому же в его распоряжении были СА, которые отныне получали значительную поддержку от Гитлера и полностью финансировались им на северо-западе страны»*. После того как Геббельс усилил СА, ему удалось в мгновение ока создать в Бер-

лине еще не так давно отсутствовавший филиал партии. Теперь он начал активную клеветническую кампанию, в ходе которой представлял братьев Штрассер как «ландскнехтов капитализма, продавшихся евреям». Но эта тактика оказалась неудачной: подобные высказывания, едва ли заслуживавшие доверия, подняли в партии изрядный переполох.

В итоге Геббельс решил действовать более тонко. Он стал издавать собственную газету, которая должна была составить конкуренцию штрассеровской «Берлинской рабочей газете». Новое издание, выходившее на мюнхенские деньги, получило название «Ангриф» («Атака»). Почти все деньги, отпускавшиеся на берлинский филиал, шли на его издание. Официально «Ангриф» был частным изданием, в то время как «Берлинская рабочая газета» оставалась официальным печатным органом НСДАП. Но Геббельс очень хитро использовал поддержку Гитлера и свой пост гауляйтера. Именно в «Ангрифе» он публиковал всю официальную партийную информацию: даты и места проведения собраний и митингов, новости о партийных буднях. С редакцией «Берлинской рабочей газеты» Геббельс наотрез отказался сотрудничать и предоставлять ей какую-либо информацию.

Подобный маневр привел к тому, что тираж штрассеровского издания вскоре упал. Постепенно «Берлинская рабочая газета» из официального органа превратилась в полемичный фракционный листок. Но этого Геббельсу показалось мало. Чтобы снизить уличную продажу изданий «Кампф-Ферлага», он приказал штурмовикам нападать на уличных торговцев, списывая эти выходки на проделки коммунистов.

Но успех в борьбе с газетами Штрассеров вовсе

не означал победы над ними самими. Чтобы оттянуть от них национал-социалистов, Геббельс продолжал развивать собственные социалистические воззрения. На деле они ничем не отличались от тезисов Штрассера, за тем исключением, что Геббельс подчинялся Гитлеру. Еще в Эльберфельде он поставил задачу — привлечь на сторону партии рабочий класс. Теперь решил ее осуществить. Первым шагом стало создание Национал-социалистических производственных ячеек (НСБО). Руководство новым партийным проектом он поручил выходцу из левого крыла Райнхольду Мухову.

Палки в колеса Штрассерам вставлял не только Геббельс. Обвинения в их адрес посыпались уже на Веймарском партийном съезде, который проходил 3 августа 1926 года. Там было принято решение о том, что «северные» социалистические издания должны проверяться цензурой на предмет соответствия официальной партийной линии. Все это снизило активность «Кампф-Ферлага». В противовес «Национал-социалистическим письмам» была учреждена «Национал-социалистическая корреспонденция», которая доводила до гауляйтеров и местных партийных организаций приказы и директивы Гитлера. После этого фюрер решил заняться неудобными функционерами. В кратчайший срок он снял с постов гауляйтеров Силезии (Розикат), Померании (Фален), Саксонии (фон Мюке), заменив их преданными людьми. Вслед за ними последовали гауляйтеры Кауфман и Кох.

К началу 1927 года левые национал-социалисты перешли в глухую оборону. Теперь Отто Штрассер отстаивал свои взгляды с особым упорством, яростно

нападая на политику сближения Гитлера с консервативными кругами. Он уже видел, в каком направлении вел партию фюрер. Когда началось сближение национал-социалистов с представителями Немецкой народно-национальной партии, Штрассер на всех углах громогласно заявлял, что Гитлер предал идеалы социализма, переметнувшись к реакционерам. Главный идеолог левого национал-социализма видел путь создания Третьего рейха только в союзе с марксистами, которые осознали бессмысленность классовой борьбы и пролетарского интернационализма. Окончательный разрыв межу Отто Штрассером и Гитлером произошел, когда в 1929 году был поставлен вопрос о возможности участия НСДАП в буржуазном коалиционном правительстве. Гитлер же решил использовать сближение с консервативными кругами в борьбе против левого крыла, которое мешало ему в борьбе за власть.

Мировой экономический кризис 1929 года грянул, когда Германия еще не оправилась от шока, вызванного инфляцией 1923 года. Кризис привел к тому, что политические предпочтения средних слоев очень сильно изменились. Почти все партии, видя растущую безработицу, обещали возвращение порядка, спокойствия и прошлого благополучия. Структурный кризис, совершенно непостижимый для многих, требовал простых и незамысловатых объяснений. Гитлер, которому Штрассер дал точную характеристику — «сейсмограф душ», наконец-то получил прекрасный шанс воспользоваться последствиями экономической катастрофы. Теперь он решил выступить на политических подмостках Веймарской республики как серьезный партнер, с которым можно было соз-

давать правительственную коалицию. В первый раз новую тактику Гитлер применил на выборах в ландтаг Саксонии, которые проходили 12 мая 1929 года. НСДАП получила на них пять мест в ландтаге (до этого нацисты имели лишь два депутатских мандата). Теперь гитлеровская партия могла создать коалиционное земельное правительство в Саксонии.

Гитлер решил настоять на коалиции с правыми националистами. За эту идею издаваемый «Кампф-Ферлагом» «Саксонский обозреватель» назвал его «предателем идеи революционного движения». Надо заметить, что среди местных национал-социалистов газета пользовалась большой популярностью.

Местный гауляйтер фон Мюке, возглавлявший фракцию НСДАП в ландтаге, не разделял идею буржуазной коалиции. Он предполагал создать правительственный союз с коммунистами и социалистами. Но рабочие партии, не очень-то ладившие между собой, отвергли это предложение. Более того, они довели до сведения широкой общественности затею фон Мюке. Тем самым подсказали Гитлеру очень удобный предлог для избавления от левого руководства партии в Саксонии. Одновременно на место фон Мюке можно было поставить «паладина» из Мюнхена.

Но все-таки Гитлер решил отказаться от союза с консерваторами, который мог стать залогом формирования земельного правительства в Саксонии. Этот шаг вовсе не означал тактической победы левых национал-социалистов, так как Гитлер решил заключить пакт с так называемыми пангерманскими националистами. Левое крыло потеряло в Саксонии практически все позиции, и Штрассер теперь не мог контролировать ситуацию в этой немецкой земле. Ко-

гда стало известно, что марксистские партии ни по отдельности, ни вместе не собирались создавать единый фронт с левыми из НСДАП, горечь от идеологического поражения штрассерианцев[1] еще более усилилась. Левые национал-социалисты оказались между молотом и наковальней, между двумя враждебно относящимися к ним силами. С одной стороны находились коммунисты и социал-демократы, с другой — консерваторы, сплотившиеся в единый националистический фронт.

После этого поражения О. Штрассер потерял всех потенциальных союзников, у него больше не было политической альтернативы. Он не хотел сдавать своих позиций, однако ему ничего не оставалось, как ждать и упражняться в бессмысленной критике в адрес Гитлера. Буквально за несколько дней он второй раз умудрился капитально поссориться с фюрером. Поводом для разногласий опять же послужила тактика сближения НСДАП с правыми партиями.

8 декабря 1929 года на выборах в ландтаг Тюрингии нацистов ждал определенный успех: они получили 11% голосов, то есть вдвое больше, чем на прошлых выборах. Заняв 6 из 53 возможных депутатских мест, национал-социалисты вновь стали незаменимыми партнерами для создания правительственной коалиции. С этого момента НСДАП стала играть в Тюрингии важную, если не сказать ключевую политическую роль. Левое крыло было представ-

---

[1] Под штрассерианцами подразумеваются исключительно сторонники О. Штрассера, а потому упоминание о штрассерианских газетах относится только к тем изданиям, которые выпускались лично О. Штрассером и его последователями. Говоря о штрассеровских средствах массовой информации, имеются в виду проекты, осуществляемые обоими братьями.

лено всего лишь несколькими людьми, а потому никто не мог помешать созданию буржуазной коалиции. Нацист В. Фрик занял в тюрингском земельном правительстве пост министра внутренних дел. Гитлер увидел, что новая тактика стала приносить свои плоды — союз с консерваторами и монархистами был ему пока на руку. Когда О. Штрассер начал критиковать данное решение, это было расценено как мятеж. Левый мятежник обобщил свои аргументы в статье «В глубь государства». Она была опубликована впервые в июле 1930 года, так как в декабре 1929 года О. Штрассер, подчинившись партийной дисциплине, дал клятвенное обещание не выступать против коалиционного правительства в Тюрингии. После того как Гитлер прочитал «В глубь государства», он сказал: *«Штрассер является неистовым полемистом, но от него необходимо избавиться»*. Критика Штрассера была опасна тем, что после союза с консерваторами у рядовых членов могло сложиться впечатление, будто НСДАП поддерживает Веймарскую республику, а сама «героическая партия обновления» стала перерождаться.

«Итак, пока будет существовать и функционировать нынешняя система, в обозримом будущем будет сохраняться нынешнее плачевное состояние страны! Результаты может принести только национал-социализм, который ориентирован на полное и решительное изменение системы. Но такое основательное и коренное изменение возможно лишь под лозунгами национальной революции и окончательного отказа от участия в правительствах... Мы должны корректировать политику нашей партии исключительно в одном направлении: как при-

близить крах нынешней системы и сделать так, чтобы эта катастрофа не задерживалась», — писал О. Штрассер в этой статье. Именно она стала первым толчком к штрассерианской тактике отказа от участия в любых выборах. Провозгласив лозунги «политики катастроф» и «Немецкой революции», Штрассер стал проводить политику, совершенно оторванную от реальности. Гитлер тем временем околдовывал массы.

Из событий, произошедших в Саксонии и Тюрингии, О. Штрассер и его сторонники вынесли только один урок — Гитлер будет и впредь бороться против их «революционной платформы». Не оформив свои политические представления достаточно ясно, они изрядно рисковали. Впрочем, Штрассер понимал, что *«для борьбы против капитализма и его приспешников»* требовалась поддержка широких слоев населения. А потому при любых производственных конфликтах левые национал-социалисты вставали на сторону профсоюзов. Они полагали, что любая стачка, любая забастовка наносила удар по Веймарской республике. Сам же Штрассер был убежден: революционный потенциал сохранился только у левых партий, а потому они были просто незаменимы для осуществления «национальной революции».

Когда в апреле 1930 года рабочие тяжелой индустрии в Саксонии начали забастовку, то и Штрассер, и его пресса активно поддержали их. Эту акцию они собирались направить против республики. Провозглашая *«революционную забастовку способом национал-социалистической борьбы»*, левое крыло надеялось помешать поправению НСДАП и лишить Гитлера поддержки со стороны индустриальных магнатов.

Штрассер надеялся, что после поддержки бастующих рабочих промышленники должны разорвать любые отношения с Гитлером.

Действительно, Гитлер не сразу занял четкую позицию в отношении этой забастовки. Дело в том, что среди саксонских нацистов было очень большое количество рабочих, которые либо сами участвовали в ней, либо протягивали руку помощи бастующим. Если верить мемуарам Штрассера, Гитлер почти сразу же получил ультиматум от представителей промышленных кругов: *«До тех пор пока национал-социалистическая партия и ее газеты, прежде всего «Саксонский обозреватель», не начнут борьбу с забастовочным движением, Имперский союз немецких промышленников отказывается от финансовой поддержки НСДАП»*. Скорее всего этот ультиматум был порождением бурной фантазии Отто Штрассера, но его содержание и механизмы воздействия на Гитлера кажутся весьма правдоподобными.

Так или иначе, но Гитлер отдал приказ гауляйтеру Саксонии Мучману, чтобы члены НСДАП прекратили забастовку. В то же время О. Штрассер настаивал на ее продолжении. Ни Гитлер, ни Штрассер не хотели отступать. Гитлер поневоле должен был заставить замолчать строптивого соперника. В противном случае он рисковал лишиться богатой финансовой помощи, которая в основном шла на нацистскую пропаганду. Но Штрассер не мог отказаться от своей позиции, в противном случае он предстал бы в глазах своих многочисленных сторонников трусливым и малодушным политиком. Разрыв между двумя политиками произошел уже давно. Они стояли на грани политической войны.

Глава 5

ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА ГИТЛЕРА И О. ШТРАССЕРА

Последняя встреча между Гитлером и Отто Штрассером состоялась в мае 1930 года. Организована она была мюнхенской партийной канцелярией. Гитлеровцы надеялись, что смогут купить «Кампф-Ферлаг». Отто так описал эту непредвиденную встречу: *«Среди методов, к которым любил прибегать Гитлер, особую роль играл элемент неожиданности. Без четверти два 21 мая 1930 года, когда я уже намеревался отправиться в Ораниенбург, где располагалась наша типография, зазвонил телефон: «Алло! Это Рудольф Гесс. Герр Гитлер просит вас приехать в отель «Сансусси» для неотлагательной беседы». Приезд Гитлера в Берлин проходил в обстановке предельной секретности. Он не хотел застигнуть меня врасплох в офисе, а потому пригласил меня, чтобы урегулировать возникшие противоречия».* Несмотря на некоторые различия в описаниях этой встречи, изложенных в многочисленных мемуарах и брошюрах Отто Штрассера, в основном они совпадают. Штрассер в течение двух дней делал стенографические заметки, которые затем переработал вместе в Г. Бланком. То что Мюнхен не оспаривал факта этой встречи, говорит скорее о правильном изложении хода беседы[1].

Штрассер, казалось, был изумлен временем, вы-

---

[1] Ее полный текст О. Штрассер привел в брошюре «Министерские кресла или революция? Правдивое изложение моего ухода из НСДАП», изданной в Берлине в 1930 году.

бранным для встречи. Но сам факт назначенной аудиенции нисколько его не смутил. Он уже получал многочисленные намеки на подобную возможность. Прежде всего на такую мысль его натолкнули статьи из геббельсовского «Ангрифа». За период с марта по май 1930 года в этой газете появились четыре крупные статьи[1], которые фактически готовили почву для появления Гитлера в немецкой столице. Все они формулировали обвинения в адрес Штрассера, которые были позже озвучены фюрером. Эти передовицы, содержание которых постепенно от политической критики переходило к откровенным оскорблениям, ставили целью обезвредить берлинских «диссидентов».

Геббельс развязал травлю неугодных Гитлеру деятелей для того, чтобы они добровольно покинули партию. В своих статьях он не просто критиковал Отто Штрассера, а поливал его грязью. Он называл лидера левых национал-социалистов *«литератором, находящимся в вечном поиске объекта, на котором он жаждет сорвать свой фельетонный гнев»*. Кроме того, ему даже было отказано в понимании самой природы революции. *«Этому жалкому неудачнику,* — говорилось в статье «Радикализм литераторов», — *нетрудно быть радикальным, так как его группа никогда и нигде не несла ответственности за свой радикализм. И революция для него не переходная стадия, не средство для достижения цели, а самоцель. Он выдумывает ее, сидя за письменным столом, оторванный от реальных возможностей»*. Для Геббельса революционная деятельность Штрассера была *«гиперрадикальным буйством»*, которое

---

[1] «Партия» (30.03.1930), «Полубольшевики» (27.04.1930), «Собрание лидеров» (04.05.1930), «Радикализм литераторов» (11.05.1930).

только компрометировало *«доброе революционное имя НСДАП»*. В итоге Геббельс призывал партию начать борьбу против *«объективных предателей»*, которая должна была закончиться изгнанием всех сторонников *«подобной провокационной линии»*.

После прочтения этих пасквилей у Штрассера не осталось сомнений: они были санкционированы из Мюнхена. По всей видимости, Гитлер прибыл в Берлин, чтобы самому на месте «ликвидировать» левую оппозицию. Сейчас можно задаться вопросом, так ли уж был готов Штрассер к разрыву отношений с фюрером? Тот факт, что это решение не принималось в течение многих лет, свидетельствует: Гитлер не решался пойти на подобные действенные меры. С другой стороны медлил и сам Штрассер, который явно переоценивал свое положение в партии. Он сомневался в решимости Гитлера, на которого стали давить банковские и промышленные круги.

Во время встречи Гитлер придерживался своей традиционной тактики. Он пытался ликвидировать «Кампф-Ферлаг», не обостряя отношений со Штрассером. Открытый конфликт мог испортить внутрипартийную атмосферу. У Гитлера оставался только один путь — купить Отто.

«Аман подготовил мне очень восторженный доклад о вашем издательстве. Я готов купить его. Грегор, вы и Хинкель получите по 60 тысяч марок. Кроме этого вы и Хинкель станете депутатами рейхстага», — сразу же заявил Гитлер[1].

---

[1] В брошюре Рене Зондерэггера «Централ смерти X» приводились другие данные. Отто Штрассер за продажу издательства должен был получить 81 тысячу марок, пост председателя фракции НСДАП в рейхстаге и руководство партийной прессой с ежемесячным окладом 1200 марок.

Согласись Штрассер с этим предложением, он тут же попал бы в зависимость от Мюнхена. Он был бы вынужден соблюдать партийную дисциплину и как функционер НСДАП, и как депутат рейхстага. Грегор уже оказался в подобной ситуации, когда продал свою аптеку и стал подчиняться директивам из Мюнхена.

Отто отверг предложение о продаже своего издательства, дав понять Гитлеру, что он и его друзья отказываются поддерживать политику фюрера. Реакция Гитлера была недвусмысленной: *«Позиция ваших газет— это публичный позор. Ваши статьи нарушают элементарные законы дисциплины. Это оскорбление партийной программы! Мое терпение лопнуло. «Кампф-Ферлаг» с вашего согласия должно быть ликвидировано. Если мы не придем к согласию, я буду вынужден бороться против вас всеми доступными средствами»*.

Разрыв между Гитлером и штрассерианцами стал очевидным в первые полчаса беседы. Дальнейший семичасовой разговор и его продолжение на следующий день только наглядно продемонстрировали отсутствие какого-либо взаимопонимания у договаривающихся сторон. Оживленный спор начался с бурной критики Гитлера, которую он обрушил на статью Винфрида Вендланда «Новое мещанство». Эта публикация вышла 15 апреля 1930 года в «Национал-социалистических письмах». Она была направлена против назначения В. Фрика министром внутренних дел и народного просвещения в тюрингском земельном правительстве. Эти перестановки привели к тому, что на должность директора Высшей школы искусств в Веймаре был приглашен Шультце-Наумбург.

Шультце-Наумбург, 60-летний профессор искусств, в прошлом проектировал усадьбы и особняки. Он пользовался большим авторитетом в националистических и национал-социалистических кругах, так как призывал к возрождению немецкого национализма в сфере искусства. Его взгляды на художественное творчество были некой смесью ренессанса и неоклассицизма. В противовес ему Вендланд заявлял, что на его творчество оказали влияние культура средних веков, барокко и «экспрессионистская революция». Вторя ему, Штрассер писал о новом директоре Высшей школы искусств: *«Шультце-Наумбург был экстравагантным человеком, носившим длинную кудрявую бороду. Один из тех тяжеловесных и праисторичных германцев, в которых Гитлер видел воплощение души нашего народа»*.

Так что же раздражало Гитлера в этой статье? Дело в том, что Вендланд назвал Шультце-Наумбурга «реакционером». Для фюрера этот выпад был не просто вопросом об искусстве, а прямым нарушением партийной дисциплины. Фюрер не только не чаял души в Шультце-Наумбурге, но и был полностью солидарен с его взглядами на культуру, которые не собирался ни обсуждать, ни ставить под сомнение. Для него Шультце-Наумбург бы истинно немецким творцом, который тонко чувствовал взаимосвязь между искусством и арийской расой.

Гитлер говорил: *«Статья, опубликованная в «Национал-социалистических письмах», была предательским ударом в спину В. Фрику, нашему первому национал-социалистическому министру. Приглашение Шультце-Наумбурга — грандиозное культурное*

событие. Кто хоть мало-мальски разбирается в искусстве, понимает, что этот человек будет учить истинно немецкому искусству лучше, чем кто-либо другой, приглашенный на эту должность. Вы же, герр Штрассер, не имеете ни малейшего понятия об искусстве... В действительности существует только вечное греко-нордическое искусство. В искусстве не бывает революций. Нет ни итальянского, ни голландского, ни немецкого искусства; это даже нелепо — говорить о готическом искусстве. Все, что вообще может претендовать на имя искусства, бывает только греко-нордическим».

Штрассер в ответ возразил, что культура возникает в органическом единстве взаимодействия различных народов. Он приводил в пример египетскую и китайскую культуры, которые стали выражением души народа. Гитлер тут же перевел дискуссию на свою «территорию». *«Египетского или китайского искусства не существует. Ни китайцы, ни египтяне не были единой народностью. Основная масса их принадлежала к низших расам, в то время как верхушка была нордической. Именно она занималась созданием шедевров»*, — парировал Гитлер.

Дебаты об искусстве закончились после того, как Штрассер отказался обсуждать расовую теорию. Что касается этого принципиального момента, то оба национал-социалистических идеолога имели совершенно различные воззрения на расовый вопрос. Штрассер отказывался признавать расовую теорию как единственный мировоззренческий компонент, который бы определял официальную партийную идеологию. Но в данной беседе этот момент был всего

лишь прелюдией для перехода к основному вопросу. Оба протагониста хотели этого с самого начала встречи. Необходимо было обсудить роль вождя в национал-социалистическом движении.

Незадолго до этой исторической встречи один из ближайших сподвижников Штрассера Герберт Бланк написал статью о преданности вождю. В ней он говорил о почтении к вождю, который должен был олицетворять собой определенную идею. Но ему должны были доверять не больше, чем воплощенной в нем идее, так как преданность личности должна превратиться в верность принципам. Этот тезис Бланка Гитлер воспринял как личное оскорбление: «*Его воззрения на верность, которые различают вождя и идею, прямо-таки толкают членов партии к неповиновению*».

Штрассер ответил на этот упрек: «*Здесь и речи не шло о подрыве Вашего престижа. Но все-таки я всегда считал характерной чертой немецкого человека, протестанта по своей натуре, превалирующее значение идеи. Вождь может заболеть, может стремиться отойти от идеи, в которой постоянными остаются исходная точка, цель и внутренние установки, а потому вождь и его окружение лишь слуги идеи. Идея божественна по своей природе, а мы, люди, только сосуд, тело, в которые вложены слова*». Штрассер придерживался индивидуалистической оценки правоты вождя, которая базировалась на понятии совести. Для Гитлера существование критической оценки своей деятельности было равнозначно отсутствию какой-либо дисциплины. Для него это было неприемлемо, так как противоречило самой су-

ти партии, базирующейся на власти харизматического вождя, который должен был повелевать не только делами, но и мыслями членов своей партии: «*То, что вы говорите, может привести к развалу нашей организации, которая основывается на строгой дисциплине. Я вовсе не горю желанием, чтобы какой-то обезумевший литератор разрушил это строение. Вы же бывший офицер, вы же видите, что ваш брат подчиняется моей дисциплине, даже когда не согласен со мной*».

Почти сразу же Гитлер поставил ультиматум: «*Кампф-Ферлаг» будет объявлено предприятием, враждебным нашей партии. Я запрещу каждому члену партии сотрудничать с вашими газетами, а вас и вашу группу исключу из НСДАП*».

Ситуация накалилась. Штрассеру ничего не оставалось, как атаковать Гитлера по главному вопросу — пониманию социализма. Ответ Гитлера должен был стать для него «*последним доказательством предательства духа национал-социализма*».

«*Причины, по которым вы собираетесь уничтожить «Кампф-Ферлаг», мне кажутся всего лишь предлогом. Истинный мотив ваших действий — это желание удушить наш революционный социализм в интересах получения партией легального статуса и дальнейшего сотрудничества с буржуазными правыми партиями, что вы, впрочем, отрицаете*», — подлил масла в огонь Штрассер.

Гитлер уклонился от прямого ответа на прозвучавшую критику и заговорил о расовом содержании национал-социализма: «*Массам ничего не нужно, кроме хлеба и зрелищ. Они ничего не понимают в каких-то идеалах. Мы никогда не увидим, как массы*

проникнутся ими. Мы нуждаемся только в отборе: людям, из которых будут формировать новый слой господ, не присущи в отличие от вас мораль и сострадание. Этот правящий слой должен знать, что он повелевает по праву, хотя бы потому, что принадлежит к высшей власти. Он должен решительно и безжалостно отстаивать это право. Только нордическая раса имеет право властвовать в мире, и это должно стать краеугольным принципом нашей внешней политики».

Кроме того, Гитлер осуждал провозглашенную в «Национал-социалистических письмах» политику сближения с СССР: *«Любой союз с Россией невозможен, так как там славяно-татарским телом правит еврейская голова»*.

Дискуссия продолжилась на следующий день. Но 22 мая беседа уже шла не тет-а-тет, а в присутствии нескольких лиц. Среди них оказались Рудольф Гесс, редактор «Фёлькише беобахтера» («Народного обозревателя») Аман, начавший придерживаться гитлеровских позиций издатель «Национал-социалистических писем» Хинкель и Грегор Штрассер, сыгравший безмолвную роль в этой трагедии.

Тактика Отто Штрассера ограничивалась тем, что он хотел доказать: Гитлер не являлся социалистом. Он дал понять, что гитлеровские максимы противоречат революционному национал-социализму: *«Хорошо, герр Гитлер, вопросы, которые я хотел бы задать вам, звучат следующим образом. Убеждены ли вы, как и я, что наша революция в сфере политики, экономики, культуры должна носить тотальный характер? Планируете ли вы революцию, которая с одинаковой силой будет бороться с интернацио-*

нальным марксизмом и буржуазным капитализмом? Хотите ли вы во имя установления немецкого социализма, чтобы наша пропаганда нападала на одних так же, как и на других?»

Затем Отто изложил содержание собственной программы так, как она была сформулирована в Ганновере. Ответ Гитлера поставил крест на последних надеждах Штрассера, что Гитлер являлся социалистом. Он воскликнул: *«Это же чистой воды марксизм! Это почти большевизм! Вы хотите распространить демократические принципы на сферу экономики. Демократия уже ответственна за те руины, в которых мы вынуждены жить»*. Гитлер стал бросать Штрассеру в лицо отрывистые фразы о том, что капиталистической системы вообще не существует, что автаркия — истинное безумие, что нордическая раса организует торговлю в Европе на основе товарообмена, что национализация и социализация являются дилетантизмом, если не сказать большевизмом.

На вопрос Штрассера: *«Допустим, герр Гитлер, завтра вы придете к власти. Что вы сделаете с Круппом? Оставите ли вы его предприятия неприкосновенными?»* Гитлер дал вполне однозначный ответ: *«Само собой разумеется, да! Вы считаете меня настолько ненормальным, чтобы я разрушил тяжелую немецкую промышленность? Наше национал-социалистическое государство, как и фашистское, будет защищать интересы и трудящихся, и работодателей, выступая при необходимости в качестве арбитра, регулируя конфликты. В экономической сфере существует только одна система: ответственность наверху, авторитет внизу... Это тот пункт, по которому наши взгляды диамет-*

рально расходятся. Участие трудящихся в прибылях и в управлении предприятием — постулат марксизма. Я же считаю, что это влияние могут оказывать только высшие слои, руководящие государством».

С этими словами Гитлер прервал дискуссию, сославшись на то, что у него запланированы и другие встречи. И хотя вечером 22 мая конфликт так и не был исчерпан, но во взаимоотношения этих политиков была внесена предельная ясность. Гитлер хотел как можно быстрее отделаться от младшего Штрассера. Эту миссию он возложил на Геббельса, который всячески мешал деятельности «Кампф-Ферлага» в Берлине.

Отто Штрассер остался один. Его поддерживали лишь несколько соратников. Грегор Штрассер и Ганс Хинкель, первоначально входившие в левое крыло, не решались поддержать Отто. Впрочем, они не разделяли идей Гитлера, которые он высказал во время майской беседы. Между 22 мая и 4 июля, днем, когда произошел окончательный разрыв отношений между Штрассером и Гитлером, фюрер передал часть своих неограниченных полномочий Геббельсу, дабы тот легальным способом выдавил «большевистского литератора» из партии и положил конец оппозиции, существовавшей уже пять лет.

Глава 6

УХОД ОТТО ШТРАССЕРА ИЗ НСДАП

Гитлер по совету Геббельса не сразу разорвал отношения с лидером левых национал-социалистов. Но его молчание, длившееся почти полтора месяца, не

было признаком нерешительности. Разобраться со штрассерианцами он собирался после выборов в ландтаг Саксонии. Гитлер боялся, что пресса могла пронюхать о принципиальных разногласиях внутри НСДАП. Это могло привести к тому, что идеи штрассеровского большевизма подорвали бы потенциал буржуазного блока, а левые национал-революционные кадры заняли бы ключевые позиции в саксонских СА. Штрассер не смог разгадать такой комбинации и бессмысленно потратил время на создание новой организации, в основном состоявшей из людей, покинувших НСДАП. Он так же ожесточенно продолжал полемику с Мюнхеном. В «Национал-социалистических письмах» Штрассер перепечатал статью, которая стала ответом на нападки Геббельса. Она называлась «Литераторы» и была первоначально опубликована в национал-социалистической газете «Грядущее». В ней соратник Штрассера Вольф Ларсен анализировал причины презрительного отношения к литераторам, которое нередко встречалось у нацистских бонз. Он полагал странным, что «утонченным, воодушевленным людям громогласно отдавались сухие приказы». *«Увлеченные литераторы видели заблуждения тех, кто понимал «Немецкую революцию» как задачу, обязанность и конкретное событие. Ведь давно установлено, что всегда, когда мировая история готовила переворот, литераторы за полвека до этого излагали динамику времени на бумаге. Французская революция разразилась, когда идеи энциклопедистов подорвали старое общество, а буржуазия прониклась новыми требованиями времени. Руссо и Вольтер стали отцами Робеспьера и Дантона. Отцы русской революции не только бро-*

сали бомбы, но почти десятилетиями спорили в швейцарской эмиграции и рожали листовку за листовкой. Случайность ли, что русскую революцию, равно как и фашистскую, возглавили публицисты Ленин и Муссолини? Немецкая революция как духовный переворот нашего столетия взывает к работам Артура Мёллера ван ден Брука, Освальда Шпенглера, Вининга, Эрнста Юнгера и многих других, в том числе мучеников Мюнхена и Берлина».

Приняв правила игры, навязанные Гитлером, «Национал-социалистические письма» в период с 15 по 30 июня были озадачены только тем, как бы своевременно прореагировать на выпады Геббельса. Для того чтобы наглядно продемонстрировать различия между двумя партийными фракциями, Штрассер выбрал следующие темы: социализм, форсированное продолжение революции, понятие Европы и органическое представление о народе и, конечно, учение Освальда Шпенглера, которого левые национал-социалисты почитали за пророка Немецкой революции.

Сосредоточившись на этих сюжетах, Штрассер хотел показать всей партии, что «Кампф-Ферлаг» не собирается соблюдать дисциплину и безропотно выполнять приказы Гитлера. 22 июня 1930 года, в день выборов саксонского ландтага, Геббельс так оправдывал решение Гитлера пойти на выборы в союзе с консервативно-националистическими партиями: «*Что дает компромисс? Я скажу: другой путь, который приведет нас к власти. Но я не говорю, что крушение системы неизбежно, а нам надо только сидеть и ждать, когда оно произойдет. Во-первых, эта система в конце концов находила выход из прежних кризисов; во-вторых, само время тоже меняется, ставя*

крест на стезе, которая предложена заумным бумагомаракой, выдумавшим ее за письменным столом; в-третьих, законы общественного развития пока, по меньшей мере, не настолько убедительны, как математические формулы; в-четвертых, последние резервы сопротивления, на которые делает ставку партийная оппозиция, к моменту решающей битвы захиреют и истощатся; в-пятых, противник, сражение с которым является нашей первоочередной задачей, только один — большевизм. Либо власть завоюет национал-социализм, либо наше будущее предрешено. В этих условиях только глупые литераторы готовы пойти на попятную».

22 июня в Саксонии НСДАП ждал политический триумф — гитлеровская партия набрала втрое больше голосов, нежели на выборах 1929 года. Эта победа укрепила Гитлера в мысли, что к власти надо приходить легальным путем. Но подобный путь предполагал конец оппозиционной деятельности нацистов.

30 июня Гитлер сообщил об этом Геббельсу в письме. В нем он потребовал «провести беспощадную чистку партии». «*Дорогой доктор Геббельс,* — говорилось в нем, — *год назад я поставил вас на сложнейший участок, в надежде, что ваша деятельность и ваша энергия позволят создать единую, сплоченную организацию. Вы заслуживаете высочайших похвал, так как блестяще справились с этой задачей... Я дал распоряжение имперской просветительной комиссии всячески помогать вам на этом фронте работ... В ваше распоряжение предоставляются все структурные подразделения нашего движения, весь персональный штаб фюрера, все силы СА и СС, все члены партии. Эти силы должны быть бро-*

шены против дюжины профессиональных кляузников и литераторов».

Когда это письмо появилось на страницах газет, кампания против сторонников Штрассера пошла полным ходом. Ее первой жертвой пал Ойген Моссаковский, учредитель и издатель одной из нацистских газет, специалист по «русскому вопросу», один из старейших сотрудников «Кампф-Ферлага». Дело в том, что в июне 1930 года было закончено рассмотрение уголовного дела об оскорблении имперского президента Гинденбурга. Это судебное разбирательство сделало Моссаковского личным врагом Геббельса. В свое время Геббельс неосторожно заявил, что до 1925 года верил Гинденбургу и даже являлся его поклонником. В подтверждение этого он рассказал совершенно невероятную историю. В 1923 году, во время рурского кризиса, когда франко-бельгийские войска заняли эту немецкую область, он, Геббельс, якобы был арестован бельгийцами. Во время заключения подвергался истязаниям и был исхлестан плетью. Причиной для ареста и пыток якобы послужил призыв будущего берлинского гауляйтера обратиться к Гинденбургу.

На суде Геббельс также добавил, что в 1925 году попал в лагерь противников Гинденбурга, так как рейхспрезидент признал себя ответственным за принятие Веймарской конституции. Эту откровенную ложь Геббельса в рядах националистов восприняли очень болезненно. По их мнению, она запятнала светлые имена действительных героев антифранцузского сопротивления. К таковым они относили в первую очередь расстрелянного оккупантами Лео Шлягетера.

В конце июня 1930 года Моссаковский на собрании руководства партийной организации Берлина и

Бранденбурга обрушился на Геббельса с острой критикой за его безответственные выдумки. Он решил извлечь на свет несколько старых малоизвестных историй, чтобы оперировать фактами, показать, насколько заврался Геббельс. В одной из таких историй Геббельс переделал дату своего вступления в НСДАП на более раннюю. Таким образом он хотел попасть в ряды «старой партийной гвардии». На самом деле в НСДАП он оказался не в начале 20-х годов, а лишь в 1926-м. Геббельс тут же понял, какая опасность ему грозит. Окажись эти факты вынесенными на рассмотрение дисциплинарной комиссии, его публично бы уличили во лжи. В свою очередь это могло подорвать доверие к нему в рядах берлинских СА. Среди штурмовиков берлинский гауляйтер слыл «твердым как сталь бойцом».

Гитлер распорядился не проводить расследования по фактам, которые смог обнаружить Моссаковский. Его самого без объяснения каких-либо причин исключили из НСДАП «за антипартийную деятельность». Перед «судом чести» Моссаковский пытался объяснить, что выступал вовсе не против Гитлера или идей национал-социализма, а лишь против завравшегося берлинского гауляйтера и некоторых его подручных. Но все члены суда были единодушны — их уже проинструктировали Гитлер и Геббельс. Моссаковскому в качестве исключения дали возможность самому покинуть ряды партии. По этому поводу в партийной газете «Фёлькише беобахтер» написали лишь, что политическая партия не должна превращаться в дискуссионный клуб. *«Главная задача каждого члена НСДАП состоит в том, чтобы следовать ясной линии национал-социалистического движения».*

В середине июня 1930 года конфликт между Гитлером и штрассеровской фракцией перестал быть уделом верхушки партии. Теперь он коснулся простых партийцев из Берлина. Дисциплинарная комиссия строго-настрого запретила местным группам НСДАП получать информационный бюллетень «национальных социалистов». Запрет касался даже простого общения с распространителями штрассерианских газет.

В июне Гитлер мог записать в свой актив еще одну победу: ему удалось исключить из партии редактора «Саксонского обозревателя» Рихарда Шапке. Поводом для этого послужила статья, опубликованная 23 июня 1930 года. В ней Шапке критиковал антимарксистскую правительственную коалицию в Саксонии и призывал народ к революции против реакционно-консервативных сил: «Если консервативные партии открыто признают себя ответственными за политику осуществления плана Юнга, который поверг народ в нищету, бедность и безработицу, то немцам пришло время понять, кто их враг. Пришло время свести с ними счеты!»

Через два дня после этой публикации, 25 июня 1930 года, в редакции «Саксонского обозревателя» раздался телефонный звонок. С Шапке хотел поговорить доктор Беннеке, депутат, избранный от Дрездена и известный своими симпатиями к левому крылу. Беннеке, узнавший о предстоящем «судилище», потребовал, чтобы Шапке заявил, мол, автором статьи является сам Беннеке. Газета напечатала ее, так как тот являлся депутатом, избранным по партийному списку. Но Шапке понимал, что этот ход не сможет разрешить конфликта, который сложился в НСДАП. В тот же день он предстал перед берлинской дисцип-

линарной комиссией, дабы быть исключенным из партии. Комиссия даже не совещалась, прежде чем принять решение: «*Проступок идентифицирован как мероприятие «национальных социалистов» и Отто Штрассера, которые заявляли, что приглашение доктора Фрика в Тюрингское правительство — «неудачный эксперимент». Относительно политического анализа прошедших в Саксонии выборов обвиняемый заявил, что, несмотря на то, что он не принадлежит к «национальным социалистам», его статья «И что отныне?», опубликованная в «Саксонском обозревателе», поддерживает их воззрения и по форме и по содержанию*». Вердикт был предсказуем — «антипартийная деятельность».

Вслед за Шапке по такой же «статье» из партии были исключены еще четыре сторонника Отто Штрассера: Фриц Герман, Хорст Вафер, Альфред Решке и Вильгельм Корн. Примечательно, что все они вступили в НСДАП в 1928—1929 годах, то есть фактически накануне своего «изгнания». Вслед за ними пришла очередь самого Отто Штрассера.

Чтобы расправиться с неугодными, Геббельс решил организовать общее собрание членов Берлинской партийной организации. На нем планировалось выступление наиболее видных членов дисциплинарной комиссии: Германа Геринга, Ганса Хинкеля и генерала фон Эппа. Отто Штрассер вместе с майором Бухрукером и Вильгельмом Корном решили использовать это мероприятие в своих целях. Представители левого крыла решили изложить свою политическую позицию. Когда они пришли в берлинский Дворец спорта, то были выдворены оттуда штурмовиками. Проход на собрание им было строго-настро-

го запрещен, так как они не числились в берлинской партийной организации (Штрассер и большинство его сторонников состояли в гау Бранденбург).

В зале Геббельс обрушил на «литераторов» изощренный поток ругани. Им надлежало «размозжить голову железным молотом дисциплины». После того как было зачитано пресловутое письмо Гитлера, в котором он призывал к «безжалостной чистке партии», Геббельс призвал всех несогласных с этим встать и покинуть зал. По́зже «Ангриф» упомянул о трех из пяти тысяч участников, которые вышли на улицу. Число сторонников было явно занижено, так как на тот момент в Берлине насчитывалось около 400 революционных национал-социалистов.

1 июля 1930 года в Берлине было распространено радиообращение Имперского руководства пропаганды, в котором говорилось, что в ближайшее время предстоит изгнание из партии «незначительного числа саботажников». Отто Штрассер и его сторонники не знали, как прореагировать на подобный выпад. К этому моменту Грегор Штрассер вывел из «Кампф-Ферлага» своих людей, а саксонская организация была очищена от левых кадров. В этих условиях Отто Штрассер не мог рассчитывать ни на помощь Графа Ревентлова, ни на поддержку гауляйтеров Коха и Хильдебранда.

1 июля уже изгнанный из НСДАП Вильгельм Корн написал в одной из газет Штрассера, «Национальный социалист», что собирается бороться против «преследования социалистов и фашистского насилия людей Геббельса». В том же номере газеты была опубликована заметка Р. Шапке, в которой он обрушился с критикой на Геббельса, «который использо-

вал свое влияние, чтобы преследовать истинных социалистов». С согласия редакции газеты Шапке в своем материале вновь вернулся к статье, которая, собственно, и привела к исключению его из партии. В ней он, как и большинство штрассерианцев, безжалостно критиковал союз НСДАП с консервативными военизированными группами: *«Стальной шлем» ведет одностороннюю борьбу против интернационального марксизма. Он объединился с реакцией и крупной буржуазией. Именно поэтому «Стальной шлем» никогда не сможет стать подлинно национал-социалистическим боевым товариществом».*

Но и Штрассер, и Шапке, и Корн, продолжая придерживаться своих радикальных воззрений, нападали не на Гитлера, а только на Геббельса. Фраза о том, что публикация письма Гитлера весьма изумила революционных национал-социалистов, показывает намерение Штрассера помириться с Мюнхеном. Он приписывал Гитлеру роль высшей инстанции, которая должна была открыть молодому политику двери, доселе закрытые перед ним.

Чтобы положить конец затянувшемуся конфликту, 2 июля Геббельс созвал общее собрание функционеров. В мемуарах «Гитлер и я» Штрассер писал, что именно он выступил инициатором этого собрания. Подобное утверждение кажется не просто маловероятным, а совсем фантастическим. Штрассер так описал события того дня: *«Однако когда вечером 2 июля я собирался войти в здание, где проходила эта встреча, офицер СС, за спиной которого стояло еще 5 человек, сообщил мне, что я не могу пройти в зал, так как не проживаю в* Берлине. *Формально он был прав, подобного рода собрания могли посещать*

только жители определенного гау партии. Я между тем продолжал настаивать на моем присутствии, поскольку встреча была назначена по моей просьбе. Офицер СС оставался непреклонным. Тем временем начались дебаты. Здание было окружено эсэсовцами. Геббельс в своем излюбленном стиле пытался обосновать исключение Шапке из партии. Слово попросил мой лучший друг майор Бухрукер.

«Я сожалею, но не могу предоставить вам слова, так как против вас начато партийное расследование».

«Против меня? — изумленно воскликнул Бухрукер. — Я об этом ничего не знаю».

«Вы получите вечером домой письменное уведомление об этом. Оно отправлено с почтой».

Подобная комедия повторилась, когда пытался заговорить Герберт Бланк. Тут же из присутствовавших тысячи человек 117 поднялись и в знак протеста покинули зал. Я продолжал стоять на улице. Мои друзья в красках рассказали об этом происшествии. Мы тотчас направились к дому Бланка и Бухрукера, но никаких письменных уведомлений там не обнаружили».

Вечером того же дня Отто Штрассер встречался с Грегором. Отто хотел обсудить ситуацию, сложившуюся в НСДАП. Именно там он впервые заговорил о своем возможном выходе из партии: *«Грегор, поскольку Гитлер не решается порвать со мной, я сам решил сделать это. Завтра я выйду из партии». «Хорошо, —ответил Грегор, — но я должен остаться».*

3 июля Отто Штрассер направил Гитлеру телеграмму, которая по своему стилю больше напоминала ультиматум. *«Герр Геббельс выгнал из партии ряд*

моих товарищей. Вчера под липовым предлогом лишил других моих друзей слова. Если в течение 24 часов подобные выходки не будут прекращены, считайте, что я и мои друзья разорвем отношения с партией».

Штрассер пошел ва-банк. Ответа он так и не получил. Ему не оставалось ничего другого, как окончательно разорвать отношения с Гитлером. 4 июля 1930 года Отто Штрассер вышел из рядов Национал-социалистической рабочей партии Германии.

В этом месте просто необходимо сделать несколько замечаний. Во-первых, от подобного шага Гитлер приобрел куда больше, чем Отто Штрассер. Со времени выборов в Саксонии Гитлер готовил выход Штрассера из партии, который компрометировал его «своими большевистскими идеями». В критический момент всю грязную работу за фюрера выполнил Геббельс. И в итоге вся ответственность за выход из партии была переложена на самого Отто Штрассера.

Во-вторых, нерешительность Отто была только на руку Гитлеру. Фракционер Штрассер играл по сценарию, который был написан в Мюнхене. А потому 4 июля **все (!!!)** партийные газеты сообщили об уходе Отто Штрассера. Казалось, они только и ждали этого момента. В многочисленных статьях, заметках, сообщениях подчеркивалось, что он, Штрассер, больше не мог рассчитывать на политическую поддержку, лишившись каких-либо перспектив. Действительно, Штрассер мог достигнуть своей цели только находясь в политической обойме Гитлера. Но тот был мастером политической игры. Теперь он мог начать бороться с неугодным политиком уже другими методами.

Часть II

«БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТОВ»

Глава 1

СОЗДАНИЕ «БОЕВОГО СОДРУЖЕСТВА РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТОВ»

4 июля 1930 года, в день, когда Отто Штрассер покинул гитлеровскую партию, на стенах многих городов Северной Германии появились листовки, которые были озаглавлены «Социалисты покидают НСДАП». Этот документ четко излагал основные тезисы левых национал-социалистов. Заканчивался он призывом к солидарности всех оставшихся в НСДАП «истинных социалистов». Остановимся на этой листовке поподробнее. Что же в ней говорилось?

«В многочисленных вопросах внешней и внутренней политики, прежде всего экономики, НСДАП заняла отношение, которое очень сложно объяснить при помощи «25 пунктов», в которых мы видим лишь

общие очертания партийной программы. В условиях катастрофического обуржуазивания партии, преобладания тактических соображений над основополагающими стратегическими моментами, ужасающей бюрократизации партии, когда аппарат становится самоцелью движения, а интересы этого аппарата ставятся выше программных требований и идей, разглядеть общие контуры идеи становится невозможно. Мы воспринимали и воспринимаем национал-социализм как осознанно антиимпериалистическое движение. Оно ограничивает национализм необходимостью сохранения и процветания немецкого народа, над которым не должны властвовать другие нации и страны».

Как социалисты авторы листовки собирались бороться против «интернационального капитализма и западного империализма», осуждали интервенцию против России и поддерживали «борьбу индийского народа за свою свободу от английского колониального владычества». В призыве подчеркивалось, что мюнхенское руководство как раз наоборот видело в странах Антанты потенциальных европейских союзников.

В качестве одной из основных целей революционные национал-социалисты ставили «создание великой народной Германии», где должны были воедино слиться и органическое корпоративное государство, и антидемократическая республика, которая отказывалась от монархических и фашистских правительственных реформ.

Национал-социализм, согласно авторам листовки, как «великая антитеза международного капитализма» должен был формироваться благодаря давно уже выдвинутой марксизмом социалистической идее обоб-

ществления экономики. Он должен был уничтожить любое господство капитала над человеком труда. Этот социализм предполагал «обеспечение всех трудящихся одной нации владением, управлением и участием в прибылях от экономической деятельности». Этого предполагалось достичь только благодаря ликвидации монополий, которые были связаны исключительно с именами их владельцев.

Борьба на два фронта, «против капиталистической буржуазии и интернационального марксизма, требовала в сфере экономики и культуры решительного отказа от либерального рационализма». Это сложное противостояние не должно было, как в случае с Адольфом Гитлером, приводить к противоестественным союзам. Антимарксизм ни в коем случае не должен был получать преимущественного положения. Для революционных национал-социалистов социальные требования крестьян и рабочих вовсе не были коммунистической угрозой.

Естественно, за этой листовкой стоял Отто Штрассер. Он все с более растущим подозрением наблюдал за союзом НСДАП с Гугенбергом и Немецкой народно-национальной партией. Лидер левых национал-социалистов отвергал любую политику коалиций и компромиссов, так как «любая коалиция всегда вела только к сохранению существующей системы, системы национального бесправия и капиталистической эксплуатации». В качестве примера подобной продажной политики группа Штрассера вновь приводила итоги выборов в Тюрингии.

Стремление Гитлера одержать тактическую победу Штрассер трактовал как отказ от принципиальных воззрений национал-социализма. Для Отто это

было доказательством обуржуазивания и бюрократизации верхушки партии и штурмовых отрядов. Эта печальная тенденция возникла из всеобщей жажды обогащения. Она вела к бесконечным склокам, что, естественно, уменьшало дееспособность партии.

Штрассер в своей листовке заявлял, что почти пять лет пытался бороться против подобных ошибок и заблуждений. *«Но поскольку партийное руководство не отказывалось от «25 пунктов», мы надеялись, что революционный дух, живущий в большинстве штурмовиков и молодежи, победит мещанство зажиревшего руководства»*, — говорилось в воззвании. Письмо Адольфа Гитлера, которое предписывало изгнание всех известных революционно настроенных партийцев, было для Отто еще одним подтверждением того, что возврат революционного духа в недра НСДАП невозможен. В итоге «национальные социалисты» решили сражаться за Немецкую революцию, покинув гитлеровскую партию. Они решительно выступали «против любой подмены революционного характера, социалистической воли и националистических принципов истинного национал-социализма».

Призыв, увидевший свет 4 июля 1930 года, был подписан Отто Штрассером и его 25 сторонниками, в основном работавшими в «Кампф-Ферлаге». Среди подписантов мы можем увидеть уже знакомых нам Альфреда Решке, Ойгена Моссаковского, Вильгельма Корна и Герберта Бланка. Этим людям еще предстояло сыграть немалую роль в формировании революционного национал-социализма, а потому остановимся на их личностях поподробнее.

Ойген Моссаковский всегда придерживался идей радикального общественного переворота и создания

нового социального порядка. С 1926 года он являлся активным участником так называемой «Старосоциалистической партии». Это движение было создано осенью 1925 года 23 депутатами саксонского ландтага. Все они были правыми социалистами и ставили основной целью возрождение в рабочем классе национального духа. Все отрицали необходимость классовой борьбы и крайне негативно относились к международной солидарности трудящихся. Главным редактором официального печатного органа «старосоциалистов» «Народное дело» был известный национал-революционер Эрнст Никиш. С Моссаковским их связывала давнишняя дружба, хотя это не исключало определенных идеологических разногласий.

Идеологические установки «Старосоциалистической партии» сблизили эту организацию с такими парамилитаристскими объединениями, как «Союз Оберланд» и «Союз фронтовиков». Последний возглавлял популярный издатель Леманн. Именно в его газете «Третий рейх» Моссаковский познакомился с идеями Мёллера ван ден Брука. Революционный консерватизм околдовал Моссаковского.

В 1928 году он встретился с Грегором Штрассером. Попав под обояние левых национал-социалистов, Моссаковский не только стал сотрудником «Кампф-Ферлага», но даже вступил 1 марта 1929 года в НСДАП. Моссаковский был великолепным журналистом, не раз посещавшим Советский Союз. Это предопределило, что он почти сразу же стал редактором одной из газет левых национал-социалистов.

Как уже говорилось выше, Моссаковский был дружен с Грегором Штрассером и Эрнстом Никишем. Именно ему принадлежала идея познакомить

этих двух политических деятелей. Моссаковский надеялся, что Э. Никиш станет членом НСДАП и будет сотрудничать с «Фёлькише беобахтером». Когда в 30-е годы отношения между братьями Штрассер стали портиться, Моссаковский попытался сблизить Никиша с Отто Штрассером. Пребывая в убеждении, что грядущая национальная революция должна была уничтожить старый социальный порядок, Моссаковский считался в НСДАП леваком, готовым поддержать любые начинания, направленные против господствующего строя. Его не волновало, кто высказывал подобные идеи — национал-социалисты, коммунисты, социал-демократы. Он открыто поддерживал некоторые задумки Ленина, полагая, что большевизм — это положительный опыт, из которого должен был извлечь определенные уроки истинный национал-социализм.

Как специалист по русскому вопросу, Моссаковский являлся посредником между левыми национал-социалистами и национал-революционными организациями.

Вильгельм Корн, другой человек, подписавший воззвание революционных национал-социалистов, вступил в НСДАП достаточно поздно — 1 июля 1929 года. Несмотря на это, он быстро стал подниматься по партийной служебной лестнице. Благодаря офицерскому прошлому он был назначен руководителем «Национал-социалистической кадровой школы» в Бранденбурге. Именно там он познакомился с Беппо Рёммером. Рёммер, юрист по образованию, во время мировой войны дослужился до чина капитана, имел высшие награды. В свое время был членом пресловутого общества «Туле», а в 1919 году стал одним из

организаторов добровольческого корпуса «Оберланд». Он активно участвовал в разгроме Баварской Советской республики, после чего уехал на восточные рубежи Германии. В 1921 году изменил свои взгляды на жизнь и установил контакты с коммунистами, а в июне 1921 года отказался предоставить свою боевую группу для расправы с бастующими рабочими. В 1923 году был организатором массового саботажа в Руре, оккупированном французами. За связи с коммунистами арестован в 1926 году. После освобождения вступил в «Союз антифашистского действия». В 1932 году создал «Ауфбрух-крайс» (кружок «Прорыв»), боевую организацию, близкую коммунистической партии Германии.

В национал-большевистских идеях Рёммера Корн находил подтверждение своим национал-революционным убеждениям. Впрочем, до 1930 года Вильгельм Корн даже не помышлял покидать НСДАП и начинать сотрудничать с коммунистами.

Майор Эрнст Бухрукер родился 5 января 1878 года. Получил классическое военное образование. После войны стал одним из офицеров, создавших так называемый «черный рейхсвер». Он мечтал уничтожить Веймарскую республику и создать военное государство, которое бы смыло «позор Версаля» и возродило Германию как супердержаву. Бухрукер был ярым националистом и милитаристом, мечтавшим применить на практике новые стратегические разработки в области использования военной техники и военно-воздушных средств. Он негативно относился к возможному сотрудничеству с коммунистами, склоняясь к необходимости сотрудничества левых национал-социалистов с националистическими военизированны-

ми организациями. В своих политических воззрениях придерживался антипрусских идей, которые у него стали формироваться еще в кадетской школе. Факт скорее удивительный, ведь именно прусские учебные заведения дали ему возможность получить боевой опыт, которым он очень дорожил.

Другим видным деятелем группы Штрассера был Герберт Бланк. Он родился 14 декабря 1891 года. В 1922 году возглавил «Немецкое народное движение». С 1923 по 1925 год был сотрудником «Немецкого ежедневника». К национал-социалистам примкнул уже после возрождения НСДАП. Сразу же подружился с братьями Штрассер и в 1927 году стал не просто редактором «Кампф-Ферлага», но и одним из крупнейших теоретиков левого крыла НСДАП. На него произвела огромное впечатление философия Освальда Шпенглера. Видимо, именно под ее влиянием Бланк составил проект цикличности истории, который был неоднозначно воспринят руководством НСДАП. Говорят, что этой теорией заинтересовался Гиммлер. Возможно, это и спасло жизнь Г. Бланку. Попав в 1934 году в концентрационный лагерь, он смог благополучно дожить до 1945 года. Все это время он занимался историческими исследованиями, находившимися под личным контролем рейхсфюрера СС.

Итак, из кого же состояла штрассеровская группировка? Отто Штрассер — теоретик от политэкономии. Герберт Бланк — философ истории. Майор Эрнст Бухрукер — специалист по военным вопросам. Мы не имеем достаточно информации о политической биографии и идейных установках основоположников революционного национал-социализма. Но так или иначе идеологические противоречия между

майором Бухрукером, Г. Бланком, Отто Штрассером и Рихардом Шапке кажутся незначительными. На момент формирования новой национал-социалистической организации они носили второстепенный характер. Созданное из этих людей «Боевое содружество революционных национал-социалистов» (КГРНС) смогло за четыре года своего существования перенести множество кризисов. Новая организация была обязана своей живучестью лично Отто Штрассеру, который, по признанию многих, мог оказывать на людей просто магнетическое воздействие.

Уже 5 июля эта «боевая группа» собрала временное бюро по централизации нового движения, которое день спустя получило официальное название «Боевое содружество революционных национал-социалистов». За основу политической программы было решено взять основные идеи, изложенные в призыве 4 июля 1930 года.

Глава 2

РАЗРЫВ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БРАТЬЯМИ ШТРАССЕР

30 июня 1930 года Грегор Штрассер официально оставил пост ответственного издателя газет, выпускаемых «Кампф-Ферлагом». И хотя «Национал-социалистические письма» сообщили об этом событии, но не назвали его подлинные причины. Зато приводилось мнение, что Грегор стал небрежно относиться к журналистской деятельности, так как решение важных организационных задач партии не оставляло свободного времени. Утром 3 июля газета «Нацио-

нальный социалист» внесла уточнение: Грегор Штрассер и впредь считался ответственным за выход газет. Грегор тут же сделал ответное заявление, которое было напечатано во всей националистической прессе. Оно было направлено против Отто. Грегор пытался придать своему хлопку дверью как можно больший общественный резонанс: *«Я крайне осуждаю действия руководимого моим братом «Кампф-Ферлага», которые направлены против Национал-социалистической рабочей партии Германии. Именно по этой причине уже 30 июня я оставил пост ответственного редактора в газетах «Кампф-Ферлага». Я полностью поддерживаю Адольфа Гитлера и возглавляемую им НСДАП. Сообщение «Национального социалиста» от 3 июля заведомо ложное»*. В тот же день фракция НСДАП в рейхстаге заявила, что она сплочена и соблюдает жесткую дисциплину, подчиняясь Адольфу Гитлеру.

Пресса, контролируемая из Мюнхена, включая «Берлинскую рабочую газету», которая еще некоторое время издавалась Геббельсом, опубликовала комментарии Гитлера, снабженные длинным списком партийных функционеров, преданных НСДАП и фюреру.

4 июля 1930 года Гитлер дал распоряжение «уничтожить» группу Штрассера: *«Национал-социалистическая рабочая партия Германии больше не может контролировать газеты «Кампф-Ферлага», а потому начиная с понедельника 1 июля с ними надо бороться всеми доступными способами. В итоге все листки «Кампф-Ферлага» надо рассматривать как враждебные печатные органы и относиться к ним соответствующим образом»*.

После этого Грегор Штрассер незамедлительно

отказался от любых семейных и личностных привязанностей, предпочитая сохранить лояльность по отношению к Гитлеру и к партии. Он забыл о своих политических и идеологических противоречиях с Мюнхеном и подключился к кампании травли брата. В письме лидеру судетских нацистов Рудольфу Юнгу он очень метко охарактеризовал своего брата: *«Выход из партии и борьба против нее — это очевидное безумие. Он — продукт чисто теоретических рассуждений, рожденных за письменным столом. Он никогда не посещал партийных собраний и съездов, а потому остался чуждым ритму нашего движения, не постигнув душу нашего народа»*. В этом письме Грегор обвинял брата в абсолютной ограниченности, сопоставимой с политической посредственностью. Вместе с тем он не совсем точно передал суть переговоров с Гитлером, состоявшихся 22 июня. Заявив, что социалистические тезисы Отто безумны и бесполезны для политической практики, Грегор фактически предал брата. Он ставил брату в вину, что тот заразил созданные им, Грегором, газеты «начинкой вероломной шахматной игры». Грегор прогнозировал: его брат будет пытаться заниматься политикой до тех пор, пока его газеты будут покупать хотя бы две сотни человек. Те же, кто будет покупать эти газеты, по мнению Грегора, будут «отчасти честолюбивыми сектантами и молодыми фанатиками, отчасти изгнанными из партии профессиональными склочниками». Банкротство газеты стало бы концом политической карьеры Отто, которого старший брат без угрызений совести назвал безобидным политическим идиотом.

Грегор прекрасно понимал, что Гитлер лишил бы его всех постов, прояви он хоть малейшее сочувствие

к младшему брату. Все сводилось к тому, что Грегору Штрассеру приходилось выбирать между «великим политическим вождем и фанатичным писателем, не обладавшим каким-либо конкретным политическим опытом». Без тени сомнения Грегор Штрассер предал не только своего брата, но и идею выработки новой социалистической идеологии партии, которую он высказал в 1925 году. Причина подобной резкой перемены в том, что он, во-первых, очень уважал Гитлера как талантливого агитатора. Это почтение он вынес еще из начала 20-х годов, когда жил в Баварии. Во-вторых, Грегор решил отказаться от собственных взглядов, так как начиная с 1929 года НСДАП удалось не только добиться некоторых тактических успехов, но приобрести огромный политический вес по всей стране.

Впрочем, наверняка в глубине души Грегор продолжал придерживаться своих социалистических взглядов. Но легальный путь прихода к власти через союз с консерваторами ему казался предпочтительнее революции, которую надо было бы устраивать в союзе с коммунистами. Последних он недолюбливал еще со времен Советской Баварской республики. История показала, что Грегор допустил очень серьезную ошибку. После прихода к власти нацисты не собирались давать ему реальную власть. Он заблуждался и насчет неопытности Отто.

После разрыва отношений между братьями и создания «Боевого содружества революционных национал-социалистов» Отто оказался окончательно изолированным от левого крыла НСДАП. Несмотря на все перипетии, оно оставалось представленным такими видными фигурами, как Граф Ревентлов и Отто Кох.

В июле 1930 года конфликт между братьями стал непримиримым. Грегор больше не воспринимал всерьез революционные намерения младшего брата. Даже после ссоры с Гитлером Грегор оставался горячим поклонником фюрера, считая Отто бумагомаракой, нарушителем спокойствия, который в состоянии лишь комментировать национал-социалистическую идею.

Глава 3

«ВПЕРЕД, НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ БАРРИКАДЫ!»

Очень сложно установить, какой была реакция членов НСДАП на призыв «революционных национал-социалистов» от 4 июля. Можно лишь выделить два этапа. Один охватывал июль—август 1930 года, когда в «Боевое содружество» начался наплыв известных национал-социалистов, покинувших гитлеровскую партию. Второй приходился на сентябрь 1930 года, когда «Боевое содружество» консолидировалось и стало наращивать численность. Затем большинство новых штрассерианцев перейдут в национал-большевистские кружки.

«Исход» из НСДАП людей, симпатизировавших Отто Штрассеру, начался в Берлине и Бранденбурге. 7 июля к КГРНС присоединились пять депутатов от национал-социалистической фракции городского совета Пренцлау. В тот же день собственный призыв опубликовал исполнявший обязанности гауляйтера Бранденбурга Рудольф Рэм, близкий друг Вильгельма Корна. В этом призыве говорилось: *«Фюрер НСДАП*

жаждет и впредь сидеть за одним столом с денежными мешками». Авторы этого документа подчеркивали, что *«едва ли могут оправдать подобную политику имперского руководства партии»*.

С подобными заявлениями выступил один из руководителей берлинской организации НСДАП Бобе. Чуть позже он присоединился к «Боевому содружеству». Вслед за ним к Штрассеру пришли несколько десятков сторонников Рудольфа Рэма, причем некоторые местные партийные группы вошли в новую организацию в полном составе. Но еще больший успех ждал штрассерианцев в Шлезвиг-Гольштейне. За пару недель до выхода из гитлеровской партии Отто Штрассера из нее были исключены сторонники местного «левака» ветеринара Грантца. Из них он сформировал «Национал-социалистическое рабочее сообщество». Когда пришли новости из Берлина, он тут же установил контакты со Штрассером и его организация в полном составе вошла в «Боевое содружество революционных национал-социалистов». Тем временем не обошлось без инцидентов. Во время проведения собрания КГРНС в Альбертсхофе на революционных национал-социалистов напали штурмовики, преданные Гитлеру. В кровавой стычке были ранены майор Бухрукер, Грантц и многие другие.

Вопреки заявлениям Мюнхена Штрассеру удалось буквально за несколько дней собрать в свою организацию более 800 человек. Среди них был и Бодо Узе, редактор «Шлезвиг-гольштинской ежедневной газеты», официального печатного органа НСДАП в этой земле. Впечатленный идеями Штрассера, он покинул партию. За собой увел не только здешнее руководство НСДАП, но и депутатов, избранных в местный совет.

Штрассер добился определенного успеха не только среди членов НСДАП, но и ее молодежной организации «Гитлерюгенд». Еще с 1929 года идеи левого национал-социализма разделял старый друг Рихарда Шапке Артур Гроссе. Этот человек был не просто ответственным за политическое воспитание членов «Гитлерюгенда» в Берлине и Бранденбурге, но и входил в имперское правление этой организации. Он, не задумываясь, решил присоединиться к группе Штрассера. Подобное решение поддержали широкие круги молодежи. В те дни штрассерианцами стали все члены штаба «Гитлерюгенда» в гау Мекленбург-Любек.

Молодежь с восторгом восприняла революционную патетику О. Штрассера. В те дни по рядам молодежной организации нацистов широко гуляла одна листовка. *«Мы, молодежь, в последние месяцы с тревогой и пугающими предчувствиями следим за развитием «Гитлерюгенда». Наше положение было терпимым, когда НСДАП и ее фюрер честно пытались бороться за освобождение немецкого народа, следуя духу 25 пунктов национал-социалистической программы. Но в последнее время «по тактическим соображениям» НСДАП пошла по пути, который совершенно не совместим с нашим национал-социалистическим мировоззрением. Нам, молодежи, больше не гарантируют изменение нашей революционной воли. НСДАП, как и год назад, пытается войти в государство легальным путем, рука об руку с реакционерами из «Стального шлема». Фюрер как законопослушный министр защищает нынешнюю систему, а потому работает против Немецкой революции. Адольф Гитлер как-то произнес такие слова: «Капитал не должен быть хозяином страны, он должен*

быть ее слугой». Несколько месяцев назад мюнхенское партийное руководство внезапно заявило: *«Мы отвергаем экспроприацию и принципиально настаиваем на сохранении частной собственности. Мы никак не можем смириться с подобным предательством неимущих слоев и идеи социализма. Мы, как и ранее, — за выполнение всех 25 пунктов нашей национал-социалистической программы. Мы отвергаем какое-либо сотрудничество с нынешней системой. Мы против каких-либо соглашений с красно-бело-черной или красно-желто-черной реакцией*[1]. *Мы действуем в духе «25 пунктов», выступая за уничтожение нынешней системы, за будущую Немецкую революцию, за великую Национал-социалистическую Германию».* Этот текст был подписан видными руководителями «Гитлерюгенда»: Лотаром Хильшером, Вальтером Унгером, Вальтером Ярзомбеком. Давно уже наметившийся раскол в «Гитлерюгенде» произошел 18 июля 1930 года. В этот день руководитель этой молодежной организации НСДАП в Штутгарте Карл Бауман заявил о своем намерении присоединиться к группировке Отто Штрассера. В своем открытом письме он заявил: *«Вступление в партию многочисленных реакционеров и консерваторов, союз с Гугенбергом, наглое и трусливое искажение партийной программы, коалиционная политика в Тюрингии и Саксонии придают НСДАП антисоциалистический и контрреволюционный характер».* Позже Карл Бауман, автор множества полемических текстов, примкнет к группе социал-революционных националистов, возглавляемой Карлом Петелем. Но большинство чле-

[1] Цвета кайзеровского и республиканского немецких флагов.

нов «Гитлерюгенда», последовавших за ним, предпочтут остаться в организации Штрассера. Отто Штрассер, Бухрукер и Бланк решили использовать отток молодежи из «Гитлерюгенда», чтобы создать собственную молодежную организацию — «Национал-социалистическая рабочая и крестьянская молодежь». Руководство новым формированием было поручено Рихарду Шапке и Артуру Гроссе.

В этих условиях к революционным национал-социалистам решили примкнуть и так называемые «национальные социалисты». В «Боевое содружество» вступили выгнанные Гитлером за какие-то незначительные прегрешения из партии депутаты мекленбургского ландтага Хильдебранд и Штайнгатт. 11 июля они изменили свое решение, заявив, что никогда не вели антипартийную деятельность и их изгнание из НСДАП было ошибкой. Этот возврат «блудных сыновей», по сути, спас Мюнхен от тяжелейшего организационного и политического кризиса. Как правильно заметил тогдашний гауляйтер Мекленбурга: *«Два штурмфюрера вышли из организации. Положение дел критическое»*. Возвращение Хильдебранда и Штайнгатта обратно в НСДАП (теперь их приняли с распростертыми объятиями), по сути, остановило дальнейший раскол гитлеровской партии.

Несмотря на то что переход членов НСДАП в КГРНС постепенно прекращался, это обстоятельство очень тяжело сказывалось на политической жизни местных партийных групп. Последними видными деятелями, покинувшими нацистскую партию, стали: гауляйтер Бранденбурга Эмиль Хольтц, член гамбургского городского совета Вальтер Шнорр, в распоряжении которого была очень сильная группа. Но наи-

большего успеха Штрассер добился, когда перетянул на свою сторону гауляйтера Данцига и местных штурмовых отрядов Бруно Фрике. Позже этому человеку, спасаясь от гитлеровского террора, пришлось эмигрировать в Южную Америку, где он до 1944 года как сотрудник штрассеровской организации распространял идеи революционного национал-социализма в Аргентине и Боливии.

Кризис в Данциге оказался настолько сильным, что Гитлеру пришлось не просто исключить Б. Фрике и его сторонников из партии, а вообще распустить местную партийную организацию и подразделения СА. К 20 августа 1930 года «Боевое содружество революционных национал-социалистов» имело в своем распоряжении четыре партийные группы в Берлине, десять партийных групп в других немецких землях и огромное количество сочувствовавших в Шлезвиг-Гольштейне.

В период с 10 по 25 августа Штрассеру удалось создать еще два новых филиала («боевые группы») и запланировать возникновение семнадцати. К сентябрю 1930 года КГРНС насчитывало 35 филиалов, которые не просто распространяли идеи Штрассера, но пытались закрепиться там, где революционные национал-социалисты не имели крепких позиций. В полицейском отчете от 15 июля 1930 года сообщалось, что число членов «Боевого содружества» колебалось между 3800—5000 человек. Из них 260 человек находились в Берлине, около 1000 — в Бранденбурге, 1500 — в Саксонии, около 2000 — в Руре и приблизительно 200 — в Мекленбурге. В этом отчете не указана мощная группа в Шлезвиг-Гольштейне, поэтому цифра 5000 кажется несколько заниженной.

Внезапный рост численности КГРНС остановился осенью 1930 года. Одной из причин стал кризис, потрясший ряды этой организации. Другая причина крылась в запрете газет «Боевого содружества», так как они «прославляли терроризм». 15 ноября «Кампф-Ферлаг» вообще прекратило свою деятельность. На некоторое время пресса революционных национал-социалистов полностью исчезла с прилавков газетных ларьков.

Но так или иначе именно в этот период возникло 10 новых групп, которые вели деятельность в Вене и даже в Мюнхене! Уже в январе 1931 года «Боевое содружество» переживало новый подъем, который достиг своего пика в марте того же года. В этот период КГРНС удалось создать 20 новых групп. Вновь заработало «Боевое издательство». Развитие не пошло на убыль и поздней весной. В мае 1931 года возникло 10 новых филиалов и один опорный пункт. Отто Штрассер продолжал территориально расширять свою организацию.

Когда в мае 1931 года в «Боевое содружество» вступили революционные штурмовики во главе с обер-лейтенантом Вальтером Штеннесом, КГРНС насчитывало более 6 тысяч человек, имея по всей Германии 90 опорных пунктов. Чтобы продолжить организационное развитие, «Боевое содружество» нуждалось в общенациональной газете, которой бы не мешали судебные разбирательства между НСДАП и «Кампф-Ферлагом». Поводом для подобных тяжб послужило то, что «Боевое издательство» юридически принадлежало не только Отто Штрассеру и его невестке, но и супруге Хинкеля, который остался в НСДАП. Сам Хинкель принципиально настаивал на

закрытии издательства. С формальной точки зрения он мог спокойно ликвидировать это предприятие. При поддержке Гитлера Хинкель начал судебный процесс против Отто Штрассера. В итоге Штрассер стал издавать лишь «Национального социалиста», «Берлинскую рабочую газету» и «Национал-социалистические письма», при этом их тираж катастрофически падал.

Когда 1 октября 1930 года «Кампф-Ферлаг» было закрыто, Штрассер был вынужден создать новое предприятие, которому он дал название одной из своих прошлых газет «Национальный социалист». Надо отметить, что «Боевому содружеству» постоянно приходилось сталкиваться с финансовыми трудностями. В августе 1930 года тираж «Национал-социалистических писем» упал до 4 тысяч экземпляров, при этом ежедневная газета стала выходить лишь два раза в неделю. Запрет на издательскую деятельность для Отто Штрассера, который длился до 15 декабря 1930 года, окончательно подорвал материальное состояние «Кампф-Ферлага». Было решено прекратить выпуск любых печатных изданий. Предполагалось сосредоточить все имеющиеся финансовые средства, чтобы издать газету «Немецкая революция», чей тираж, по замыслу учредителей, должен был превысить 10 тысяч экземпляров.

В то время КГРНС имело небольшую штаб-квартиру в Берлине, располагавшуюся на Циммерштрассе. Она одновременно служила и местом для проведения собраний и встреч функционеров, и школой для руководящих кадров. Охрану офиса вели добровольцы из так называемого «боевого подразделения»,

которое в Берлине насчитывало около двух десятков человек.

У нас очень мало информации относительно финансового положения «Боевого содружества». Известно лишь, что с деньгами было настолько туго, что Штрассер был вынужден отказаться от освобожденных ставок и использовать лишь добровольный труд своих сторонников. По-видимому, деньги, которые имелись у КГРНС, были пожертвованиями самых активных членов «Содружества». Но поскольку в то время Отто Штрассер поддерживал связи с Эрхардтом и бюро Шпильмана, которые активно боролись против праворадикальных сил, можно предположить, что «Боевое содружество» получало деньги либо от правительства, либо от частных лиц. Но даже если такие субсидии существовали, то они могли лишь отчасти смягчить финансовый кризис, в котором постоянно пребывало КГРНС.

Но, несмотря на все трудности, за год КГРНС удалось создать себе организационную базу по всей Германии и даже за ее пределами. Однако по сравнению с НСДАП «Боевое содружество революционных национал-социалистов» оставалось крошечной организацией. В то время, как большинство «Фёлькише» и парамилитаристских структур попадало под влияние НСДАП, «Боевое содружество» продолжало развиваться исключительно в русле идеологии «консервативной революции». С определенной уверенностью это время можно назвать «золотым веком» революционного национал-социализма. Почему? Потому что уже в самой структуре КГРНС и ее идеологии были заложены множественные предпосылки для последующих кризисов и краха.

Глава 4

«НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИСТСКИЙ» КРИЗИС

Мировой кризис 1929 года и последовавший за ним взлет НСДАП были главными причинами ухудшения отношений между двумя ветвями национал-социализма. Основательное изменение политической и экономической ситуации в Германии заставило «Боевое содружество», тогда оппозиционное движение, находившееся только в стадии своего становления, занять более конкретную позицию по жизненно важным вопросам. После «поражения» Брюнинга[1]

[1] *Брюнинг Генрих* (1885—1970), германский политический деятель периода Веймарской республики, канцлер. Родился 26 ноября 1885 года в Мюнстере, Вестфалия. Изучал философию и политические науки. В 1920—1930 годах занимал ответственные посты в католических профсоюзах. В мае 1924-го был избран в рейхстаг, где занял видное место во фракции партии «Центра», а с 1929-го стал лидером этой фракции. Был тесно связан с Ватиканом. 28 марта 1930-го провозглашен канцлером Германии, сформировал правительство, которое было первым из серии переходных кабинетов от Веймарского режима к нацизму. Правительство Брюнинга широко использовало ст. 48 Веймарской конституции 1919 года для проведения чрезвычайных антидемократических законов, провело декреты о снижении заработной платы, о введении новых налогов, преследовании антифашистских рабочих организаций, и особенно компартии. Во внешней политике Брюнинг видел главную свою задачу в том, чтобы выиграть время для военного усиления Германии. В 1932-м возглавлял германскую делегацию на Международной Женевской конференции по разоружению. 30 мая 1932-го президент Германии Пауль Гинденбург направил Брюнингу письмо с требованием об отставке. Его сменил на этом посту фон Папен. После прихода Гитлера к власти Брюнинг отошел от политики и в 1934 году эмигрировал в США. Возвратился в Кельн в 1951-м, занялся преподавательской деятельностью. В 1954-м вновь уехал в США. Умер Брюнинг 30 марта 1970 года в Норвике, штат Вермонт.

при голосовании в парламенте и роспуске рейхстага революционные национал-социалисты, как и вся немецкая общественность, ожидали значительной партийной перестановки и изменения политического ландшафта страны. Именно этот фактор должен был предопределить дальнейшее развитие Германии.

Уже 20 июля в своей статье «Ложь 14 сентября», осуждавшей предстоящие выборы в рейхстаг, Штрассер говорил о «титаническом росте старой лжи» и невозможности кардинальных изменений внутри этой старой прогнившей системы. Причем для Штрассера самым важным событием того времени был не роспуск парламента, а «разложение» Немецкой народно-национальной партии, что привело к очередному сближению Гитлера и Гугенберга. Принципиальным отличием нового блока было то, что Гитлер стал играть роль вождя национальной оппозиции, а Гугенберг был лишь его подручным, находясь на вторых ролях. *«Гитлер будет наследником Гугенберга»*, — утверждал Штрассер. Он делал предположение, что сотрудничество НСДАП и «Стального шлема» будет проходить в чисто фашистском духе. В свою очередь это приведет к тому, что им *«отдадут голоса исключительно буржуазные, капиталистические избиратели, которые увидят в фашизме свое единственное спасение»*. По его мнению, этот избирательный маневр был очевидным признаком *«мелочности и ничтожности немецкого парламентаризма»*.

Когда выборы в рейхстаг подходили к концу, коалиция трещала по швам. КГРНС предвидело не только усиление коммунистов и нацистов, но и то, что Брюнинг будет препятствовать созданию в рейхстаге новой правящей коалиции. Сила нацистов была об-

манчивой, так как любая их оппозиционная деятельность была обречена на провал. Штрассер предполагал, что НСДАП откажется от своей прежней программы, ибо она привела бы к повторному роспуску рейхстага. «Боевое содружество» вообще не видело в рейхстаге фактора, который бы определял немецкую внутреннюю политику. Единственным правильным решением руководству КГРНС виделся призыв к бойкоту выборов. Такое решение было принято 17 августа 1930 года.

«Боевое содружество» даже выпустило манифест, призывающий немцев не принимать участие в выборах. Он был обращен к «рабочим, крестьянам, солдатам и немецкой молодежи», которые видели бессмысленность участия в выборах. В нем утверждалось, что на тот момент внутренняя политика полностью зависела от внешней, а потому любая поддержка правящей системы означала одобрение Версальского договора. *«Рейхстаг перестанет быть субъектом немецкой политики вместе с Версалем и Локарно, вместе с Дауэсом и Юнгом. Он, рейхстаг, — инструмент порабощения, постоянно торгующийся с различными заинтересованными группами».* Выборы и те, кто принимал в них участие, только поддерживали обанкротившуюся капиталистическую систему. Руководство КГРНС требовало, чтобы все немецкие революционеры своим неучастием в выборах разрушили обман плана Юнга, а «время избирательных бюллетеней сменилось временем прямых действий».

За неделю до выборов «Берлинская рабочая газета», тогда еще не прекратившая своего существования, опубликовала прогноз результатов голосования. Предполагалось, что социал-демократы потеряют 3—5

мест в парламенте, Немецкая народно-национальная партия сократится на 20—30 депутатов, а НСДАП станет одной из ведущих партий Германии, приобретя в парламенте 60—70 новых депутатских мест. Этот прогноз по сути оказался пророческим, несмотря на то, что он недооценил силу нацистов. Их фракция выросла на 95 депутатов!

Фактическая победа НСДАП поставила теоретиков революционного национал-социализма в очень сложное положение. Появившийся на следующий день после оглашения итогов предвыборной гонки номер «Национал-социалистических писем» предпочел ограничиться неопределенными комментариями: *«14 сентября миновал судьбоносный час, а капиталистическая буржуазия при помощи НСДАП избежала катастрофы буквально накануне своей смерти. Предательство нацистов, изменивших своим социалистическим идеалам, станет очевидным для всех. Выборы показали прежде всего другим, что на нет сходят те группы, чьи лозунги и программы недостаточно сильны. На плаву смогли удержаться только так называемые экстремистские партии. Признаком этого является радикализация нации, рост революционных настроений».*

В то время деятельность «Боевого содружества» состояла в том, чтобы пропагандировать «истинное содержание подлинного национал-социализма». Тогда «Содружество» ставило единственную цель: «когда наступит окончательное разочарование в НСДАП, направить народ на путь революции».

После заседания руководящего штаба «Боевого содружества» Штрассер решил отказаться от осторожной выжидательной тактики, чтобы использовать

успех Гитлера в собственных целях. Могло даже показаться, что он был рад его успеху. В статье «Революция марширует» он писал: *«Редко одна неделя приносила немецким революционным национал-социалистам столь глубокое удовлетворение»*. Он говорил о *«неуклонном росте революционных настроений и растущем движении против политики исполнительной власти»*. КПГ и НСДАП были изображены в этой статье почти как союзники, с той разницей, что нацисты реализовывали социал-революционные устремления в среде буржуазии, а коммунисты среди пролетариев. Но вместе с тем он подчеркивал, что обе эти партии в силу своего классового характера не были в состоянии осуществить революцию. Для выполнения этой задачи было пригодно лишь «Боевое содружество революционных национал-социалистов». Гитлер был, конечно, полезен, но уже сыграл свою роль. Его «великое историческое значение» (по Штрассеру) состояло в том, что он был «барабанщиком революции». Но «незримые силы истории перебросили его на правые позиции». *«Барабанщик революции, выросший в окопах великой войны, стал государственным мужем»*, — подытоживал свою мысль Отто Штрассер.

Вполне можно допустить, что теоретики «Содружества» искренне верили, что именно они устанавливают правила революции. Может быть, они действительно полагали, что за их движением будущее. Но рядовых членов вряд ли можно было обмануть. Они понимали, насколько «Боевое содружество» слабо по сравнению с НСДАП и КПГ. Многие из них видели в коммунистах единственную альтернативу Гитлеру. И присоединялись к ним в надежде вести вооружен-

ную борьбу против наступавшего фашизма. Эти настроения и победа Гитлера на выборах 14 сентября 1930 года вызвали в КГРНС кризис, получивший название «национал-большевистского». Именно тогда в организации Штрассера произошел первый раскол.

24 августа 1930 года в центральном печатном органе Коммунистической партии Германии были опубликованы «Программные комментарии по национальному и социальному освобождению немецкого народа». Этот документ внес изрядную сумятицу в ряды «Боевого содружества». Что же произошло? Дело в том, что комментарии были ориентированы на присоединение руководства революционных национал-социалистов к КПГ. Кроме социальных мероприятий по улучшению жизненного уровня широких слоев населения программные комментарии уделяли большое внимание национальному вопросу. Отдельные национал-социалисты из окружения Отто Штрассера считали эти пункты наиболее сильным местом программного заявления.

«Мы, коммунисты, выступаем против территориального разделения и ограбления Германии, основанных на тираническом Версальском мире. Мы торжественно заявляем всем народам, всем зарубежным правительствам и капиталистам, что в случае нашего прихода к власти мы аннулируем все обязательства, предусмотренные Версальским миром. Мы не заплатим ни пфеннига по империалистическим займам, кредитам и капиталовложениям, сделанным в Германию. Придя к власти, мы беспощадно положим конец предприятиям банковских магнатов, которые сейчас открыто диктуют свою волю нашей стране. Мы осуществим пролетарскую

национализацию банков и аннулируем задолженности перед немецкими и иностранными капиталистами».

Но залог прихода к власти и защиты интересов Германии теоретики КПГ видели в широком классовом союзе: *«Когда все рабочие, все бедные крестьяне, все служащие, все трудящиеся средние слои сплотятся вокруг Коммунистической партии Германии, тогда они станут неимоверной силой, которая не только уничтожит господство капитала, но сделает бессмысленным любое вторжение как снаружи, так и внутри страны».*

Штрассерианцы уже давно наблюдали за коммунистической партией. Еще 20 июля 1930 года «Берлинская рабочая газета» поместила огромный обзор, посвященный триумфальной победе Сталина на партийном съезде в Москве. Автор статьи проводил анализ ситуации в мире, указывая на совпадение по времени мирового экономического кризиса, кризиса капитализма и повсеместного роста националистических настроений. Он призывал Москву и немецких коммунистов признать ошибочными призывы к всемирной революции и классовой борьбе.

Первой официальной реакцией штрассерианцев на изменение программного курса КПГ стала статья Ойгена Моссаковского «Национал-большевизм», которая была опубликована 7 сентября 1930 года. В ней он назвал «Программные комментарии» «значительнейшим историческим документом», который означал присоединение КПГ к «фронту немецкого сопротивления и освободительной политики». Впрочем, он не питал иллюзий, что коммунисты в состоянии отказаться от марксистской теории. Для него было

важно, что решительное желание немецких коммунистов разобраться с грабительским Версальским миром было ответом на «капитуляцию гитлеровской партии перед враждебно настроенным к Германии миром». Этот шаг направлял коммунистов на тот путь, с которого они не имели права свернуть. В конце своего панегирика «национал-большевизму» Моссаковский делал намек на возможность выработки общей тактической программы действий.

Но 14 сентября последовала несколько другая реакция. В тот день Розикат, наиболее последовательный сторонник штрассеровских тезисов, и Эрнст Никиш предусмотрительно высказались против сближения с «национал-коммунистами». Розикат видел выход из сложившейся ситуации лишь в создании широкого «Фронта угнетенных», который бы объединил все союзы, организации и партии, выступавшие за революционный путь ликвидации Веймарской республики. Вместе с тем Розикат подчеркивал, что коммунисты и истинные национал-социалисты могли помочь другу только в случае, если откажутся от своих специфических путей развития общества. Действительно, национальный идеализм и исторический материализм были мало совместимы. В итоге он предполагал, что союз угнетенных должен был вылиться в новую национал-коммунистическую утопию. Анализ Никиша во многом повторял выводы Розиката, но тут автор шел гораздо дальше: «*Программные комментарии— это уникальное событие в немецкой политике последнего времени... Немецкий рабочий больше не чувствует себя только представителем своего класса: он почувствовал свои национальные корни и понял, что социальную борьбу может*

вести только в форме национально-освободительной борьбы».

У Эрнста Никиша были собственные соображения по поводу комментариев к программе КПГ. Они казались ему вполне логичным шагом в борьбе против империалистических держав и их союзников в Германии. К числу таковых он относил не только консерваторов и либералов, но и социал-демократов. Лидеров немецкой социал-демократии он считал «агентами французского и польского империализма». «*Все действия коррумпированной социал-демократии — предательство не только нации и страны, но и жизненных интересов немецких трудящихся*». Новая программа КПГ с самого начала предполагала комплексное политическое развитие страны, и Э. Никишу уже виделись «очертания фронта немецкой освободительной борьбы, которая впервые будет проходить под знаком единой победоносной стратегической идеи».

Гитлер, по мнению Никиша, не понимал необходимости борьбы против капитализма и западных держав. Для него она была лишь переходным, промежуточным состоянием. Но Гитлеру удалось мобилизовать средние слои: «*Он — барабанщик, который так и не смог стать полководцем. Политика коалиции Гитлера с Гугенбергом, проводимая в Тюрингии, склонность к бюрократизации, итало-английская ориентация только доказывают, что его партия всего лишь попытка выхолостить национал-революционные устремления средних слоев, которые увлечены национализмом, но совершенно социально индифферентны*». Национальная активность пролетариата временно перешла в руки коммунистов. Но на са-

мом деле она должна проходить под знаменем национал-социализма, «выражением которого являются только штрассерианцы».

Статьи Моссаковского, Розиката и Никиша были едины в своих оценках: все они верили в национальную переориентацию КПГ. Для них это было естественным развитием событий, но вовсе не тактическим шагом, предпринятым коммунистами. Теоретики революционного национал-социализма даже стали употреблять в связи с этим термины «национал-большевизм» и «национал-капитализм». Переход коммунистов от интернационализма к национализму казался национал-революционным интеллектуалам доказательством повсеместного распространения националистического мышления, которое находило плодородную почву прежде всего в странах, страдавших от «колониальной эксплуатации». Эти люди приветствовали подобную тенденцию как позитивную и способствующую созданию единого фронта борьбы против капитализма и Версальской системы. Но для создания «новой Германии» эта программа казалась им недостаточной, так как многие идеи, изложенные в ней, носили явно «ненемецкий характер».

Для достижения данной цели союз между революционными национал-социалистами и коммунистами был теоретически необходим. На практике же он был невозможен, пока КПГ не решилась стать национальной партией.

Один из выпусков «Национал-социалистических писем» был почти полностью посвящен национал-большевистскому вопросу. Очень интересно, какое значение имели эти дебаты для «Боевого содружества революционных национал-социалистов». Важнейшим

документом в этом выпуске штрассеровской газеты являлось «Открытое письмо к руководству КПГ», написанное Карлом Петелем. Эта публикация появилась после того, как собрание, организованное Штрассером в Нойкёльне, было сорвано коммунистами. Они заняли все трибуны и начали вести собственную агитацию. Петель устанавливал очевидную связь между этим инцидентом и серией клеветнических статей о «Боевом содружестве», появившихся в газете «Утренний Берлин». Он пытался спровоцировать споры, бурную полемику, дабы коммунисты признали в национал-революционерах естественных союзников. *«Собственно говоря, за чем вы следуете, господа функционеры КПГ? За партией? Если вы правильно поступаете, то почему систематически скрываете от своих сторонников, что имеются и другие силы, которые идеологически, конечно, чужды, но практически родственны вам. Те силы, которые выступают за приближение социализма... Мы считаем роковой ошибкой в деле борьбы за права угнетенного народа кратковременную тактику партии сталкиваний между собой революционных сил вместо тактики совместного приближения крушения капитализма»*.

Столкновение между членами КПГ и революционными национал-социалистами Петель характеризовал как действия людей, которые не имели никакого политического чутья. По его мнению, реальную политическую обстановку можно было бы исправить, отказавшись от взаимной враждебности и заключив тактический союз.

Когда Петель писал эту статью, он еще не знал, что Коминтерн занял враждебную позицию в отношении группы Штрассера. Собственно говоря, имен-

но этим и объяснялось происшествие, произошедшее в сентябре 1930 года. А отношение Коммунистического Интернационала было однозначным: «*Как можно оценивать обе национал-фашистские группы? Наиболее опасны революционные национал-социалисты, то есть группа Отто Штрассера. Чем больше наблюдаем, тем больше мы убеждаемся, что их роль состоит в том, чтобы препятствовать освобождению масс, когда истинная национал-социалистическая партия возродится. Их объективная роль состоит в том, чтобы вносить раскол в массы. Они должны быть разоблачены как провокаторы. Факт, что группа Штрассера много слабее гитлеровской группировки и что они выступают против Гитлера. Но от взгляда стороннего наблюдателя скрывается истинное положение вещей. А именно: суть штрассеровских сторонников не в том, что они являются левыми национал-фашистами, а в том, что они — фашистские агенты зловещей армии буржуазии*».

Штрассер всерьез опасался раскола «Боевого содружества». Часть его сторонников в действительности могла перейти в Коммунистическую партию Германии. Именно поэтому он пытался в том же номере «Национал-социалистических писем» дистанцироваться от высказываний Петеля. При этом он искусно сформировал идею, что он единственный представляет «немецкий большевизм». Чтобы доказать это, он должен был разоблачить «программные комментарии» коммунистов как хитрый тактический шаг, который ставил своей целью раскол рядов революционных национал-социалистов и национально-революционных («аутентичных») сил.

Позднее Христиан Клее в ряде своих статей пытался обосновать правдоподобность мысли об «истинном штрассеровском большевизме». Согласно этой мысли действительно ***большевистской*** организацией в Германии являлось «Боевое содружество», в то время как КПГ была организацией ***коммунистической***. Вопрос, заданный в фильме «Чапаев»: «Ты за большевиков аль за коммунистов?» — в Германии тех времен приобретал вполне конкретные политические очертания. Христиан Клее противопоставлял эти два понятия.

Коммунизм — это Третий Интернационал; свобода, равенство, братство; манифест Карла Маркса; задачи, упакованные в коробки с иностранными словами. Но большевизм был для него почти аристократическим понятием. Это электрифицированная Россия, парады Красной армии, борьба за власть в Китае, философские беседы комиссара Чичерина с графом Брокдорф-Ранцау в московском ночном ресторане. Это ужины в комиссариате иностранных дел, где генерал Хаммерштайн сидел напротив бандита Макса Хёльца.

Коммунизм — это программа, догма, социальная теория, много мыслей и много пошлости. Большевизм— это энергия, движение силы, вызванное самой жизнью. Это насилие Сореля, которое направлено исключительно против существующих законов и власти. Большевизм— это событие, дело, действие. Национал-коммунизм никогда не мог наступить, потому что существовал национал-большевизм.

Появление этой статьи означало полнейший отказ от тезисов Моссаковского. Клее провозглашал, что в Германии национал-большевизм мог существовать

только в форме революционного национал-социализма. «Программные комментарии» КПГ были даже не национально запрограммированным коммунизмом, а всего лишь голой теорией из времен расцвета либерализма, которая осмелилась отказаться от законов системы, которая же и породила ее. Действия КПГ — это «математика», ведущая холодные вычисления и чуждая действительности жизни, и тем паче судьбе. Эта «математика» мыслит лишь о том, как бы достигнуть нереальной тактической цели. Тем временем задача «Боевого содружества» оставалась прежней — превратить национал-коммунизм в национал-социализм, в его национал-большевистском понимании. Окончательно «Программные комментарии» были разгромлены в статье Людвига Альвенса «Революция на бумаге».

Но далеко не все революционные национал-социалисты были согласны с подобными выводами своего руководства. По их мнению, КПГ, затронув национальную проблематику, встала на позиции КГРНС, что, в свою очередь, лишало «Боевое содружество» права на существование. Эти национал-революционные кадры встали на позиции Моссаковского. Они были воодушевлены, как им казалось, историческим переворотом в КПГ. Один из них опубликовал на страницах «Национального социалиста» своего рода прокоммунистический «символ веры». Автор заявлял, что национал-социалисты готовы без промедлений вместе с коммунистами сокрушить существующую систему. Он был *«готов объединиться даже с чертом, который назло слепой вере буржуазии перестанет быть дьявольским проявлением»*. Автору было абсолютно наплевать, если после подобных заявлений его назовут большевиком.

Тем временем 28 августа 1930 года организационный руководитель «Боевого содружества» Рэм открыто заявил, что под манифестом КПГ мог бы подписаться любой член КГРНС. В то же время Вильгельм Корн, который разделял это мнение, утверждал, что не стоит ожидать подобной ответной реакции от КПГ. Но как бы то ни было, в тот период в «Национальном социалисте» появилось 15 статей, которые подробно излагали суть коммунистических комментариев. Это должно было показать членам «Содружества», которые поверили в национальное обновление КПГ, что исполнительный комитет КГРНС настроен если не реакционно, то, по меньшей мере, реформистски.

4 октября 1930 года «Роте Фане» сообщила, что в компартию перешли три руководителя революционных национал-социалистов. Это стало политической сенсацией, так как речь шла о Рэме, Корне и Лорфе, ответственном руководителе берлинской организации «Содружества». Корн и Рэм считали, что представляют пролетарских приверженцев из среды революционных национал-социалистов. Они полагали, что путь к национальной свободе лежит только через социальную революцию. Лорф не принимал главным образом штрассеровское понимание социализма, предполагавшего социализацию промышленности и хозяйства лишь на 49%. Он ставил перед Отто Штрассером вопрос: «Мог ли называться социалистом тот, кто не только отказывался от классовой борьбы, но даже отрицал сам факт ее существования?» И хотя этот «левый» раскол не имел для «Боевого содружества» особо болезненных последствий, он сделал очевидными не только идеологические разногласия внутри органи-

зации, но и политическую разнородность членов этой организации. Идеологическое единомыслие сохранялось здесь лишь в вопросах лозунгов: революция, отрицание гитлеровского соглашательства и необходимость нового социально-экономического порядка в Германии. Поверхностное единство скрывало под собой глубокие разногласия, которые впоследствии привели к затяжному кризису «Боевого содружества революционных национал-социалистов».

Глава 5

ПЕРВЫЙ ИМПЕРСКИЙ КОНГРЕСС «БОЕВОГО СОДРУЖЕСТВА»

Изначально общенациональное собрание «Боевого содружества революционных национал-социалистов» было запланировано на первые числа октября 1930 года. Но прошло на пару недель позже — исполнительному комитету потребовалось время, чтобы заменить руководящие кадры, перешедшие к коммунистам.

Несмотря на споры, бушевавшие ранее, этот Первый имперский конгресс не только четко обозначил отношение к «Программным комментариям» КПГ, но и выработал теоретическую основу для деятельности «Боевого содружества». В итоге майор Бухрукер подготовил «Программные основы революционного национал-социализма — Новый Порядок». На самом деле эта брошюра являлась не чем иным, как несколько переработанными «14 тезисами Немецкой революции», которые с августа 1929 года служили неофициальной политической программой КГРНС.

С согласия Штрассера Бухрукер требовал национализации, проводимой в соответствии с духом «немецкого социализма». Кроме этого «новая» программа предполагала создание ремесленных предприятий и возвращение городского населения в сельское хозяйство. Чтобы государство, ослабленное бюрократией, вновь стало работоспособным, ответственные решения должны были приниматься узким кругом руководителей. Это «ограниченное лидерское государство» должно было начать массовое переселение, дабы устранить местные особенности. Это прежде всего касалось Пруссии. Подобные меры должны были гарантировать единство германского народа, освобожденного от цепей Версальского империализма.

Имперский конгресс открылся 26 октября 1930 года. Первый день был посвящен обсуждению программных требований и организационных проблем. 17 делегатов заслушали два политических доклада. Первый был сделан Моссаковским. Его речь была посвящена отношениям между коммунистами и революционными национал-социалистами. «*При существующих противоречиях между Западом и Востоком мы выступаем явно не на стороне Запада, к которому принадлежит, кстати, и Италия. Мы выступаем на стороне России. К коммунистической партии мы относимся следующим образом: мы будем поддерживать каждое существенное революционное действие коммунистической партии. Но мы должны также организовать контакты и наладить сотрудничество со всеми другими революционными организациями Германии. Надо поддерживать каждого, кто выступает против системы*».

Хотя Моссаковский и приветствовал действия ком-

мунистов, но он принципиально отказывался от идеи слияния с КПГ. Он предлагал, чтобы ведущую роль в создании антикапиталистического и антиимпериалистического фронта играло именно «Боевое содружество». В дальнейшем Моссаковский стал нападать на церковь и партии центра, которые поддерживали «иезуитского диктатора» Брюнинга. *«Пока все церковные структуры стоят на стороне эксплуататоров, мы отвергаем их. Возможно, придет день, когда мы скинем церковные колокола и отольем из них пушки! Мы жаждем хаоса, так как почувствуем себя сильнее и укротим его».*

В своей речи Штрассер говорил о задачах в тогдашней политической обстановке. Он заявлял, что «Боевое сообщество» занимало особе положение, находясь между двумя массовыми партиями. НСДАП была мелкобуржуазной партией, а КПГ из-за своего либерального основополагающего происхождения не могла ни объединить, ни предоставить необходимых сил для тотальной революции. Обе эти партии не были в состоянии воплотить в жизнь истинный немецкий социализм. Революция, в его понимании, была феноменом, который нельзя было разработать и подготовить. Роль «Боевого содружества» состояла в том, чтобы еще до революции подготовить кадры для послереволюционной эпохи. Это делалось вовсе не для того, чтобы подготовить нелегальную вооруженную операцию, но для того, чтобы создать духовное движение, которые объединило бы представителей различных политических сил. *«Мы должны, можем и будем собирать воедино убежденных немецких революционеров, создавать авангард из 20—25 тысяч сплоченных людей. Они будут двигаться не только*

в ритме общих чувств, они не только проявят решительность для достижения общей цели, но они осознают свой общий путь и захотят неумолимо пройти по нему, пока не достигнут цели».

«Боевое содружество революционных национал-социалистов» не должно было пассивно ожидать неизбежности катастрофы. В хаосе, о котором говорил Моссаковский, должна была зародиться революционная воля. Именно поэтому надо было поддерживать любую критику существующей системы, вскрывать противоречия капитализма, призывая к решающей схватке. В этом генеральном сражении должны были принять участие и восставшие крестьяне, и трудящиеся фабрик. КГРНС— «школа младших офицеров Немецкой революции» — должно было выработать на основе прозвучавшей критики буржуазного общества новую «тотальную идеологию» — революционный национал-социализм. «25 пунктов» НСДАП, появившиеся на свет в 1920 году, оставались в силе, но цели и идеологию «Боевого содружества» определяли исключительно «14 тезисов Немецкой революции».

Эти тезисы охватывали три основных направления: внешнюю политику, реформу экономики и государства, создание новой культуры. Достижение свободы немецкого народа и объединение всех германских племен среднеевропейского жизненного пространства было возможно лишь при условии неустанной, фанатичной борьбы против Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

Антиимпериалистическое движение, порожденное Немецкой революцией, должно было защитить национальное мышление. Новое движение должно было отрицать господство одних народов над другими

нациями. Централизованное авторитарное государство направляло бы немецкий народ, представляя собой объединение всех сил нации, которые были необходимы для структурного изменения немецкого общества.

Ликвидация парламентаризма и создание сословно-профессиональных палат должны были стать предпосылками для становления «судьбоносного общества» и коллективной экономической ответственности. Немецкий социализм должен был вернуть нации собственность на землю, земельные владения, полезные ископаемые. Право на использование их имел бы каждый немецкий гражданин. Подобные нововведения должны были изгнать из экономической и хозяйственной жизни любые личные корыстные интересы.

Накопление материальных богатств должно было существенно ограничиваться. Это содействовало бы оздоровлению национального организма, который страдал тяжкими недугами, порожденными «мировым капиталистическим кризисом». «Немецкий ренессанс» должен был последовать лишь после решительного отрицания расового и культурного интернационализма, после начала бесповоротной борьбы с еврейством и масонством. Последний тезис подводил итог всей программы «Боевого содружества»: «*Немецкая революция является национальной, так как выступает против порабощения немецкой нации; социальной, так как борется против тирании капитала; народной, так как противится разрушению немецкой души*».

Первый имперский конгресс КГРНС решал не только идеологические, но и организационные проблемы. С начала октября 1930 года они становились

все более и более насущными. Сначала обсуждалась символика «Боевого содружества». За основу было решено взять флаг НСДАП— красное полотнище с белым кругом в центре. Но свастика должна быть заменена символикой крестьянского восстания 1525 года— башмаком. Но в декабре было решено отказаться от подобного флага. Чтобы сделать полотнище «Боевого содружества» совсем идентичным знаменам крестьянских повстанцев XVI века, основной цвет сделали черным, а башмак заменили скрещенными молотом и мечом. Униформа революционных национал-социалистов — коричневая рубашка, на которой не было никаких знаков различия. Кроме этого участникам конгресса был предложен проект Устава, разработанный исполнительным комитетом. Он был принят единогласно. В этом документе значилось, что *«целью КГРНС являлась внутренняя и внешняя свобода немецкого народа, которая могла быть достигнута благодаря социалистической революции и национально-освободительной борьбе»*. Каждый вступающий в «Боевое содружество» обязательно должен был разделять эти цели. Любого могли исключить из рядов революционных национал-социалистов за членство в международных организациях, например в масонской ложе или Ротари-клубе. В КГРНС предусматривалось двухступенчатое членство: революционные национал-социалисты делились на активистов и сторонников. При голосовании первые имели два голоса, вторые лишь один.

Члены организации объединялись по территориальному принципу в «боевые группы». Руководитель группы избирался простым голосованием. «Боевые группы» объединялись в округ, во главе которого стоял

окружной лидер, избираемый простым большинством голосов на собрании руководителей групп. Высшим органом «Боевого содружества» являлся исполнительный комитет, состоящий из 3—5 человек. Его члены ежегодно отчитывались перед имперским конгрессом, на который выдвигалось по одному депутату от каждой «боевой группы». Именно имперский конгресс мог большинством голосов внести изменения и в политическую программу «Боевого содружества», и в его Устав.

При решении важных вопросов в исполнительном комитете по одному голосу имели имперский казначей и организационный руководитель. При необходимости могли даже создаваться специальные комиссии. Из окружных лидеров, организационного руководителя, казначея, председателей комиссий и президента молодежной организации складывался Руководящий совет содружества.

Можно отметить особую изобретательность Штрассера, который умудрился повторить в Уставе структуру НСДАП, приправив ее неким «демократическим централизмом». Видимо, он надеялся этим привлечь к себе перебежчиков из НСДАП. Тем не менее процесс выборов на уровне «боевых групп» лишь маскировал концентрацию власти в руках исполнительного комитета, который при желании мог провести любого кандидата. На самом деле этот орган состоял лишь из трех человек: самого Отто Штрассера, Герберта Бланка и майора Бухрукера. Руководителями молодежной секции были назначены Рихард Шапке и Франке-Грикш, который был более известен под псевдонимом Хильдебранд. Ойген Моссаковский вместе с Бланком издавали газеты и жур-

налы, фактически возглавляя пресс-службу «Боевого содружества». Доктор Хаймсот возглавлял бюро по изучению внешнеполитических вопросов. Бюро проблем внутренней политики включало в себя Моссаковского, Вафера, Ольденбурга и Готтнарда Шильда. Если посмотреть на дальнейшее развитие КГРНС, то можно смело заявить, что центральные органы власти возглавили националисты, а сторонники революционной социалистической ориентации (Моссаковский, Шильд, Ольденбург) сосредоточились в комиссиях «Боевого содружества». Пожалуй, мы ничего еще не сказали о Готтнарде Шильде. В свое время он был руководителем одной из секций НСДАП. Как и многие левые национал-социалисты, он покинул гитлеровскую партию в августе 1930 года. В то время Штрассер очень нуждался в опытных политических кадрах. Об этом хотя бы говорил быстрый взлет Шильда в «Боевом содружестве» и его активная работа во внутриполитическом бюро.

Несмотря на то что во время съезда была принята единая программа КГРНС, верхушка «Боевого содружества» не придерживалась какой-то четкой идеологии. Люди, находившиеся там, имели самые различные представления о социализме. На встречу с так называемыми «друзьями революционных национал-социалистов», которая проходила 17 октября 1930 года, были приглашены представители самых различных организаций. Там присутствовали Эрнст Никиш, лидер «бюндише»[1] молодежи Ламберти, бывшие соратники по НСДАП и т. д. На этой встрече, которая больше напоминала совещание, Отто Штрассер пред-

---

[1] *«Бюндише»* — молодежное почвенническое движение, бравшее свои корни от организации «Перелетные птицы».

ставил список тех организаций, с которыми он готов был начать политическое сотрудничество. В этом списке значились «Сопротивление» Эрнста Никиша, Союз «Оберланд», «Вервольф»[1] и «Шиллюгенд». Последняя организация «Шиллюгенд» — Союз «Экккенхард» была создана одним из лидеров добровольческих корпусов Герхардом Росбахом. После неудачного «пивного путча» эта парамилитаристская организация продолжила свое развитие в Австрии, Баварии и других немецких землях на юге Германии. Члены этого союза симпатизировали НСДАП, идеям Эрнста Никиша, консервативно-революционным представлениям Артура Мёллера ван ден Брука. В декабре 1930 года радикальные элементы покинули эту организацию, чтобы заняться политической деятельностью. Их не устраивала отводимая им роль: добровольные работы, обучение населения защите от воздушных налетов в случае войны.

В этом списке, как мы видим, были представлены в основном военизированные и националистические организации. Штрассер отказался заключать союз с левыми силами, в том числе и с коммунистами. Впрочем, по ряду вопросов он был готов сотрудничать с оппозиционными профсоюзами и «Красной помощью». 2 ноября 1930 года «Берлинская рабочая» газета получила задание наглядно продемонстри-

---

[1] Просьба не путать с нацистской подпольной организацией, которая должна была в конце Второй мировой войны развернуть партизанскую борьбу на территории оккупированной Германии. Также не стоит переводить название организации, с которой намеревался сотрудничать О. Штрассер, как «Оборотень» (Werwolf). В данной ситуации речь идет о заимствовании из истории названия партизанских крестьянских подразделений, которые назывались Wehrwolf. А стало быть, более правильный перевод предполагает название «Вооруженные волки», «Боевые волки».

ровать итоги конгресса, в том числе по вопросу отношения к КПГ.

Буквально накануне лидер немецких коммунистов Хайнц Нойман, выступая в Берлинском Дворце спорта, призвал национал-социалистов и «революционные штурмовые отряды прекратить братоубийственную борьбу», которая была не в интересах пролетариата. Это заявление дало для исполкома КГРНС повод повторить мнение, высказанное на имперском конгрессе. Руководство «Боевого содружества» приветствовало мужество коммунистов, которые решились на подобные заявления. Оно даже вспомнило, что во многом интересы НСДАП и КПГ совпадали, так как они были ориентированы на защиту немецкого народа. Но вместе с тем исполком подчеркнул, что основной задачей революционных народных масс являлось создание единого социалистического фронта с собственным вождем во главе. Естественно, этот фронт должен был находиться под непосредственным контролем «Боевого содружества революционных национал-социалистов». Одновременно с этим в прессе «Содружества» появились две статьи, которые напоминали читателям, что злейшими врагами немецкого народа являлись марксизм и реакция. Вывод был традиционным: осуществить тотальную революцию, на которую в принципе не были способны ни КПГ, ни НСДАП, должно было «Боевое содружество» Отто Штрассера.

Первый имперский конгресс вполне наглядно продемонстрировал враждебную позицию руководства революционных национал-социалистов в отношении КПГ. Впрочем, это не было никак закреплено в официальных документах. Именно во время конгресса Штрассер осознал, что для подобной позиции требовалось ясное идеологическое обоснование. Это требо-

валось хотя бы для того, чтобы рядовой обыватель смог отличать «Боевое содружество» от коммунистической и нацистской партий. Именно после Первого имперского конгресса радикально поменялся характер «Национал-социалистических писем» и тон статей, опубликованных в них. Раньше эта газета помещала собственные комментарии на актуальные политические события. Теперь ее страницы оказались почти полностью отданы под большие статьи чисто теоретического характера.

Подобные изменения привели к очередному «национал-большевистскому» кризису. Позже Штрассер понял, что очень долгое время недооценивал значение национал-большевистских идей. Но тогда, в октябре 1930 года, он был готов покончить с ними. Конгресс привел к тому, что в «Боевом содружестве» сформировалось несколько политических группировок. Левые революционеры заняли многие важные места в руководстве новой организации. Хотя в те дни многим казалось, что Штрассер со своими «тезисами Немецкой революции» одержал убедительную победу. Он решил начать наступление по всем «фронтам». Очень опасное намерение, ведь «Содружество» еще не оправилось от первого кризиса.

Глава 6

КОММУНИСТЫ: СОЮЗНИКИ ИЛИ ПРОТИВНИКИ?

В те дни Отто Штрассер и его соратники не питали ни малейших иллюзий относительно отношения к ним гитлеровцев. Пародируя призыв Ноймана «бить

фашистов, где только их встретишь», Геббельс потребовал от штурмовиков «избивать революционных национал-социалистов, где только они существуют».

Неудавшееся покушение на Штрассера и Рудольфа Рэма, кровавая бойня в Альбертсдорфе показали, что «Боевому содружеству» срочно требовались силы и средства, чтобы обезопасить свои собрания от налетов гитлеровских штурмовиков. Военизированное формирование КГРНС, «Боевое сообщество», было не настолько велико, чтобы справиться с этой задачей. К тому же его ячейки были раскиданы по всей Германии, что затрудняло создание мобильной и дееспособной службы безопасности. В итоге Штрассер просто был вынужден пойти на союз с организациями, имевшими собственные военизированные подразделения, которые были способны дать отпор СА. Прежде всего потенциальных «силовиков» штрассерианцы пытались найти в среде «бюндише» — молодежных организаций. Но судьба все-таки отвела решающую роль коммунистам.

В КПГ придавали исключительное значение выходу группы Штрассера из НСДАП. Еще бы! Коммунисты видели в этом начало разложения «национал-фашизма». Приведенный выше анализ Коминтерна явно переоценивал опасность, исходившую от штрассерианцев. Вряд ли «Боевое сообщество» могло расколоть народные массы. Немецкие коммунисты оказались более предусмотрительными и прозорливыми. Видимо, именно поэтому они не спешили разоблачать членов группы Штрассера как политических провокаторов. И уж тем более не собирались разворачивать против них идеологическую борьбу — были более опасные противники. О подобной позиции вряд ли догадыва-

лись в Коминтерне. Еще в начале июля 1930 года исполком КГРНС распорядился устанавливать связи не только с родственными группировками, но и с коммунистами. Как правило, революционные национал-социалисты приглашали представителей КПГ на все свои мероприятия и собрания. Более того, каждый член «Боевого сообщества» получил тайное предписание посещать мероприятия «идеологических противников», к которым, как оказалось, относились и коммунисты. Там революционные национал-социалисты должны были агитировать за «немецкий социализм», за социализацию экономики и общества, за создание «союза угнетенных», приглашать к сотрудничеству всех немецких революционеров.

Но союз с КПГ быстро дал трещину. Инициатива по бойкоту выборов 14 сентября 1930 года подверглась жесточайшей критике со стороны КПГ. Именно это стало поводом для срыва коммунистами собрания штрассерианцев в Нойкёльне. Это собрание было посвящено проблеме неучастия в выборах в рейхстаг. Национал-большевистский кризис сентября 1930 года показал Отто Штрассеру, насколько опасно сближение с левыми силами. Именно тогда он понял необходимость собственной оригинальной идеологии, принципиально отличающейся от коммунистической и гитлеровской. В период октября 1930—мая 1931 годов контакты между КГРНС происходили на трех различных уровнях.

Теоретический анализ философского и политического марксизма утвердил руководство «Боевого содружества» в однозначном отказе от подобной модели мышления. На уровне руководства организации и ее подразделений организовывались совместные

встречи, дискуссии, на которых сопоставлялись идеологические взгляды, обсуждались дальнейшие пути развития обеих организаций. И коммунисты, и революционные национал-социалисты пытались найти взаимопонимание. Но на уровне рядовых членов существовала совершенно другая политическая реальность. Чтобы избежать развала, исполнительный комитет КГРНС вынужден был санкционировать участие своих местных групп в массовых мероприятиях других партий и союзов. Проводя глобальный анализ марксизма, кружок штрассерианцев пытался всем продемонстрировать оригинальность собственной идеологии. Для Штрассера марксизм, в отличие от Гитлера, не носил специфического еврейского характера. Для Отто он вовсе не был «выдумкой еврея Маркса». Он видел в нем всесторонне развитую философию, рожденную во времена агрессивного капитализма и сформированную на основе анализа тогдашних социальных и экономических противоречий. Штрассер признавал объективную справедливость марксистского мышления вообще и ленинского анализа империализма в частности. Но на уровне философских представлений он предпочитал дистанцироваться от марксизма. Марксизм для него был порождением либеральной эпохи. О подобном родстве, по мнению Штрассера, свидетельствовало очень многое: цели, методы и сама структура марксизма.

Штрассер полагал, что ошибка Маркса и марксистов-ленинцев состояла в том, что они хотели объяснить историческое развитие человечества при помощи производственных отношений и классовой борьбы. Хотя эти явления были характерны только для эпохи капитализма. Диктатура пролетариата,

пролетарский интернационализм и утопический коммунизм никак не подходили для Германии. Они могли полностью исковеркать и изуродовать духовную, социальную и экономическую структуру немецкого общества. Но капитализм должен был сменить не коммунизм, а немецкий социализм. Место классовой борьбы должно было занять народное сообщество. А интернационализм должен был быть заменен революционным национализмом.

Марксистская экономическая теория оставалась для Штрассера всего лишь инструментом понимания истории. Философский марксизм и партийный коммунизм должны были погибнуть вместе с находившимся в агонии либерализмом. «Боевое содружество» как носитель новой идеологии должно было принести марксистским массам «благую весть». Но не для того, чтобы ударить в спину, а чтобы каждый коммунист начал готовиться к Немецкой революции. Это должно было освободить людей от догматизма коммунистической идеологии. Руководство КГРНС очень надеялось, что коммунистическая партийная верхушка откажется от своей «антисоциалистической» позиции и будет способствовать созданию «единого социалистического фронта», который окажет «Боевому содружеству» неограниченную поддержку. Более того, Штрассер отводил КГРНС роль политического катализатора, который в обход всех партийных структур должен был спровоцировать революционные выступления в народных массах.

С одной стороны, Штрассер мечтал о хорошо организованной массовой акции, с другой — грезил плохо понятой ленинской моделью революции. Причем само «Боевое содружество» должно было лишь

готовить кадры («унтер-офицеров») для последнего этапа революционного процесса. Сами массы не должны были играть существенной роли — они пока еще не были готовы осознать свою национальную судьбу, выраженную Мёллером ван ден Бруком в идеях революционного консерватизма.

Противоречия внутри КГРНС никогда не демонстрировались широкой публике. Наверное, именно поэтому обещания КПГ о совместной деятельности в ряде направлений долгое время оставались в силе. Подобные заявления можно было услышать и в рядах революционных национал-социалистов. Об этом говорил сам Штрассер. Об этом говорили коммунисты Мюнценберг и Виттфогель, пытавшиеся убедить в своей правоте руководство «Боевого содружества». Штрассер, Моссаковский, Бухрукер не питали иллюзий по поводу долговечности сотрудничества с коммунистами. Но они и предположить не могли, что конфликт наступит так быстро. 6 января 1931 года Мюнценберг назвал «Боевое содружество» «полуфашистской организацией». Тогда конфликт с трудом удалось замять. Отто Штрассер не решался пойти на открытую конфронтацию с коммунистами. В те времена левое крыло «Содружества» было, как никогда, сильно, а ряд местных организаций, например в Галле и Брауншвейге, фактически контролировался из КПГ. Штрассер полагал, что подобное положение вещей не могло длиться вечно — он должен был сформировать «единый фронт», чем бы окончательно подорвал влияние коммунистов в революционном лагере.

Но вскоре он попал в очень сложное положение — левыми силами был создан «Союз борьбы с фашизмом» (АНТИФА). Новая организация поста-

вила целью объединить рабочий класс и всех антифашистов вне зависимости от их классового происхождения. Теперь, чтобы сохранить единство организации, Штрассер был вынужден поддержать АНТИФА. 25 января 1931 года он опубликовал в «Немецкой революции» призыв к антифашистскому единству: *«Каждый немецкий социалист, каждый немецкий националист, каждый немец, придерживающийся идеи «фёлькише», должен ясно осознать, что фашизм— это последняя попытка капиталистической, империалистической, либеральной системы снова укрепить свое господство над немецким народом»*. «Боевое содружество» призывало к единому антифашистскому фронту борьбы с НСДАП, которая «символизировала собой фашистскую реакцию», которую поддерживали консервативные полуфашистские организации: «Стальной шлем», «Ландбунд», хозяйственные партии. Штрассера, который уже давно мечтал объединить всех противников Гитлера, опередили. Лидер КГРНС сразу же осознал опасность, которую представлял АНТИФА. Его левые сторонники могли переметнуться в другой лагерь. Теперь сотрудничество было предельно осторожным. Впрочем, для многих революционных национал-социалистов подобное сотрудничество было само собой разумеющимся шагом. Единственная возможность обеспечить безопасность членов КГРНС, которые на своей шкуре уже ощутили, что такое террор со стороны гитлеровских штурмовых отрядов, виделась им в сотрудничестве с военным руководством АНТИФА.

Но Штрассер не был намерен сдавать политические позиции. Конгресс АНТИФА, который состоялся 15 февраля 1931 года в Кёльне, дал Штрассеру по-

вод, чтобы обвинить руководство этой организации в имитации единого социалистического фронта. Конфликт не успел разгореться, так как кельнский лидер КГРНС Фрагенберг решил подчиниться руководству АНТИФА. Примечательно, что эту новость и общественность, и сам Штрассер узнали из коммунистической прессы. Организация вновь оказалась на грани раскола. Чтобы избежать нового кризиса, Штрассер забрал свои слова обратно и продолжил сотрудничество с АНТИФА. Впрочем, Фрагенберга он все равно освободил от занимаемой должности — за превышение полномочий и самоуправство.

Случай с Фрагенбергом не прошел бесследно. Штрассера очень раздражал успех коммунистов. Свою досаду он излил в одной из статей. *«Борьба с фашизмом, исходя из нашей социалистической воли, является само собой разумеющейся. Но поначалу она должна идти независимо от партийных и вооруженных организаций»*. АНТИФА, по его мнению, не мог активизировать все антикапиталистические силы, так как *«с момента своего возникновения он был чисто коммунистическим союзом»*. Превратившись в партийную клику, он мог разрушить начинания «Боевого содружества». Несколько позже проблема взаимоотношений «Боевого содружества» и АНТИФА стала более чем злободневной — берлинское руководство «Содружества» перестало контролировать ситуацию в Галле и Рурской области. Теперь на коммунистов решил обрушиться Р. Шапке. В своей статье, которая была опубликована в феврале 1931 года, он назвал комедией проходивший в Берлине «Народный конгресс против фашизма». В те дни «Роте Фане» подробно освещала деятельность этого мероприятия, на

котором присутствовало 2100 человек. Их них 629 были членами КПГ, 11 — представляли коммунистическую молодежь. 24 участника конгресса были социал-демократами. Основное большинство — 1436 человек — были беспартийными. Шапке считал, что эти люди были замаскированными коммунистами, допущенными на конгресс по приказу Молотова и Сталина. «*К сожалению, это мероприятие было не народным конгрессом, на котором должны были быть представлены все группы немецкого рабочего класса. Это был конгресс КПГ против фашизма*».

Требуя создания «единого фронта всех социалистов против смертельного врага — фашизма», «Боевое содружество» наотрез отказывалось следовать «односторонним партийным методам КПГ». «Единый фронт» должен был предоставить политическую альтернативу истинным революционерам, оставшимся в СА.

Подобную позицию Шапке изложил на «гамбургском конгрессе против фашизма», в котором активное участие приняла местная организация «Боевого содружества». В статье «Единый фронт против фашизма», опубликованной в «Немецкой революции», говорилось, что КПГ занималась исключительно демагогией. Подобные решительные заявления еще раз подчеркивали, что руководство КГРНС не было в состоянии контролировать ситуацию в собственной же организации. К маю 1931 года Штрассер окончательно утерял контроль над многочисленными организациями «Боевого содружества». Многие из них, не стесняясь, присоединялись к АНТИФА. Такое повсеместно наблюдалось в Саксонии, Галле, Гамбурге. Речь шла не просто об организационном кризисе. В КГРНС

назревал новый идеологический кризис — большинство неподконтрольных революционных национал-социалистов были готовы признать пролетарский интернационализм, что никак не соответствовало политическим построениям Штрассера. Пролетарский интернационализм фактически означал полный отказ от «14 тезисов Немецкой революции». Рядовые члены КГРНС даже не думали выполнять решения, принятые на Первом имперском конгрессе. Чтобы спасти то, что еще было возможно спасти, Штрассер решил одобрить сотрудничество с АНТИФА. Но это была лишь тщетная попытка избежать раскола, который фактически стал неизбежным.

Новая опасность нависла над «Боевым содружеством», когда обер-лейтенант Р. Шерингер перешел из НСДАП в коммунистическую партию. Этот человек в 1930 году стал едва ли не самым известным офицером. Вначале он проходил главным обвиняемым по делу о создании в рядах рейхсвера нацистской партийной организации (политическая деятельность в армии была строго-настрого запрещена). Правительство решило устроить показательный процесс над офицерами-нацистами. На суде Гитлер не только не поддержал молодого офицера, но фактически предал его. Разочарованный в национал-социализме, Шерингер сошелся в тюрьме с левыми политзаключенными. В отместку за предательство фюрера он демонстративно покинул НСДАП и вступил в компартию. «Хлопок дверью» прозвучал на всю Европу.

В этих условиях исполком «Боевого содружества» решил повторить успех, которого удалось достигнуть в июле 1930 года. КГРНС удалось вырваться из коммунистического окружения лишь благодаря союзу с

революционными штурмовиками Вальтера Штеннеса. Но об этом позже.

Национал-большевистский кризис, неуклонно ухудшавшиеся отношения с АНТИФА наглядно показали, насколько значительным был конфликт между левым крылом и руководством «Боевого содружества». Связанные с АНТИФА местные группы и идеологически-тактическое сближение с коммунистами стали причинами массового оттока активных членов из КГРНС. Многие из них не смогли не поддаться искушению присоединиться к массовой политической организации, которой в данном случае выступила КПГ. Программа «третьего пути» теряла свою убедительность.

Штрассер отказался от «завоевания масс» на гитлеровский манер. Но, с другой стороны, он не мог не понимать, что достижение политического успеха зависело в том числе и от численности его организации. Поставленная им цель, «создать содружество борцов, сообщество из 20—25 тысяч сплоченных людей, которые станут школой унтер-офицеров Немецкой революции», заставляла «Боевое содружество» искать социальные группы, наиболее восприимчивые к идеологии революционного национал-социализма. Например, для привлечения в свои ряды сельского населения штрассерианцы специально адаптировали свои идеи к деревенским условиям. Исполком КГРНС решил использовать не только энергию крестьянства, но и потенциал молодежных организаций, который в то время не был по достоинству оценен ни коммунистами, ни нацистами. Когда революционные национал-социалисты задались целью привлечь на свою сторону эти социальные слои, то их движе-

ние впервые получило возможность сформировать сильную внепарламентскую оппозицию. Сильную настолько, чтобы заявить о себе как о третьей силе, способной конкурировать с гитлеровцами и коммунистами. Если агитация крестьянства являлась существенным моментом в деятельности революционных национал-социалистов на протяжении всего времени легального существования их организации, то общение с молодежными союзами шло неровно. Рассмотрим эту ситуацию более подробно. Ориентация на «бюндише» — молодежные организации была временной тактикой, которая себя исчерпала уже в июле 1931 года.

Исполком «Боевого содружества» не ставил целью объединить под своим руководством все существовавшие «бюндише»-группы. Штрассерианцы всего лишь хотели устранить их организационную разнородность и придать этому молодежному движению более четко выраженный политический оттенок. Чтобы завоевать молодежь, КГРНС должно было утвердить себя как высшая идеологическая инстанция. Но после 10 месяцев упорной работы попытка приручить молодежное движение закончилась неудачей. Единственным результатом этой кропотливой работы стало появление на свет идеологической программы, адресованной руководителям молодежных групп «Боевого содружества».

Еще на Первом имперском конгрессе было принято решение передавать молодежным организациям наиболее значимые материалы «Национал-социалистической рабочей и крестьянской молодежи». В то время молодежное крыло «Содружества» было крошечной организацией, едва ли насчитывавшей более

30 человек, в основном выходцев из «Гитлерюгенда». Насколько Штрассер трепетно относился к молодежи, показывает один факт. Даже в сложные времена, когда «Боевому содружеству» приходилось отказываться от выпуска многих газет, еженедельно выходил 4-страничный вестник «Мы — молодые». Вначале он издавался как самостоятельное издание, а затем превратился в приложение к газете «Немецкая революция». В период между октябрем 1930 года и июлем 1931-го в свет вышло 17 номеров этого издания. При прочтении «Мы — молодые» можно было обнаружить, что этот боевой листок по сути ничем не отличался от других газет революционных национал-социалистов, за тем исключением, что все статьи в нем были специально переработаны для молодежи.

«Национал-социалистическая рабочая и крестьянская молодежь» воспринималась Штрассером как молодежный союз, находившийся в «эпицентре жизни», который должен был выработать у молодежи новый стиль поведения, новую духовность, новое понимание общества. Сотрудничество штрассерианцев и «бюндише» молодежи должно было дать «импульс к обновлению» обеих сторон. Этот импульс должен был избавить молодежное движение от фашистского, буржуазного и марксистского наследия. После Немецкой революции и наступления социализма это движение должно было стать революционным авангардом гигантского движения всех молодых немцев, которое должно было проходить под знаком Третьего рейха.

В принципе «новая молодежная идеология» «Боевого содружества» мало чем отличалась от тех идей, которыми пытались привлечь к себе молодежь на-

ционалисты, расисты и «фёлькише»-группировки. Попытка жестко навязать собственную идеологию привела к тому, что КГРНС вообще не смогло закрепиться в среде «бюндише»-организаций. Закончилась провалом и попытка создать единый фронт молодежных организаций, который бы решительно выступал против введения трудовой повинности[1]. Дело было не в идее, а в том, что каждая молодежная организация хотела проводить собственную акцию протеста по этому поводу. Кризис «Боевого содружества», который разразился в августе 1931 года, фактически уничтожил молодежную организацию КГРНС. Даже после союза с революционными штурмовиками она не смогла насчитать и сотни членов.

В феврале 1931 года руководитель молодежной группы Артур Гроссе покинул «Боевое содружество» и примкнул к коммунистам. Это событие предшествовало дальнейшим крупным неудачам, от которых «Боевое содружество» так и не смогло окончательно оправиться.

В программных документах «Боевого содружества» (призыв 4 июля 1930 года, «14 тезисов Немецкой революции») мы не найдем ни одного упоминания о классовой борьбе. В своей деятельности КГРНС предполагало опираться на всю нацию. Классовая же борьба была одной из самых главных угроз для гар-

[1] Трудовая повинность должна была привлечь безработную молодежь к общественно полезной деятельности (ремонту улиц, строительству дамб и т. д.). Предполагалось, что этот проект уменьшит безработицу в стране. Хотя «бюндише»-молодежь и провозглашала «служение нации», но в данной ситуации резко выступила против введения трудовой повинности. «Бюндише»-организации заявляли, что это очередной обман капиталистической системы, и отказывались возрождать капиталистическую страну.

моничного «народного сообщества». На протяжении множества дискуссий между КПГ и «Боевым содружеством» все противоречия между этими двумя организациями в итоге сводились именно к понятию «классовая борьба». Вопрос был далеко не праздным. Учитывая неуклонно ухудшавшуюся экономическую ситуацию в стране, он приобретал чуть ли не краеугольное значение. 8—9 октября 1930 года представители крупной промышленности единодушно поддержали программу оздоровления экономики, предложенную Брюнингом. За несколько дней до этого ее утвердил сам рейхспрезидент Гинденбург. Оздоровление должно было произойти за счет сокращения финансирования общественных работ и сокращения заработной платы в частном секторе. 12 октября программа вступила в силу. Почти сразу же в тяжелой промышленности заработная плата рабочих сократилась на 8%. Уже 14 октября берлинские металлисты начали забастовку. Месяц спустя согласительная комиссия смогла найти компромисс, и реальная зарплата сократилась всего лишь на 3%.

1 декабря 1930 года Брюнинг издал чрезвычайный декрет «О спасении экономики и бюджета», согласно которому на 6% сокращалась зарплата бюджетников. Вместе с этим на 5% вырастали налоги. 10 декабря Союз предпринимателей Рурской области потребовал от правительства одобрения снижения заработной платы на 12%. Здесь сразу же вспыхнула забастовка.

«Боевое содружество» не могло остаться в стороне от этих событий. Оно сначала поддержало стачку в Саксонии, а затем и все вспыхнувшие забастовки. И здесь Штрассер допустил очередную ошибку: вместо того чтобы выдвинуть конкретные политические

и экономические требования, он предпочел ограничиться демагогическими лозунгами. В частности, требовал установить максимальную зарплату в стране, в размере 1000 марок. Кроме этого выступал за сокращение денежного содержания парламентариев и публикации имен тех, кто получал прибыль от осуществления плана Юнга. Он надеялся, что эти требования приведут рабочих в лагерь революционных национал-социалистов.

На следующий день «Боевое содружество» решило расширить свои требования. Оно настаивало на 7-часовом рабочем дне (который должен был быть установлен без уменьшения заработной платы), отмене любых новых налогов, пенсии в размере 500 марок. Но самое главное, Штрассер настаивал на «всеобщей социалистической стачке, направленной против системы». За поражение стачки Штрассер сделал ответственными «иезуитскую диктатуру Брюнинга», предателя Гитлера и профсоюзную бюрократию, стоявшую на службе продажной социал-демократии. После того как призывы к созданию единого социалистического фронта не нашли отклика, Штрассер и Шапке вообще перестали употреблять такие понятия, как политическая стачка, эксплуататоры, классовая борьба. К тому же ситуация в стране не располагала к массовому забастовочному движению. В ответ на массовые стачки работодатели и промышленники провели еще более значительное понижение заработной платы. В этих условиях профсоюзы становились незаменимой организацией.

Так откуда же Штрассер почерпнул мысль о всеобщей политической стачке? Впервые этот тезис прозвучал в статье Христиана Клее «Национал-больше-

визм», опубликованной 1 октября 1930 года в «Национал-социалистических письмах». А уже 11 января 1931 года «Немецкая революция» опубликовала призыв к проявлению солидарности с рабочими Рура, который дополнялся уже ставшим традиционным требованием создания «единого социалистического фронта». Впрочем, хотя Штрассер и проявлял солидарность с рурскими рабочими, но он не верил в их победу. Их борьба носила экономический характер, была изолированной и не имела политического руководства. Промышленники предпочитали улаживать противоречия с рабочими по отдельности, минуя профсоюзы. Тем самым, как полагал Штрассер, они изолировали бастующих от общих рабочих интересов.

Для капиталистов было жизненно необходимым представить эту борьбу в подконтрольной им прессе как чисто экономические недоразумения между двумя равноправными партнерами — трудящимися и работодателями. Подобная тактика откалывала от борющихся рабочих такие слои, как крестьянство и мелкая буржуазия. Тактика «разделяй и властвуй» оправдывала себя — стачки стали утихать. Штрассер видел единственный шанс трудящихся только в намерении придать стачке всеобщий политический характер. Если бы рабочие смогли перейти от чисто экономических требований к тотальной критике системы, они обязательно бы сплотились с крестьянами и средними слоями. Этот союз должен был стать залогом победы над капитализмом. Выдвигая данный тезис, Штрассер как бы критиковал КПГ, которая призывала к борьбе класса против класса. Рабочие могли одержать победу только в условиях общенациональной солидарности. Узкоклассовая борьба обрекала их на поражение.

В декабре 1930 года компартия начала придерживаться новой тактики. Теперь главным врагом стал Брюнинг, его чрезвычайные декреты. Словно отвергая критику Штрассера, коммунисты взяли курс на «боевой союз» пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. Вместо призывов к классовой борьбе коммунисты подняли на знамя лозунг «общенациональной народной революции против фашистской диктатуры Брюнинга». После некоторого раздумья Штрассер присоединился к этому призыву. В новом лозунге он видел не только тактическое средство, но способ, благодаря которому можно было положить конец классовому мышлению и идеям о классовой борьбе. Последняя для него была всего лишь устаревшим понятием из марксистской идеологической обоймы. Немецкий капитализм фактически уничтожил все классы. Он создал примитивную биполярную социально-политическую реальность. На одном полюсе находились эксплуататоры, на другом — угнетенные. Именно угнетенные составляли, по мысли Штрассера, 97% всего немецкого народа.

Итак, поскольку почти весь немецкий народ попадал в разряд угнетенных, то крушение капиталистической системы в Германии было неизбежно. «*Мы исходим из того, что антикапиталистический фронт представляет собой весь немецкий народ, которому противопоставлено классовое господство капитализма... В действительности именно капитализм призывает к классовой борьбе. Цель социализма — народное сообщество*». Согласно взглядам Штрассера, социалистическая революция могла победить только в условиях общенациональной солидарности. Лозунги классовой борьбы лишь ослепляли революционеров.

В итоге лидер КГРНС приходил к выводу: диктатура пролетариата не что иное, как орудие капитализма. Ничего не подозревавшие коммунисты в одночасье превратились в пособников системы и слуг капитализма. Теперь Штрассер прибегал вновь к своим любимым антимарксистским аргументам. По большому счету они ограничивались провозглашением революционного национал-социализма как единственного политического течения, которое могло найти выход из кризиса. Подобные идеи Штрассер повторил в статье «К стачке в Руре: основы и тактические замечания». Он утверждал: декреты Брюнинга вполне закономерный шаг, так как правительство решило вступить на путь откровенного фашизма и установить диктатуру капитала. Капитализм можно было уничтожить только при условии существенного обнищания немецкого народа. Не правда ли, напоминает ленинский тезис: «Чем хуже, тем лучше»? Рабочие не должны были разбрасывать силы на сиюминутную экономическую борьбу, а накапливать их для решительной атаки на систему. Цель революционного и национал-социалистического движений должна была сводиться к выступлению против партийного эгоизма НСДАП, КПГ и профсоюзов.

Пресловутый единый фронт, являвшийся необходимым условием всеобщей политической забастовки, должен был смести партийную иерархию, став «сильнейшим и эффективнейшим средством международной освободительной борьбы». Этот фронт, конечно, не смог бы совсем уничтожить капитализм, но он открыл бы путь к созданию революционного парламента, который воплотил бы в себе все антикапиталистические устремления. Примечательно, что в этом

парламенте Штрассер отводил место и НСДАП. Но при одном условии: нацисты должны были переродиться. Гитлеровская партия обязана была обновиться, разорвав все отношения с Немецкой народно-национальной партией и покинув коалиционные правительства в Тюрингии и Саксонии.

Революционный парламент должен был упразднить капиталистическую систему и представлять интересы угнетенного народа. Само собой разумеется, он должен был отказаться от осуществления плана Юнга и разрушить Версальскую систему. Вновь видно, что Штрассер был увлеченным мечтателем. Он нарисовал не политическую перспективу, а утопию, которую фактически нельзя было осуществить. Чего стоил только один из пассажей: *«Союз между КПГ, НСДАП, революционными профсоюзами, революционными СА должен базироваться на универсальной любви, которая царит между братьями, в которых течет кровь одного народа»*.

После того как стачка потерпела поражение, упоминания об этой дивной утопии быстро исчезли со страниц газет «Боевого сообщества». В апреле 1931 года Штрассер стал высказывать более жизнеспособные идеи. Теперь он взял курс на союз с революционными штурмовиками и военизированными подразделениями национал-революционеров. Он призвал национальную оппозицию к вооруженной борьбе. Подобные резкие перепады были еще одним подтверждением того, что руководство «Боевого содружества» было просто не в состоянии ясно сформулировать свои политические цели. Стремясь играть хоть какую-то роль в политической жизни Германии, Штрассер и его сподвижники, не задумываясь, были

готовы подстраивать идеологию и тактику своей организации к новым условиям. В итоге они плелись в хвосте политических событий.

Подобная неразборчивость выливалась в конфликты между сторонниками той или иной линии, которой должно было придерживаться КГРНС. Никто не знал, как должна была начаться пресловутая «Немецкая революция». Пресса «Боевого содружества» превратилась в коктейль из политического догматизма и идеологических шатаний. Публикации потеряли внутреннюю логику, они были бессвязны и несвоевременны. Штрассер не мог не видеть, что политическое непостоянство ставило под угрозу само существование «Боевого содружества». Но прежде чем «Боевое содружество революционных национал-социалистов» окончательно развалилось, ему было суждено пережить еще один грандиозный успех. Его принесли Штрассеру взбунтовавшиеся берлинские штурмовики Вальтера Штеннеса.

Часть III

«МЯТЕЖ» В СА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Глава 1

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СА

Мятеж берлинских штурмовиков, который произошел в июне 1931 года, повлиял не только на все дальнейшее развитие «Боевого содружества», но и на его идеологические установки. Чтобы во всей полноте оценить значение этого события, попытаемся разобраться в отношениях НСДАП и ее СА, штурмовых отрядов. Для мюнхенского руководства всегда было проблематично определить, какое место занимали СА в структуре партии. Еще сложнее было ответить на вопрос: какую роль должны были играть штурмовики после прихода нацистов к власти? В 1930 году Гитлер и руководство партии были вынуждены предпринять ряд решительных мер. Они устраняли остатки штрассеровского влияния в НСДАП, решительно отрекаясь от революционного социализма. Теперь Гитлер принципиально настаивал на легальном пути

прихода к власти. Об этом он громогласно заявил во время процесса по делу рейхсвера.

Тем временем в августе 1930 года НСДАП находилась в круговороте борьбы за места в рейхстаге. Для Гитлера было очень важно прийти к власти законным путем. Для этого он собирался мобилизовать всю партию и штурмовые отряды. СА, организованные на военный манер, как правило, состояли из людей, «готовых на все». Они находились на «передовой» агитационных мероприятий и пропагандистских акций. Штурмовики были главными зачинщиками уличных стычек с коммунистами и социал-демократами. Ежедневно теряя товарищей, получая в уличных потасовках увечья и раны, штурмовики говорили о «кровопускании» как залоге политической победы. Они видели единственный путь к победе в вооруженной революции или путче. В те дни неформальный лидер штурмовых отрядов Вальтер Штеннес писал: *«На собрании во Дворце спорта бушевали обжигающие страсти, высказывалась готовность пойти на баррикады и начать Немецкую революцию».* Подобные настроения стали царить в СА задолго до выборов сентября 1930 года. Первый раз они выплеснулись наружу в 1923 году, когда Гитлер начал готовить путч. После возрождения партии прошло несколько лет, когда штурмовики вновь стали требовать активных действий. Страсти стали накаляться где-то в 1927 году. Войны требовали не только рядовые штурмовики, но и их руководители, в том числе и Вальтер Штеннес.

Кем был этот незримый лидер радикальных штурмовиков? Вальтер Штеннес родился в 1895 году в вестфальском городке Фюрстерберге. В сражениях Первой мировой он, молодой офицер германских су-

хопутных войск, проявил исключительную храбрость и был отмечен несколькими орденами. На фронте Штеннес подружился с летчиком из эскадрильи барона Рихтгофена обер-лейтенантом Германом Герингом — будущим «наци номер два». Кадровый офицер, один из лучших выпускников кадетской школы, после Первой мировой войны он примкнул к добровольческим корпусам. В составе фрайкора Хакстау сражался в Рурской области. В сентябре 1919 года возглавил восьмую сотню тайной берлинской полиции. Там ему было суждено сыграть очень странную роль. 3 октября 1930 года газета «Форвартс!» сообщала, что из членов своей сотни он сформировал тайную организацию «Люди кольца», которая ставила себе цель уничтожить Веймарскую республику и установить национальный порядок. В 1920 году он со своими сторонниками принял активное участие в капповском путче, после поражения которого умудрился продолжить службу в тайной полиции. В июле 1920 года он даже получил повышение — ему было присвоено звание обер-лейтенанта. Теперь он служил во внутренней службе тайной полиции. Но его карьера оборвалась в 1922 году, когда он по непонятным причинам оставил свою службу. Год спустя мы можем его видеть на посту командующего Четвертой браконьерской бригадой «Черного рейхсвера». Осенью того же года вместе с майором Бухрукером он безуспешно пытается организовать вооруженное восстание. В 1926 году Вальтер Штеннес вступает в «Стальной шлем», где устанавливает контакты с нацистами. От них он получил более заманчивое предложение и весной 1928 года возглавил берлинские штурмовые отряды. Год спустя стал исполняющим

обязанности командующего СА на севере и востоке Германии.

Для него штурмовые отряды были «острием копья партии». Они не просто были собраны на военный манер, но и играли важнейшую роль в агитационных мероприятиях, несении охраны митингов и собраний. Они были просто незаменимы в уличных стычках. Штеннес ожидал, что штурмовые отряды должны получать от руководства партии значительные денежные средства, а сами штурмовики имели право претендовать на роль элиты партии, ее авангард. Для него СА были главной силой партии. Революционная мощь этих политических солдат должна была в определенный момент сокрушить буржуазное общество.

Возражая и протестуя против решений мюнхенского руководства, Вальтер Штеннес притягивал к себе людей как магнит. Но в Мюнхене считали, что штурмовики — это слепое орудие, которое должно было повиноваться приказам. В июле 1930 года неприязнь между партийным руководством и СА, прежде всего берлинскими штурмовиками, стала очевидным явлением. Толчком к эскалации конфликта послужил финансовый вопрос. Вопреки распространенному мнению в СА царила форменная нищета. Денежное содержание штурмовиков поступало крайне нерегулярно, а «народные кухни» СА больше не привлекали безработных, желавших вступить в «коричневую армию» Гитлера. Недовольство стало расти как на дрожжах, когда до Берлина дошли слухи, что мюнхенское руководство успело обзавестись особняками. Когда берлинские штурмовики обращались с просьбами к партийному руководству, то получали от ворот поворот. Гугешафтфюрер Вильке, отвечавший за

взаимодействие с СА в немецкой столице, даже не желал выслушивать их. Он не скрывал, что смотрел на штурмовиков как на «пехоту из СА». Вальтер Штеннес, не желавший мириться с подобным положением вещей, решил использовать это как повод для того, чтобы не выполнять ни одного приказа из Мюнхена. Он решил, что сам в состоянии обеспечить финансовую независимость штурмовых отрядов. Была еще одна причина, по которой он решил пойти на обострение отношений с партийным руководством. Впрочем, ее он не афишировал. Штеннес надеялся стать депутатом рейхстага, куда собирался попасть по избирательным спискам нацистской партии. Не получив ожидаемого, взял курс на непарламентские методы борьбы. В своих выступлениях он обосновывал это так: *«Гигантскую задачу по освобождению народа нельзя решить нынешними методами парламентской демократии»*. Вальтер Штеннес решил действовать.

После месяца оживленных дискуссий берлинские штурмовики решили послать делегацию к Гитлеру в Мюнхен. Но ее отказались принять. Более того, сразу же после неудачного визита к фюреру в Берлин пришел «Приказ о повиновении». В Берлине такое поведение восприняли если не как провокацию, то минимум как оскорбление. 27 августа, в день, когда вернулась делегация из Мюнхена, Вальтер Штеннес собрал внеочередное заседание руководства СА, на котором было решено, что штурмовики прекращают посещать любые пропагандистские акции, нести охрану собраний, равно как и выполнять приказы из Мюнхена. Берлинские СА потребовали также от Гитлера убрать с поста Вильке и включить в избирательный список партии хотя бы двух штурмовиков.

Тем временем до выборов в рейхстаг оставалась буквально пара недель, и подобный демарш мог парализовать всю нацистскую пропаганду. Ничего не знавший о собрании Геббельс запланировал на 29 августа 1930 года крупное мероприятие в Берлинском Дворце спорта. Руководство СА решило таким образом продемонстрировать свою решительность. На этот же день оно назначило генеральный сбор СА. Фактически это означало, что Дворец спорта остался бы без охраны. Опасаясь нападения коммунистов, Геббельс на свой страх и риск решил начать переговоры с Вальтером Штеннесом. Он в ультимативной форме потребовал провести генеральный сбор СА в Дворце спорта, так как штурмовики должны были быть заинтересованы в демонстрации лояльности и преданности партии.

Но красивые слова не возымели действия. 30 августа состоялась новая встреча руководителей берлинских СА. На ней было решено начать действовать и сместить берлинское партийное руководство. Не откладывая в долгий ящик, несколько десятков штурмовиков направились к берлинской партийной канцелярии. Там произошла ожесточенная стычка с вооруженными эсэсовцами, дежурившими у входа. Но перевес сил все равно был на стороне Штеннеса. Геббельса же спасла полиция, которая прибыла по срочному вызову. Геббельс понял, что оказался в безвыходной ситуации, и решил вызвать Гитлера в Берлин.

Как сообщали позже немецкие газеты, словосочетание «мятежные СА из штурма № 9» стало нарицательным. После неудачного нападения на берлинскую штаб-квартиру НСДАП они заявляли: «Мы не во

всех вопросах согласны с коммунистами, но на выборах отдадим свои голоса КПГ, так как это подлинно рабочая партия». Казалось бы, этот первый «мятеж» в СА носил очевидный штрассерианский оттенок. Ведь именно Штрассер хотел отколоть революционные СА от продажной гитлеровской партии. Но мятежные штурмовики вообще не упоминали о революционном национал-социализме. Не говорили они и о Штрассере. Вообще сомнительно, что лидер «Боевого содружества» имел какое-то отношение к первому мятежу штурмовиков. В то время из СА в КГРНС перешло всего лишь пара десятков человек.

Но вернемся в Берлин. Прибывший туда Гитлер наотрез отказался встречаться со Штеннесом и захотел лично посетить местные группы СА. Он хотел сам увидеть степень недовольства штурмовиков. После знакомства с простыми штурмовиками Гитлер пригласил к себе лидеров СА, которые не поддержали «мятеж» Штеннеса и остались преданными фюреру. Им Гитлер заявил о своем желании избавиться от подстрекателей. 1 сентября он вызвал к себе Штеннеса. Теперь фюрер изменил тактику. Он хотел тем же вечером созвать совет всех лидеров СА.

Перед собравшимися двумя тысячами руководителей СА Гитлер решительно заявил, что отныне собирается сам руководить и штурмовыми отрядами, и охранными подразделениями (СС). Он возносил панегирики штурмовикам, не забывая при этом подчеркнуть, что необходимо отказаться от революционного способа прихода к власти. Чтобы произвести еще большее впечатление на собравшихся, он объявил об отставке шефа штаба СА фон Пфеффера, который, справедливости ради скажем, и так собрался

оставить этот пост. Гитлер призывал собравшихся быть преданными и покорными. Почти тут же в кассу берлинских СА поступили деньги. Многие в те дни воспринимали это как победу В. Штеннеса.

Первый мятеж окончательно погасили 4 сентября. Казалось, в берлинских СА воцарилось спокойствие. Но сам инцидент заставлял задуматься. Как писал современник: *«Сентябрьский мятеж был первым признаком того, что СА не собирались делить партийный трамплин с честолюбивыми политиками»*. В Мюнхене тоже не забыли об этом происшествии. Уже в сентябре Гитлеру стало известно, что недовольство среди берлинских штурмовиков продолжало нарастать. Тогда он решил отделаться от революционных элементов. С трудом достигнутый компромисс снова оказался под угрозой. Конфликт, конечно, замяли, но он остался неразрешенным. Значит, в любой момент мог разгореться с новой силой. Именно тогда Гитлер решил вызвать из Боливии своего старого соратника Эрнста Рёма.

Эйфория от достигнутой в сентябре 1930 года победы на некоторое время уменьшила недовольство в СА. После сентябрьского кризиса Штеннес оказался самым авторитетным человеком в Берлинской организации НСДАП. Он смог добиться от политического руководства не только финансовых уступок, но и отставки фон Пфеффера, весьма сомнительного человек, недолго возглавлявшего СА. Однако Гитлер не собирался делать Штеннеса новым главой штурмовиков. Противовес берлинскому бунтовщику должен был составить Э. Рём, назначенный новоиспеченным шефом штаба СА. Рём должен был осуществить реорганизацию управления штурмовыми отрядами и

обезвредить «подрывные элементы» на севере Германии. 1 января 1931 года Рём обратился к штурмовикам: *«В 1931 году мы сможем лицезреть дальнейший прорыв к неизбежному успеху нашего движения, успеху Германии. Час победы близок. Но его приближение зависит не только от СА, но и от сплоченности, безоговорочной преданности и верности выбранному пути. Товарищи, я доверяю вам, я ценю ваше доверие, но мы должны оправдать и доверие фюрера, возложенное на нас»*.

Назначение Рёма шефом СА повергло в шок многих штурмовиков. Еще в 1923 году против него была развязана кампания, в ходе которой многие противники Гитлера характеризовали Рёма как слабоумного гомосексуалиста. Штурмовикам с трудом удавалось подчиняться человеку, у которого была такая подмоченная репутация. Они считали его гнусным человечишкой. Он не был достоин попасть в «новую Германию». К февралю 1931 года слухи, ходившие по СА, достигли такого уровня, что в дело был вынужден вмешаться сам Гитлер. Но он наотрез отказался обсуждать этот вопрос, так как «это было пустой тратой времени». По его мнению, СА — это люди, собранные с определенной политической целью, а «не заведение по воспитанию благочестивых девиц». *«Частная жизнь не может быть предметом дискуссий, когда перед нами стоят другие задачи»*, — подытожил он свое выступление. Внешне казалось, что Штеннес не был причастен к критике, которая раздавалась в адрес Рёма. Он опасался открыто нападать на свое новое начальство. Но он не мог упустить шанса, чтобы не воспользоваться всеобщим недовольством, дабы обезопасить свои позиции неоспоримого

лидера штурмовиков. С февраля по апрель 1931 года он разместил в геббельсовском «Ангрифе» серию статей, в которых пытался представить себя не просто героем боевого национал-социализма, а политическим деятелем и даже мыслителем.

Первая статья появилась 3 февраля 1931 года. Она называлась «Солдаты делают политику. Общественное мнение и политический солдат». Ее автором был преданный Штеннесу штурмовик Вальтер Ян. Затем эта публикация переросла в серию статей «Солдаты делают политику», которая представляла собой собрание воспоминаний, коротких заметок, которые охватывали период 1920—1930 годов. Вторая статья появилась 19 февраля. В ней описывались боевые подвиги Штеннеса осенью 1918 года. Она заканчивалась словами бывшего подчиненного лидера берлинских штурмовиков: *«Мы не сомневаемся в том, что обер-лейтенант Штеннес приведет СА к победе, так как они вместе сражаются за немецкий народ, за немецких рабочих, против системы, построенной на лжи»*. Первые две статьи описывали Штеннеса как военачальника, военного героя, третья, появившаяся 26 февраля, рассказывала о его борьбе с «красными» и «предательской Версальской системой». Дальнейшие публикации подробно повествовали о его политической судьбе.

Этими статьями Штеннес хотел всем показать, что, согласно фюрер-принципу, который был просто необходим для достижения политического успеха, он являлся единственным лидером СА. Благодаря своему военному и политическому опыту лишь он один мог поднять штурмовиков на восстание против правительства. Только один факт, что главный оппозицио-

нер печатал эти статьи в газете, издаваемой Геббельсом, говорит, насколько были сильны его позиции в Берлине. Геббельс предпочел косвенно выступить против Гитлера, поддерживая «подстрекателя».

Между тем финансовая ситуация в СА так и не изменилась коренным образом. Штурмовики стали более внимательно прислушиваться к революционным национал-социалистам, стали раздаваться голоса, поддерживающие революционный национал-социализм. Гитлер знал об этом. Именно поэтому 17 февраля он заявил о *«провокаторах, которые затесались в ряды НСДАП, дабы подстрекать СА к безумным действиям, которые могут закончиться преследованием всей партии»*. Ответом на эту речь стало письмо Штеннеса, адресованное Э. Рёму. В нем Штеннес открыто критиковал мюнхенское руководство, причем выделялись два момента: положение СА в партии и недопустимость легального прихода к власти. Примечательно, что это письмо было написано на бланке шефа СА. Штеннес хотел показать, за кем стоят массы штурмовиков.

В своем письме Штеннес указывал причины, которые вызывали брожение в рядах штурмовиков. В качестве таковых он называл «бедственное финансовое положение и неблагоприятную политическую обстановку». По его мнению, финансовая политика партии выступила катализатором недовольства в солдатской и пролетарской среде. Ответственность за эти ошибки он возлагал на окружение Адольфа Гитлера, «состоявшее из нерешительных людей, которые подчас не были в состоянии осознать подлинное положение немецкого народа» и увидеть, в каком плачевном состоянии находились СА. Согласно взглядам Штен-

неса, катастрофическая ситуация с финансами была всего лишь следствием ухудшения политического климата в НСДАП: «*Политическое руководство насытило революционную энергию СА буржуазно-либеральным духом. Оно провидит мероприятия, которые болезненно задевают жизненный нерв штурмовых отрядов. И уж если так обошлись с СА, то стоит ли ожидать, что такое руководство проникнется бедами всего народа? Политическое руководство обманывает ожидания нации, пытаясь превратить боевое национал-социалистическое движение в партию, которая ничем не отличается от всех остальных. Отличительной чертой новой НСДАП являются бонзы, занявшие теплые места. Раньше национал-социалистическое движение решительно отвергало парламентские методы и обычаи, которые сейчас стали само собой разумеющимися для многих партийных лидеров*».

Штеннес упрекал партию в изнеженности и продажности, что привело к болезненному расколу НСДАП. «*Размывание партии, ее изнеженность, уход активнейших борцов в лагерь коммунистов — всего лишь следствие неразумной политики руководства партии. СА были хороши, когда приводили политических лидеров в депутатские и министерские кресла. Мы, боровшиеся с оружием в руках за дело нашей победы в 1918, 1920 и 1923 годах, оказались обманутыми*». Названные даты (создание добровольческих корпусов, капповский и «пивной» путчи) однозначно указывали, каким путем Штеннес собирался прийти к власти. Рём и мюнхенское руководство он описывал как «хозяйство бонз, которые собирались сбросить с себя ответственный контроль

СА». Он припоминал и напряженность, которая возникала из-за заносчивости некоторых нацистских политиков, весьма пренебрежительно относившихся к штурмовикам. Он констатировал, что союз между пролетарскими штурмовиками и буржуазным партийным руководством всегда был хрупким и ненадежным.

Высказанная Штеннесом критика была выражением глобальных противоречий, существовавших в НСДАП по поводу методов и способов «захвата власти». Политическое руководство НСДАП и раньше боролось со стремлением к революционным приключениям, которое Штеннес проявлял при каждом удобном случае. В одном пресс-релизе Геринг утверждал, что «*видит СА построенными по военному образцу и наполненными духом старой армии, естественно, при условии полного и слепого повиновения фюреру*». Что касается Штеннеса, то Геринг заявлял, что «*это преступление — после того, как движение в течение 10 лет успешно боролось за власть, сейчас загнать его в подполье. НСДАП целиком и полностью придерживается законного пути прихода к власти*». Геринг осуждал новый «поход на Рим», так как, по его мнению, задача национал-социализма состояла в том, чтобы завоевать власть не при помощи штыков, а при помощи избирательных бюллетеней. Следовательно, СА не должны были использоваться исключительно как военная организация.

Подобное мнение в одной из своих статей изложил и Адольф Гитлер. В ней он сводил счеты со своими противниками: «*Капитан Штеннес [фюрер даже не знал, что неформальный лидер штурмовиков был обер-лейтенантом], который решился на осуществление давно задуманного бунта, исключен*

мною из национал-социалистической партии. Я должен был это сделать. И отныне я буду без оглядок на возможные последствия проводить очистку движения от элементов, которые не собираются выполнять мои приказы, отданные в интересах сохранения партии. Каждый партайгеноссе имеет право не повиноваться незаконным распоряжениям, но просто обязан повиноваться моим приказам. В противном случае существование нашего движения не имеет смысла. Партий, в которых каждый волен решать, что ему делать, в стране более чем достаточно. И я создавал национал-социалистическое движение отнюдь не для того, чтобы пополнить их число. Цель, которую мы преследуем, гигантская и требует личных ограничений. Кто не готов пойти на это, должен покинуть наше движение. Из всех людей, которые сейчас прикрываются социалистическими фразами, я не вижу никого, кто бы решился выступить на моей стороне. Я ненавижу лжецов и лицемеров, которые говорят о социализме, а сами совершенно чужды ему! И когда работа, впервые организованная мной и моими штурмовиками, стала приносить плоды, появились соломоно-большевики и соломоно-социалисты. Партайгеноссе! Я помню о том, что я не адвокат национал-социалистического движения, я его создатель и вождь. Об этом должны помнить и вы. И я как создатель НСДАП и ее вождь, чувствую свою ответственность перед будущими поколениями, я забочусь, чтобы наши несказанно большие жертвы не пропали даром. Я с яростным фанатизмом борюсь против тех, кто собирается уничтожить наше дело. Я вижу в национал-социалистическом движении единственно возможное будущее нации. И если пропаганда — это артилле-

рия нашей борьбы, то штурмовики — это ее пехота. Они должны воплощать собой идеальный тип национал-социалиста. Они должны являть образец преданности фюреру. Тот, кто сейчас подстрекает наше национал-социалистическое движение объявить войну государству, — либо дурак, либо преступник, либо провокатор!»

Как видим, Гитлер неоднократно подчеркнул, что основным принципом нациста является безоговорочное подчинение фюреру. На следующий день после появления этой статьи Гитлер в «Фёлькише беобахтере» вновь вернулся к назревавшему конфликту. *«Партия не преследует никаких подрывных целей, ведя борьбу только законными способами. Господин Штеннес, называя эту деятельность «тряпичной», «социал-реакционной», «непрусской», угрожает всему движению»*. Гитлер прореагировал столь жестко и резко, так как ему донесли, что штурмовики начали подготовку к государственному перевороту.

Сам же Штеннес рассматривал СА как «государство в государстве», а потому он начал формировать свою собственную «преторианскую гвардию», которая должна была осуществить национальную революцию. После того как в НСДАП все-таки произошел очередной раскол, Штеннес в статье «Маски сброшены», опубликованной в газете «Рабочие, крестьяне и солдаты», прокомментировал свои намерения. *«Я, как шеф северо-восточных штурмовых отрядов, выступал против контроля партийных структур. Я рассчитывал на независимость СА от партийных функционеров, собственную юрисдикцию, самостоятельное распоряжение финансами, то есть выступал за то, что уже давно пора было сделать руководству НСДАП».*

Но вернемся в те времена, когда конфликт между Гитлером и штурмовиками разгорался с новой силой. Две недели спустя после появления упомянутых статей Гитлера Штеннес публично заявил, что не исключает «социал-революционного давления» на партийное руководство со стороны штурмовиков. Это была открытая угроза мюнхенскому руководству! *«Мюнхен видит в революции лишь средство для прихода к власти, а потому там полностью отказываются от подлинных национал-социалистических устремлений. Партия решила ограничиться лишь парламентскими методами. Но СА должны оставаться сплоченной боевой организацией»*. Отвергая партийные шаблоны «активной политики», Штеннес провозглашал приоритет насильственных действий. Он видел в штурмовиках саму суть партии, движущую силу будущей революции. Этим заявлением Штеннес как бы говорил: «Да, все обвинения, выдвинутые в мой адрес мюнхенским руководством, абсолютно справедливы!». Теперь он действительно стал представлять угрозу для Гитлера. Фюрер решил перейти к действиям.

Между тем 28 февраля рейхспрезидент Гинденбург одобрил чрезвычайный декрет Брюнинга, который предоставлял рейхсканцлеру исключительные полномочия. Правительство по своему усмотрению могло запрещать собрания, распускать подрывные объединения и антигосударственные союзы, прекращать выпуск неугодных газет. В случае восстания СА либо даже просто подготовки к путчу НСДАП могла вновь, как и в 1923 году, попасть под запрет.

2 апреля «Ангриф» опубликовал письмо Гитлера, направленное Геббельсу. В нем фюрер ясно давал по-

нять, что Брюнинг воспользуется любым удобным поводом, чтобы убрать НСДАП с политической арены. *«Уже почти месяц определенные силы снова и снова пытаются поставить крест на проведенной работе. Они разлагают партию, навязывая в различных формах дух разногласий и брюзгливого критиканства. Принимая во внимание чрезвычайный декрет, они представляют значительную угрозу. Если намерения этих подстрекателей будут воплощены в жизнь, то недруги немецкого освободительного движения получат возможность не только притеснять, но и распустить наше движение. Именно поэтому я решил всеми доступными средствами вести решительную борьбу против любых попыток уничтожить национал-социалистическое движение. Я очищу партию от тлетворных элементов, где бы они ни были. Я сокрушу упования врагов народа об исчезновении национал-социализма. Доктор Геббельс, я передаю вам в руки полномочия зачистить партию. Вас не должны мучить сомнения по поводу возможных последствий».*

Для того чтобы произвести зачистку партии как можно быстрее, Гитлер созвал гауляйтеров партии в Веймаре. Хотя собрание и должно было проходить в обстановке абсолютной секретности, но о нем узнали в СА. В ночь на 1 апреля руководители мятежных штурмовиков приняли план решительных контрмер. Никто не сомневался, что гауляйтеров собрали только с одной целью — низвергнуть Штеннеса. Штурмовики были намерены отстранить от власти местное партийное руководство. Во главе Веймарской партийной организации планировалось поставить адъютанта Штеннеса Вальтера Яна. Все штурмовики

и слышать не хотели об отставке всеобщего любимца Штеннеса, но они не смогли выработать четкой стратегии.

1 апреля, как стоило ожидать, Гитлер собрал в Веймаре наиболее видных функционеров НСДАП. Он решительно потребовал отставки Штеннеса. Лидеру революционных СА была направлена телеграмма с требованием предстать перед партийным собранием. Штеннес в резкой форме отказался это сделать. Теперь пришло его время.

Весь этот день берлинские штурмовики колебались и вели себя нерешительно. Не удивительно, решение о партийном перевороте было принято накануне в жуткой спешке. Штеннес тем временем опубликовал статью, в которой утверждал, что Гитлер не решится убрать его. Но эта публикация оказалась курьезом, так как несколько часов спустя все газеты сообщили о низвержении Штеннеса. Вероятно, Штеннес не верил, что Гитлер осмелится избавиться от фактического «командующего коричневой армии». Может быть, Штеннес полагал, что сложившуюся ситуацию урегулирует «обращенный в новую веру» Геббельс, а партийное руководство пойдет на очередную уступку штурмовикам. А может быть, Штеннес ждал, когда в Берлин стянутся со всей Германии преданные ему штурмовики, и тогда он начал бы революцию, низложив не только Гитлера, но и республиканское правительство. Сейчас сложно установить, почему он выжидал.

Когда к Штеннесу пришла телеграмма из Веймара, он выпустил листовку, в которой говорилось, что теперь речь пошла не просто об урегулировании от-

ношений между штурмовиками и партийным руководством, а о фактической охоте на истинных национал-социалистов, которые были неугодны мюнхенским бонзам. Именно они, партийные бонзы, будут ответственны за развязывание братоубийственной войны. «СА *остались преданными долгу,* — говорилось в этой листовке. — *Сейчас они совесть партии, которая требует изменения программы и борьбы за старые идеалы национал-социализма. Абсолютную противоположность являет собой соглашательская, примирительная политика Мюнхена*». Листовка завершалась словами: «*Опираясь на вверенные мне СА, я беру на себя руководство партией в Восточной Пруссии, Мекленбурге, Померании, Бранденбурге, Остмарке, Силезии, Магдебурге, Анхальте и имперской столице Берлине*».

Встав во главе колонны штурмовиков, Штеннес участвовал в ожесточенной схватке с эсэсовцами, охранявшими партийную штаб-квартиру и редакцию «Ангрифа». Потеряв несколько человек ранеными, штурмовики взяли под свой контроль эти объекты. К мятежу сразу же примкнула часть редакционного коллектива «Ангрифа». Теперь революционные СА могли издавать собственные газеты. Бунт почти сразу же охватил всю Северную Германию. И тут мы могли впервые услышать прозвучавшие призывы к революционному национал-социализму. Центром подобных настроений стала Померания.

2 апреля в «Ангрифе» можно было прочитать, что после беспристрастного анализа сложившейся ситуации, «новое руководство» партии пришло к выводу о необходимости взять курс на революционное освобо-

ждение Германии. Тот самый курс, который в свое время был свернут реакционерами из Мюнхена. Штеннес распространял по всей Германии свой призыв: *«Штурмовики! Задайте своей совести вопрос: хотим ли мы реакционного рёмовского духа в наших отрядах или же мы хотим революционного национал-социализма, взгляды которого отвечают потребностям духовной свободы?»* В тот день Штеннес записал в своем дневнике: *«Ряды остались сомкнутыми, а знамя Немецкой революции высоко!*[1] *Нам не по пути с салонным клубом Штрассера. Нам не по пути со «Стальным шлемом» и реакцией. Мы останемся готовыми к тому дню, когда поведем трудящихся на баррикады, чтобы положить конец рабству Юнга и системе капиталистической эксплуатации. Старые штурмовики прекрасно знают, на каких баррикадах и против кого они будут сражаться»*. Штеннес стал по сути хозяином положения в Берлине. Он снял со своего поста Геббельса, который во время штурма редакции предпочел скрыться. Гауляйтером Берлина был назначен ветеран СА Ветцель. Штеннес уже не стеснялся в своих нападках. Он провозгласил себя новым фюрером национал-социалистического движения и призвал всех штурмовиков вставать под его знамена. Записи в дневнике не оставляют никах сомнений, в том, что революционные СА взяли на вооружение идеологию революционного национал-социализма. Но Вальтер Штеннес не был намерен делиться своей властью с Отто Штрассером.

---

[1] Перефразированная строчка из партийного гимна НСДАП, «Хорст Весселя»: «Поднять знамена, сомкнуть ряды, чеканной поступью идут штурмовики».

Глава 2

ВАЛЬТЕР ШТЕННЕС И ОТТО ШТРАССЕР

Сейчас очень сложно установить, в какой степени штурмовики по всей стране поддержали Вальтера Штеннеса. Можно было найти упоминания о восьми и даже десяти тысячах членов СА, которые в основном базировались в Берлине, Шлезвиг-Гольштейне, Померании. Как показал список исключенных из партии, который был опубликован Гитлером 4 апреля, среди мятежников оказалась фактически вся верхушка северогерманских СА. Самому Штеннесу удалось контролировать издание «Ангрифа» и берлинскую штаб-квартиру только до 3 апреля. Во второй половине этого дня редакционное здание по просьбе мюнхенского руководства было захвачено полицией. Атаке сил правопорядка подверглись все казармы и штабы восставших штурмовиков. После очистки от мятежников они были переданы в распоряжение СС, которые были усилены отрядами, присланными из Баварии. 4 апреля «Ангриф» вновь перешел под контроль Геббельса, сообщая о поражении Штеннеса.

В первом же выпуске этой газеты Геббельс пытался успокоить взволнованную публику, существенно занижая размеры бунта и его последствий. В многочисленных статьях и заметках он пытался доказать, что путч подавлен и мюнхенское руководство полностью контролирует ситуацию в партии. Эти публикации можно было бы условно разделить на две группы: первые были посвящены описанию тех, кто был исключен из партии. Там же обрисовывались меры,

Семейное фото Штрассеров. Отто — *крайний справа, стоит за своим отцом*

Отто Штрассер уходит добровольцем на фронт

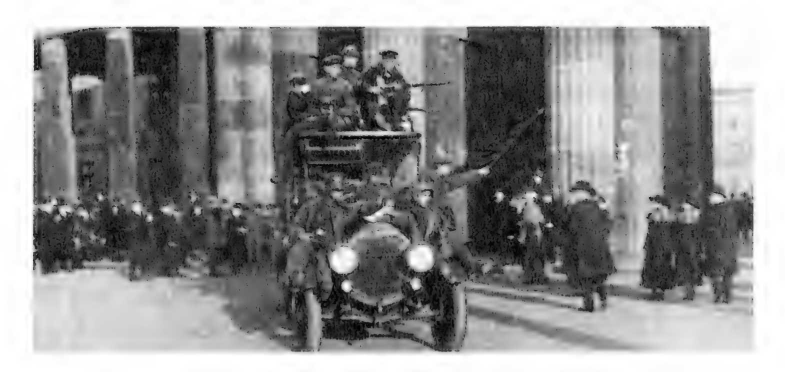

Отто Штрассер в конце Первой мировой войны

Грегор Штрассер,
старший брат Отто

Революция 1918 года

«Бригада Эрхардта» захватывает Берлин во время капповского путча

Вольфганг Капп — один из организаторов путча 1920 года

Капитан Герман Эрхардт

Гитлер — уличный оратор в начале становления НСДАП

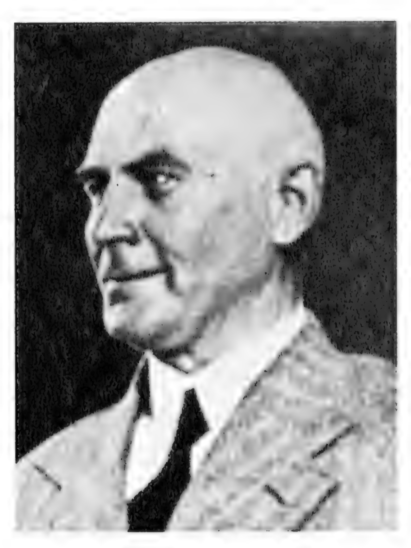

Йозеф Геббельс на посту гауляйтера Берлина

Вальтер Штеннес, лидер революционных СА

Эрнст Рём

Клаус Хайм

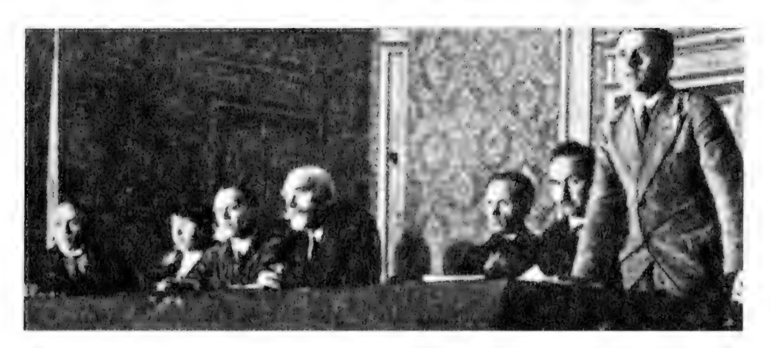
Вильгельм Хамкенс

Бодо Узе

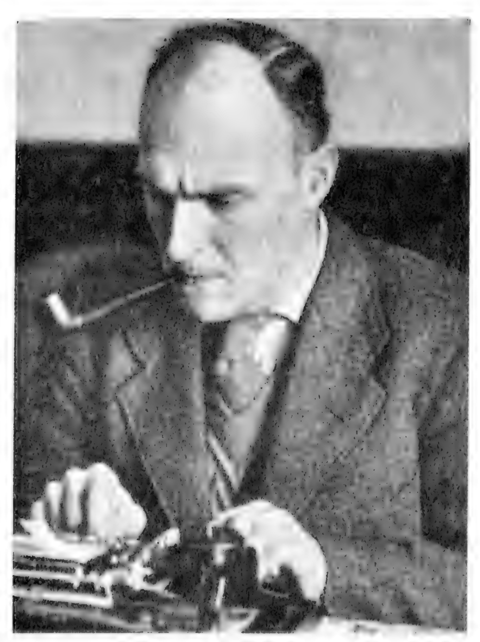
Беппо Рёмер, один из членов общества «Туле», создатель кружка «Прорыв»

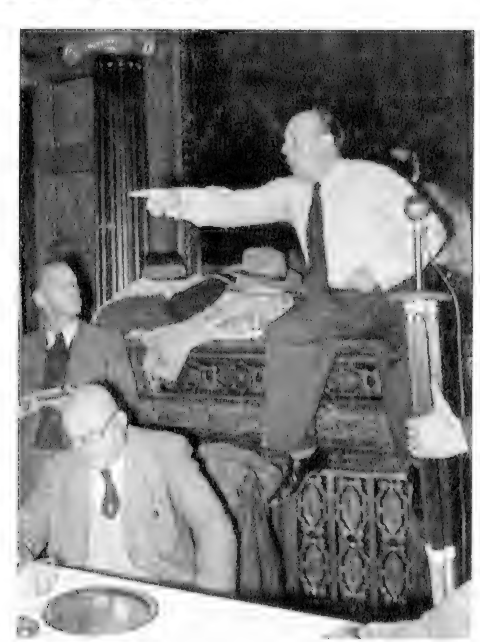
Совместное заседание руководства «Ландсфолька» и «Черного фронта»

Демонстрация «Ландсфолька»

Эрнст
фон Заломон

Фон Заломон
срывает
судебное
заседание
по делу
Клауса Хайма

Франц Зельде — создатель «Стального шлема»

Пауль фон Гинденбург, рейхспрезидент Германии

Майор Бухрукер

Рейхсканцлер Франц фон Папен

Рейхсканцлер Курт фон Шляйхер

Рейхсканцлер Курт фон Шляйхер

Автор «Третьего рейха»
Артур Мёллер
Ван ден Брук

Граф Эрнст фон
Ревентлов

Герберт Бланк и Отто Штрассер

Отто Штрассер во время создания «Черного фронта»

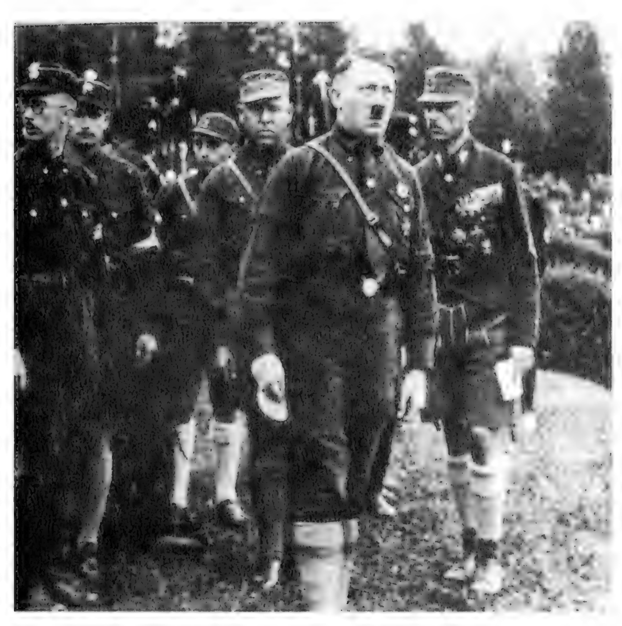
«Построение немецкого социализма» — брошюра Отто Штрассера, ставшая экономической программой «Черного фронта»

Газеты революционных национал-социалистов

Грегор Штрассер на нацистском митинге

Грегор Штрассер после «примирения» с Гитлером. На фото *слева направо*: Генрих Гиммлер, Рудольф Гесс, Грегор Штрассер, Адольф Гитлер.

Рихард Шерингер

Франц Шаувекер

Рихард Шерингер в тюрьме среди политических заключенных (*помечен на фото крестиком*)

Ганс Церер, редактор журнала «Тат»

Эрнст Никиш, лидер «Сопротивления»

которые предпринимались для наведения порядка. Вторые являлись простодушными заявлениями рядовых членов партии, которые говорили о лояльности к Гитлеру. Как правило, в них Штеннес получал самые уничижительные характеристики. Единственной целью подобных публикаций было принизить значение мятежа, который пытались представить как заговор честолюбивых офицеров либо действия предателей. Большинство заявлений о преданности должны были привести читателя к мысли, что партия наконец-то избавилась от группки очень опасных экстремистов, которые не верили в жизненную силу партии.

7 апреля «Ангриф» продолжил эту работу. Газета одновременно информировала о смене лидеров СА и назначении Геринга комиссаром над всеми восточными гау, куда входил и Берлин. «Ангриф» доводил до сведения читателей, что первое мероприятие, самостоятельно организованное Штеннесом и его соратниками, закончилось полным провалом. Тема мятежа Штеннеса не сошла со страниц нацистской прессы и 8 апреля. В те дни национальная пресса обвинила Геббельса в сотрудничестве с мятежниками. Сам Геббельс назвал эти сведения «ударом буржуазии» и призвал национал-социалистов не верить «измышлениям еврейских листков». Казалось, что к середине апреля обстановка в партии стабилизировалась, раскол был ликвидирован, а угроза запрета НСДАП прошла стороной.

Но раскол берлинских СА оказался в центре внимания не только немецкой, но и международной прессы. Журналисты придавали этому событию очень большое значение. Когда на процессе по делу рейхсвера Гитлер провозгласил, что его партия пойдет ле-

гальным путем, и провел чистку партии, у демократических партий появилась слабая надежда, что Гитлер станет соблюдать не только конституцию, но и правила парламентской игры. Эти надежды еще больше усилились, когда Гитлер подал изгнание Штеннеса и его штурмовиков из партии как избавление от опасных экстремистов. Но куда больше прессу интересовало будущее этих «диссидентов из СА». «Нижнесаксонская газета», например, писала: *«Только недальновидный человек может испытывать ущербную радость от скоротечной дворцовой революции у национал-социалистов. Ни в коем случае нельзя делать вывод, что национал-социалистическая партия исчезла из политической жизни. НСДАП продолжила свое существование, а осколки взрыва последних дней не опрокинули ее. Так что рано радоваться, что ее радикализм пошел на спад. Это всего лишь значит, что экстремисты перетекут туда, где они нужнее, например, к тем же коммунистам»*. «Кёльнская газета» испуганно била во все колокола: *«Когда НСДАП раскололась, она перестала представлять угрозу спокойствию страны. Принимая во внимание национальное покрывало нынешнего коммунизма, национал-социалистические изгнанники наверняка примкнут к КПГ, что породит другую чудовищную опасность»*. Обзоры, размещаемые в левой прессе, еще раз подтверждали возможность перехода недовольных штурмовиков в коммунистический лагерь. «Восточный экспресс» цитировал статью из «Правды», которая произвела эффект разорвавшей бомбы: *«Пролетарские элементы из НСДАП решили повернуться спиной к национал-социализму и придерживаться левых ориентиров, что является един-*

ственной дорогой к народным массам. Они перешли в ватагу Штеннеса, принимая во внимание возможный союз с борющимся пролетариатом».

Возможность тактического союза революционных СА и КПГ опять же подтверждалась примером обер-лейтенанта Рихарда Шерингера, который во время своего заключения в тюремной крепости Голлнов примкнул к коммунистам. Мятеж в СА стал удобным поводом для того, чтобы он еще раз обратился к национал-социалистам с призывом вступать в Коммунистическую партию Германии. В своем призыве он подробно перечислял многочисленные случаи, когда Гитлер и Геббельс предавали национал-социалистические идеалы. Он призвал штурмовиков вместе с пролетариатом готовить народную революцию, которая «должна была положить конец еврейской эксплуатации». Возникает вопрос, использовал ли Шерингер антисемитскую агитацию только для привлечения в КПГ штурмовиков, либо для агитации всего националистического лагеря?

Скорее всего призыв остался безответным. Не стоило забывать, что большинство штурмовиков были идейными антикоммунистами. Они не были в состоянии увидеть в «красных» потенциальных союзников. Коммунисты были врагами, против которых они сражались в рядах добровольческих корпусов при ликвидации Баварской Советской республики и спартаковского восстания. С ним они устраивали кровопролитные стычки на улицах немецких городов.

«Боевое содружество» возлагало большие надежды на первый мятеж штурмовиков, который произошел в сентябре 1930 года. Когда ожидания оказались тщетными, руководство штрассерианцев предпочло

видеть в революционных штурмовиках «завтрашних товарищей», которые пока не могли открыто заявить о своих симпатиях к революционному национал-социализму. «Боевое содружество» не уставало закидывать СА призывами, на которые обычно не следовало никакой ответной реакции. Казалось бы, сближение между этими двумя группировками было невозможно. Тем более что сам Штеннес и не собирался присоединяться к КГРНС, которое называл «салоном Штрассера». Но все начало меняться, когда 5 апреля весь номер «Немецкой революции» был посвящен расколу в НСДАП. Штрассер занял правильную позицию. В многочисленных заметках и комментариях нельзя было найти даже намека на нападки в адрес Штеннеса. Во всем был виноват Гитлер и его окружение. В статье «Гитлеровский удар по СА» раскол в НСДАП объяснялся *«конфликтом между социалистическими чувствами революционных штурмовиков и реакционным поведением буржуазного руководства гитлеровской партии»*, которое не только отказалось от осуществления 25 пунктов партийной программы, но и предало трудящихся, пойдя на союз с реакционерами в Тюрингии и Саксонии.

Как мы видим, революционные национал-социалисты пытались объяснить поведение мятежных штурмовиков теми же причинами, что и собственное летом 1930 года. Но Штрассер совершенно упустил такие факторы, как финансовая проблема, вопрос о месте СА в партии, личные склоки, споры о репутации Рёма. А ведь именно они сыграли решающую роль в провоцировании бунта.

Твердо уверенные, что штурмовики придерживаются тех же воззрений, что и лидеры «Боевого со-

дружества» и группы «Вервольф», штрассерианцы заявляли: «СА *должны ясно осознать свои революционно-социалистические чувства, должны в полном объеме сформировать свои задачи и стать солдатами революции*» (а себе, как мы помним, штрассерианцы отводили роль унтер-офицеров революции). В огромной статье, адресованной «старой гвардии СА», еще раз подчеркивалось, что сейчас необходимо действовать смело и решительно. «*Когда вы сами убедитесь, что в НСДАП невозможно осуществить прорыв национального социализма, тогда вы предоставите свои силы в распоряжение идей революционной формации. Вы так часто голодали, так часто проливали кровь, что мы не рискнем еще раз направить вас по ложному пути. Штурмовики! Прислушайтесь к голосу вашей революционной совести!*»

Вышедшая 12 апреля «Немецкая революция» стала отправной точкой в новой пропагандистской стратегии «Боевого содружества». Теперь Штрассер стал ориентироваться исключительно на интересы СА. Не давая конкретных оценок Штеннесу, подчас даже намеренно увязывая его имя с социалистическими идеями, исполком КГРНС хотел, чтобы штурмовики сосредоточили свое внимание на общих для обеих группировок революционных идеях.

Но вскоре Штрассеру пришлось констатировать, что СА не были политической организацией. По крайней мере, штурмовики не очень охотно интересовались чисто политическими проблемами. Что это значило? А то, что лидерам «Боевого сообщества» приходилось отбросить в сторону вопросы программных требований и всячески подчеркивать революционный характер КГРНС.

Чтобы продемонстрировать свою революционность, Штрассер решил предоставить на страницах своих газет слово обер-лейтенанту Вендту. Это был своего рода «мученик национальной революции». Он, подобно Шерингеру, был одним из обвиняемых по делу рейхсвера. Но в отличие от Шерингера Вендт примкнул не к коммунистам, а к штрассерианцам. Вендт подготовил два обращения, которые одно за другим были опубликованы в «Немецкой революции». Оба призыва содержали беспощадную критику Гитлера — «нового ландскнехта Брюнинга». Он призывал решительно бороться с реформистской линией мюнхенского руководства. «*С горечью я смотрю из тюремной камеры, как руководство НСДАП все увереннее идет в фарватере буржуазной реакции, как фюрер «рабочей» партии превращается в бонзу и предает саму идею освобождения от пут Версальского договора, плана Юнга и когтей капиталистических эксплуататоров. Приказ Гитлера смириться с чрезвычайными декретами фашистского диктатора Брюнинга ясно указывает, куда ведет гитлеровский путь. Не Гитлер, не «коричневый дом», а мы, рабочие, крестьяне и солдаты, являемся будущим немецкого народа. В Мюнхене же сидят предатели. Они называют нас путчистами, так как мы обладаем революционной энергией. Я, как и мой товарищ Рихард Шерингер, отвергаем Гитлера. Я верю, что Штеннес и его революционные СА пойдут одним путем с трудящимся народом и выступят против реакции и контрреволюции. Да здравствует Немецкая народная революция!*»

От себя исполнительный комитет «Боевого содружества» добавлял: «*Летом 1930 года авангард рево-*

люционных и социалистических сил покинул буржуазно-капиталистическую партию Гитлера. Сплотившись в «Боевом содружестве революционных национал-социалистов», эти люди отстаивают идею национального социализма во всей ее глубине и чистоте. Так и революционные СА должны сейчас проявить последовательность, продолжив этот процесс под лозунгом «Министерские кресла или Немецкая революция».

Раскол теперь трактовался Штрассером как конфликт между революционной волей СА и буржуазной практикой Мюнхена. Сейчас это было следствие заговора, составленного против Вальтера Штеннеса. Лидер КГРНС, не жалея красок, передавал подробности заговора. Оказывается, Штеннес был принесен в жертву во имя складывания буржуазной коалиции, которая должна была начать интервенционную войну против России. В состав этой мифической коалиции должны были войти НСДАП, Немецкая народная партия, Немецкая народно-национальная партия и партии центра. «*Далее,* — писала «Немецкая революция», — *Рём при поддержке генерала Хаммерштайна должен был провести вооруженную акцию против Штеннеса».*

Штрассер решил во чтобы то ни стало перетянуть штурмовиков на свою сторону. Он даже пообещал Штеннесу всяческую поддержку, если тот задумает создавать свою организацию. Это выражение солидарности было не совсем бескорыстным. Штрассер очень опасался, что Штеннес составит ему конкуренцию. А потому решил, что в лице лидера мятежных штурмовиков лучше иметь союзника, а не конкурента. Даже если бы эта инициатива провалилась, то в

КГРНС тешили бы себя мыслью, что на некоторое время штурмовики прекратят одно из своих любимых занятий — охоту на революционных национал-социалистов.

Но распространить этот номер «Немецкой революции» среди штурмовиков оказалось не так уж просто. Штрассер продолжал настаивать на союзе с СА, даже когда распространители газеты подверглись оскорблениям и насилию со стороны штурмовиков. *«Товарищи штурмовики! Вы стоите перед принципиальным выбором. Вы хотите назад, в реакционную гитлеровскую партию? Или вы жаждете продолжить борьбу за свободную национал-социалистическую Германию? Для честных бойцов существует лишь один путь. Вступайте в КГРНС!»*

Штрассер благоразумно предположил, что гипотетический союз может быть выгоден только при условии, если он будет сформирован на идеологических принципах, предложенных им самим. И дабы этот призыв был воспринят более дружественно, журналисты «Немецкой революции» подробно осветили первые мероприятия, которые Штеннес провел уже вне НСДАП. Они не жалели красочных эпитетов: «*С пламенными революционными речами выступали Фридрих фон Макер и правая рука Штеннеса, «Свобода» (Swoboda)*». Естественно, эти мероприятия оценивались как первый позитивный шаг. И само собой разумеется, следующий должен был заключаться во вступлении в «Боевое содружество».

В других статьях не менее льстиво утверждалось, что Штеннес являл собой тот тип офицера, который олицетворял дух 1914 года. И именно он должен был занять место Гитлера! Штеннес должен был

осознать, что он являлся революционером и отныне должен был примыкать только к революционному лагерю. Чтобы еще раз попробовать перетянуть на свою сторону штурмовиков, Штрассер решил использовать Отто Хорна.

Отто Хорн некоторое время был высокопоставленным штурмовиком в гау Берлин-Бранденбург. Проведя семь лет в России, он стал «крупнейшим» специалистом по «русскому вопросу». Позже он вышел из НСДАП. Но на самом деле его разрыв с Геббельсом не имел никакого отношения к мятежу штурмовиков.

Но ни призыв Вендта, ни обращение Отто Хорна не изменили ситуацию. 26 апреля «Немецкая революция» попыталась еще раз повлиять на штурмовиков. Но на этот раз можно было услышать резко раздраженные нотки. После этого наступило затишье. В мае 1931 года «Немецкая революция» всего лишь два раза вскользь упомянула о Вальтера Штеннесе. Да и то это были крохотные заметки, которые описывали ситуацию с возможным объединением двух группировок. *«Внутреннее развитие штурмовиков необходимо, но для этого требуется время. Яростное подстрекательство, которое вела против нас как «соломоно-большевиков» гитлеровская партия, привело к определенным психологическим трудностям, которые должны быть устранены не сегодня-завтра»*. Лидерам «Боевого содружества» ничего не оставалось, как сидеть и ждать, когда штурмовики созреют.

Как ни странно, но сближение двух национал-социалистических группировок обеспечила третья сторона. Ею оказался капитан Эрхардт. Капитан Эр-

хардт родился в 1881 году в городке Дибурге. Морской офицер, в 1919 году он создал собственный добровольческий корпус, который получил название «Бригада Эрхардта». В марте 1920 года был одним из организаторов капповского путча. Позже создал тайную организацию «Консул», которая базировалась в Мюнхене. Ее члены предприняли не одно громкое политическое преступление, в том числе и убийство Ратенау. Эрхардт принимал участие в «пивном путче», но в 1925 году занял антигитлеровскую позицию. С подчиненными людьми (ориентировочно 2000 человек) хотел начать вооруженную борьбу против национал-социалистов. Планировал даже создание Единого фронта сопротивления Гитлеру, в который должны были войти сторонники Грегора Штрассера, революционные национал-социалисты, революционное крыло СА и другие парамилитаристские организации. В принципе во имя борьбы с Гитлером Эрхардт был готов пойти на союз с вооруженными союзами левых партий. В 1933 году «Бригада Эрхардта» была введена в состав СС. Многие из ее членов вступили в консервативное сопротивление. После покушения на Гитлера, которое произошло в 1944 году, многие из них были казнены, а сам Эрхардт оказался в концентрационном лагере. О послевоенной судьбе его ничего не известно.

Но вернемся в 1931 год. После успеха Гитлера на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 года Эрхардт стал считать его главной угрозой для всей Германии. Он пытался собрать воедино все национал-революционные силы, чтобы организовать борьбу на два фронта: против НСДАП и против Веймарской республики. Эрхардт был свято уверен, что подобную револю-

цию можно было осуществить лишь при наличии вооруженной организации, которую бы негласно поддерживал рейхсвер. Главными лозунгами этого нового политического формирования должны были стать «Национальная революция» и «Объединенный национальный фронт».

Эту революцию по Эрхардту, которую национал-большевики именовали не иначе как путч на манер Каппа, должны были осуществить различные организации. «Объединенный национальный фронт», о котором мечтал Эрхардт, должен был охватить все партии правого спектра, «фёлькише»-группировки и военизированные организации. Предполагалось, что новое политическое формирование должно было завоевать доверие не только у населения, но и у государственного аппарата.

Еще в 1926 году Эрхардт установил контакты со Штреземаном[1]. С этого момента он стал пользоваться поддержкой представителей тяжелой индустрии, которые отчисляли ему деньги якобы на борьбу с большевизмом. Уже тогда капитан проявлял интерес к Штеннесу, чей антикоммунизм был хорошо известен по всей Германии. Эрхардт верил, что лидер СА при его революционной увлеченности станет прекрасным инструментом для реализации его планов. Неизвестно, когда состоялась первая встреча этих людей. Известно лишь, что Эрхардт был готов оказывать Штеннесу и материальную, и финансовую поддержку. Но после раскола НСДАП в 1931 году Штеннес оказался не в состоянии создать новую бое-

[1] *Густав Штреземан* — основатель и лидер Немецкой народной партии. В августе—ноябре 1923 года рейхсканцлер Германии. Затем министр иностранных дел. Лауреат Нобелевской премии.

способную организацию. Теперь не могло быть и речи, чтобы мятежные СА стали основой для «Объединенного национального фронта». Если вначале Штеннеса поддерживали 10 тысяч штурмовиков, то постепенно многие из них, официально не исключенные из партии, предпочли остаться в НСДАП. В то время денег у Штеннеса было настолько мало, что их хватило только лишь на печать единственного выпуска небольшой газетенки, чье содержание было не менее убогим, чем оформление.

Чтобы предотвратить возврат штурмовиков обратно в партию, Эрхард предложил Штеннесу финансирование газеты, которая бы выходила 10-тысячным тиражом. Откуда взялись деньги у капитана, никто не знал. Новый печатный орган получил название «Национал-социалистическая понедельничная газета». Кроме этого капитан Эрхардт был готов платить жалованье руководителям революционных штурмовиков и оплачивать организацию некоторых мероприятий. Неизвестно каким способом Эрхардт убедил Штеннеса заключить пакт с революционными национал-социалистами Штрассера. Может быть, припугнул, что лишит финансирования. А может, как-то по-другому. Но факт остается фактом: в 1931 году «Объединенный национальный фронт» начал обретать вполне зримые политические очертания. Кроме группировки Штеннеса и «Боевого содружества» в него вошли «Стальной шлем», союз «Оберланд» и, конечно, сама «Бригада Эрхардта».

В начале мая 1931 года Штеннес согласился на подобный союз. Чтобы привлечь на свою сторону Отто Штрассера, Эрхардт прибегнул к другой уловке. Штрассер тоже нуждался в деньгах, но капитан ре-

шил сыграть на его честолюбии. Он пообещал Отто, что тот встанет во главе широкого революционного фронта, который станет непримиримой оппозицией не только Гитлеру, но и самой Веймарской республике. Более того, Эрхардт посулил, что попытается перетянуть в свой стан остатки левого крыла НСДАП во главе в Грегором Штрассером и Ревентловом. Деньги, политические амбиции и родственные чувства сделали свое дело — Отто Штрассер согласился на союз со «Стальным шлемом».

Первая организационная встреча будущего руководства «Объединенного национального фронта» проходила тайно. Она состоялась 28 мая 1931 года в Мюнхене. Кроме Эрхардта, Штрассера и Штеннеса на ней присутствовали лидер «вервольфов» Клопке и майор Пабст. Чтобы подготовить своих сторонников к столь неожиданному альянсу, Штрассер 29 апреля 1931 года опубликовал в «Немецкой революции» статью Эрхардта, где тот якобы выражал солидарность с идеями революционного национал-социализма. Вообще вся эта история опутана значительным количеством недомолвок и тайн. После войны Отто Штрассер категорически отрицал, что получал от Эрхардта деньги. Возможно, такое поведение было связано с тем, что были обнародованы документы, в которых значилось, что значительное *финансирование* на создание «объединенного национального фронта» шло от правительства, которое было готово поддержать любую силу, направленную против Гитлера.

Официально пакт между Штрассером и Штеннесом был заключено 7 июня 1931 года. В тот день, как сообщала «Немецкая революция», Вальтер Штеннес, Отто Штрассер, Герберт Бланк и Эрнст

Бухрукер поставили свои подписи под декларацией о создании «Национал-социалистического боевого объединения Германии» (НСКД). Новая организация состояла из двух ветвей. На одной стороне находились гражданские политические союзы, студенческие группы, производственные ячейки, рядовые члены «Боевого содружества». На другой — военизированные формирования, служба безопасности Штрассера и все штурмовики. Сам Отто Штрассер был назначен политическим лидером «Боевого объединения», а Вальтер Штеннес главой его военного крыла. Политическое бюро, определявшее политический курс организации, состояло в основном из известных национал-социалистических «диссидентов»: Яна, Кюблера, Бланка, Бухрукера и др.

Центральным печатным органом НСКД решено было сделать «Немецкую революцию», которую продолжил редактировать лично Штрассер. Техническим редактором был назначен Ульрих Ольденбург (позже ему предстоит сыграть не последнюю роль в этой организации). В качестве приложения к «Немецкой революции» выходил вестник «Рабочий, крестьянин и солдат», который был ориентирован исключительно на штурмовиков. Собственно говоря, его официальное название звучало несколько по-иному: «Рабочий кулак— крестьяне немецкой земли— солдаты освободительной борьбы». Словно издеваясь над геббельсовским «Ангрифом» («Наступление»), выпускался небольшой листок «Отступление». Продолжала выходить «Национал-социалистическая понедельничная газета», которая позже стала причиной первого внутреннего конфликта в новой организации.

Все ранее существовавшие молодежные организа-

ции были распущены, а вместо них создана «Революционная рабоче-крестьянская молодежь». Штрассер сочинил для нее не только Устав, но и боевой гимн. Уже при создании молодежного отделения «Боевого объединения» стало видно, насколько различными были взгляды на политику двух лидеров нового политического союза. Штрассер хотел заложить в Устав демократическую процедуру избрания руководителей нижнего и среднего звена, но Штеннес, руководствовавшийся фюрер-принципом, решительно воспротивился этому. Он хотел, чтобы их назначало политбюро. В итоге Штеннес решил отдать «Рабоче-крестьянскую молодежь» Штрассеру, тем более что она почти на три четверти состояла из его сторонников. Определенного успеха удалось достигнуть в студенческой среде. Созданная при молодежной организации студенческая секция почти сразу же получила место в так называемом «студенческом парламенте». Следуя по уже наработанной схеме, были созданы «Национал-социалистические производственные ячейки», которые возглавил берлинский рабочий Хакер. По инициативе Штеннеса появилось на свет еще одно структурное подразделение НСКД. Оно не имело четкого названия. В руках бывшего полицейского капитана Ганса Мигге были сосредоточены все полномочия по сбору помощи заключенным. Он должен был нанимать на собранные деньги адвокатов, чтобы те защищали арестованных во время стычек штурмовиков, покупать заключенным провизию и сигареты.

Как видим, союз был формальным — две группировки фактически продолжали свое самостоятельное существование. На местном уровне различия между штурмовиками и революционными национал-социа-

листами оказались еще более значительными. Политический сектор подразделялся на ячейки, опорные пункты, боевые группы и боевые округа. Штурмовики оставили позаимствованную у НСДАП структуру деления на гау и округа. Молодежные и студенческие группы также объединялись в гау, которые географически должны были соответствовать боевым группам. Производственные ячейки не имели четкой структуры и находились под непосредственным контролем берлинских функционеров. Вся структура организации рухнула при первом же кризисе.

В июле 1931 года начальник штаба «Боевого объединения» Кюблер вместе со Штеннесом и Яном выработал четкую схему управления НСКД. Вся Германия была разбита на 12 боевых округов. Чисто теоретически СА должны были входить в боевые группы. Но это лишь теоретически. В Берлине, Бранденбурге, Померании штурмовики даже и не думали сотрудничать с политической организацией.

Как же выглядела «вертикаль власти» в «Боевом объединении»? Во главе каждого боевого округа стоял политический лидер, избираемый руководителями боевых групп. Гауляйтеры СА, напротив, назначались лично Штеннесом и Яном. Национальное руководство организации состояло из всех гауляйтеров СА, окружных политических лидеров, молодежного руководства и представителей производственных ячеек. Над ними стояло политбюро и некий тайный совет, функции которого не пояснялись. Так все выглядело на бумаге. Но на самом деле всеми делами в НСКД заправлял Фридрих Грабовски, политический советник Эрхардта. В свое время этот человек успел побывать пресс-секретарем правительства Каппа.

Пожалуй, начало лета 1931 года можно было бы назвать самым успешным периодом в истории «Национал-социалистического боевого объединения Германии». В мае 1931 года, то есть накануне объединения двух группировок, «Боевое содружество» насчитывало около 6 тысяч членов, а Вальтер Штеннес контролировал 2 тысячи штурмовиков, большинство из которых находились в Берлине и Померании. Объединившись, они смогли привлечь на свою сторону многих сомневающихся членов НСДАП.

Но, как ни крути, от этого альянса в первую очередь выиграл Отто Штрассер. Теперь его позиции стали разделять многие, даже те, кто не решался ссориться с Гитлером. Большинство уже не страшила эта ссора. Хлопнув дверью, из НСДАП стали выходить многие известные деятели.

К августу 1931 года «Боевое объединение» насчитывало 9—10 тысяч человек, которые были неравномерно раскиданы по всей Германии. По сути, можно выделить три основные формы филиалов НСКД. К первой можно отнести Берлин и Бранденбург, где уже давно существовала сильная организация, большинство в которой составляли штурмовики. Были еще филиалы, возникшие буквально накануне объединения «Боевого содружества» в Померании и Рейнской области. Третьей формой были традиционные форпосты революционных национал-социалистов: Саксония, Силезия, Мекленбург. Сильные позиции в этих районах были предопределены не только деятельностью «Кампф-Ферлага» братьев Штрассер, но и существованием боевых групп «Вервольфа», который традиционно поддерживал революционных националистов. Быстро растущее число членов нового

национал-социалистического союза в Силезии можно было объяснить двумя факторами: «польской угрозой» и имевшими там до сих пор место фрайкорами, которые охраняли границы от «польских бандитов». Существование стольких разнородных местных организаций ставило под угрозу саму структуру «Боевого объединения». В Политбюро НСКД это прекрасно понимали, а потому пытались преодолеть данные трудности при помощи «политических учебных вечеров» и других мероприятий.

Отто Штрассер специально для СА разработал курс обучения, образцом для которого послужили «учебные вечера» «Боевого содружества». В 1931 году образовательный курс СА включал всего лишь три темы: «Что отличает нас от НСДАП?», «Что отличает нас от коммунистов?», «Что может фронт рабочих, крестьян и солдат?». В качестве теоретической основы для этих курсов были взяты все те же «14 тезисов Немецкой революции», а также работа «Мы ищем Германию» и новая экономическая программа, опубликованная в брошюре «Построение немецкого социализма».

Учебные материалы для штурмовиков были разработаны Штрассером еще в мае 1931 года. В них он специально выгораживал свой антикоммунизм, так как знал отношение штурмовиков к КПГ. Хотя политика их мало интересовала, они всегда отдавали предпочтение спорту и уличным потасовкам. В лекции «Что нас отличает от коммунистов?» он сосредоточился на классовой борьбе, которую характеризовал как контрреволюционное и прокапиталистическое явление. Он яростно критиковал интернациональный и материалистский характер марксизма, ко-

торый был одним из главных врагов народного сообщества.

Чтобы подчеркнуть единство и сплоченность организации, которых на самом деле никогда не было, Отто Штрассер предпринял демонстративный ход. 14 июня 1931 года на Бранденбургском слете членов «Боевого объединения» черное знамя с мечом и молотом превратилось в символ революционных СА. Этот слет должен был продемонстрировать всей стране мощь новой организации. Поэтому денег на него не жалели. «Гражданские» и штурмовики со всех уголков Германии доставлялись тремя пароходами. Делегатов слета встречал оркестр и многочисленные ораторы. На церемонии передачи знамени Штеннес произнес пламенную речь. Штрассеру пришлось выступать два раза. Один раз утром, когда он подводил итоги политической деятельности начиная с июля 1930 года. Второй раз после обеда, рассказывая о задачах «Национал-социалистического боевого объединения Германии».

В слете принимали участие не только члены берлинской и бранденбургской организаций. Участники прибыли из Ганновера, Померании, многих других городов. Кроме собственно штурмовиков и революционных национал-социалистов, на слете присутствовали представители революционного движения «Ландфольк», «Вервольфа» и союза «Танненберг». Слухи о том, что «Боевое объединение» должно сблизиться с «реакционными» организациями вроде «Танненберга» или «Стального шлема», вызвали недовольство в национал-большевистском крыле штрассерианцев.

Мероприятие, которое должно было показать единство и силу «Боевого объединения», на самом деле

стало демонстрацией отсутствия какого-либо взаимопонимания. СА предпочитали держаться особняком, приехав на слет на отдельном пароходе. Они отказались посещать политическую часть слета, проведя время на стадионе и в тире. Вели себя заносчиво, проходили в тир вне очереди, иногда отказывались платить. Штурмовики считали выше своего достоинства знакомиться с «гражданскими».

Такое случалось уже не первый раз. Политическое крыло недовольно роптало. Возмущение стало нарастать после гамбургского собрания, проходившего 18 июля 1931 года. Во время манифестации, которая должна была рассказать населению о целях «Боевого объединения», на колонну напали гитлеровские штурмовики. Завязалась схватка. Тем временем охрана демонстрации, состоявшая из нескольких штурмовиков Штеннеса, предпочла не вмешиваться, так как основные силы штурмовиков задержались в пути. И это в тех условиях, когда местные представители НСКД сообщили в Берлин, что им стало известно о намерении гамбургских нацистов расправиться со штрассерианцами! Позже выяснилось, что Штеннес со своей охранной группой не просто задержался в пути, а вообще отказался выезжать в Гамбург!

Чтобы провести другое собрание, Штрассеру пришлось вновь обратиться к АНТИФА. И что в итоге получилось? На собрание пришло около тысячи человек, из них только 80(!!!) были штрассерианцами. Судя по полицейским отчетам, коммунисты не просто приняли участие в митинге, который охранялся их же силами. Они даже оплатили зал, напечатали плакаты, призывающие прийти на это мероприятие. В итоге весь политический успех достался КПГ, что

было в принципе логично. Полицейский комиссар писал об этом следующее: «*Успеха достигла только компартия, коммунисты обращались со Штрассером как со своим дворником*». А 19 июля «Народная газета» вышла под заголовком «Нокаут Штрассеру».

Как оказалось, Штеннес не был в состоянии обеспечить охрану мероприятий НСКД и безопасность собственных же людей. За примерами не приходилось ходить далеко. Тогда же, 19 июля, в Шарлоттенбурге были зверски избиты 15 членов «Революционной рабоче-крестьянской молодежи». В Гамбурге роптание стало перерастать в открытое недовольство: там не могли понять позицию берлинского руководства. Зачем было поднимать антикоммунистические лозунги, если от штурмовиков Штеннеса не было никакого прока? Эту критику активно поддержало левое крыло штрассерианцев. Даже сам Штрассер сожалел, что ему пришлось отказаться от просоветской, восточной ориентации.

Частичный отказ от просоветской ориентации поставил Штрассера перед необходимостью вести борьбу на два фронта: против реакции, с одной стороны, и против интернационального коммунизма — с другой. Подобные политические установки натолкнули лидера революционных национал-социалистов на мысль о создании проекта «Черный фронт», основные контуры которого начали вырисовываться уже в июне 1931 года. Непонятно, как на подобные изменения тактики и стратегии прореагировало национал-большевистское крыло «Боевого объединения». Оно традиционно ориентировалось на СССР. Но в то время Сталин отказался от тактики сближения двух «отверженных в Европе»: России и Германии.

Иосиф Виссарионович начал сближение с Польшей и Францией, которые считались злейшими врагами Германии.

В те дни Штрассер взял на вооружение идеи о реакции, либерализме и социализме, изложенные Артуром Мёллером ван ден Бруком в книге «Третий рейх». Штрассер решил модернизировать их. В политической жизни страны он выделял четыре блока: черно-бело-красный (консервативная реакция), черно-красно-золотой (либеральная реакция), красный (либеральная революция) и черный (консервативная революция). Штрассер считал вполне естественной склонность обоих революционных блоков бороться между собой. Теперь он был убежден, что надо беспощадно сражаться с интернациональными, материалистическими силами и практикой «безбожного марксизма», в котором стал видеть страшнейшую опасность для народных сил. Консервативная революция должна была бороться на три фронта. Для этого ему необходимо было привлечь на свою сторону «революционно-политических солдат», таких, как члены союзов «Вервольф», «Оберланд», «Викинг», «Танненберг». Но костяк фронта консервативной революции, естественно, должны были составить штрассерианцы и революционные штурмовики. Эти первые наброски «Черного фронта» принципиально отличались от тех, что были приняты на Втором имперском съезде. Тогда он полагал, что «Боевое объединение», «Вервольф» и «Бригада Эрхардта» были в состоянии не только создать движение, которое бы привлекло на свою сторону многочисленные «фёлькише»-группировки, но и сыграли бы решающую военную роль в дальнейшем развитии революционных событий. В то

время Штрассер мечтал о вооруженной революции, и это объясняло, почему ему сделали упрек, что он вместе с Эрхардтом стремился организовать новый капповский путч.

Штрассер уже планировал издание газеты «Черный фронт», когда «Национал-социалистическое боевое объединение Германии» было буквально разорвано внутренними противоречиями. На наполеоновских планах Штрассера поставили крест его внутренние «враги», которые явно недооценили его энергию и силу. Кстати, критика в адрес Штрассера стала звучать в том числе потому, что он собирался пустить деньги, предназначенные газете «Немецкая революция», на выпуск первых номеров «Черного фронта».

Первые признаки кризиса в только что создавшемся «Боевом объединении» проявились 29 июня 1931 года. Именно тогда гамбургские революционные национал-социалисты опубликовали открытое письмо, в котором характеризовали Эрхардта и Штеннеса как реакционных националистов, не имевших никакого отношения к Немецкой революции. 30 июня политическое руководство организации отправило в Гамбург ответ, состоявший из голословных утверждений, которые к тому же оказались наглой ложью: *«Мы приняли во внимание ваши высказывания. Замечаем, что капитан Эрхардт не имеет никакого влияния на политику «Боевого объединения». У него нет финансового контроля над выпуском «Немецкой революции» и над подразделениями нашего движения. Смеем заметить, что «Национал-социалистическая понедельничная газета» — это частное предприятие Вальтера Штеннеса. По нашему убеждению, именно сюда инвестирует свои деньги*

капитан Эрхардт. Наш лидер Отто Штрассер отрицает, что капитан принимает участие в издании «Немецкой революции». Вам должно быть понятно, что присоединение к нам группы Штеннеса произошло, когда штурмовики согласились с нашими идеологическими установками». Под этой политической липой стояли подписи Штрассера и Кюблера.

Гамбургские революционные национал-социалисты, может, и поверили бы этой отписке, но в начале 1931 года вся немецкая пресса хором заговорила об «операциях капитана Эрхардта» и его тайных спонсорах. Рисковал разгореться громкий политический скандал. 18 июля гамбургские революционные национал-социалисты провели общее собрание. На нем они пришли в выводу, что, по меньшей мере, нелогично провозглашать антикоммунистические лозунги, если постоянно приходилось прибегать к помощи КПГ, дабы обезопасить себя от нападок НСДАП. Но Штрассер был непреклонен — лидеры северогерманских коммунистов высказывались против национально-освободительной борьбы, а потому с КПГ надо было вести безжалостную идеологическую войну. Избежать взрыва недовольства было невозможно.

3 августа 1931 года гамбургская группа вышла из состава «Боевого объединения». Ее лидеры заявляли: *«Политическое бюро «Боевого объединения» отрицало, что ведет какие-либо дела с Эрхардтом. Штрассер утверждал, что капитан финансирует лишь В. Штеннеса. Но нам стало известно, что группа Штрассера, подобно гитлеровской партии, сейчас следует в опасном политическом фарватере, ставя знак равенства между Немецкой революцией и капповским*

путчем. Одного этого факта достаточно, чтобы отказать движению Штрассера в революционной воле и заявить, что его можно рассматривать как эксперимент антинародных сил и финансовых воротил, который призван оттянуть революционные силы от борьбы с планом Юнга. За немецкое свободное социалистическое Отечество рабочих, крестьян и солдат! За Немецкую революцию!»

После своего разрыва отношений со Штрассером гамбургская группа присоединилась к коммунистам. Нацистский «Ангриф» проявил повышенный интерес к этому конфликту, так как Геббельс увидел в нем начало процесса распада «Боевого объединения». Наблюдение абсолютно справедливое — многие старые революционные национал-социалисты перестали доверять своего руководству и Отто Штрассеру. Примечательно, что от Штрассера отвернулись наиболее преданные ему соратники: братья Решке, Вильгельм Корн. Именно их подписи стояли под воззванием 2 июля 1930 года.

Штрассер попытался замять конфликт и в своей статье изобразил его как небольшое недоразумение, в результате которого движение покинуло всего лишь 8 человек. Но все было тщетно, вслед за гамбургской группой из движения один за другим стали выходить многие приверженцы идей «Немецкой революции». Ситуация накалилась до предала, когда Штрассер убрал Ульриха Ольденбурга, редактора «Немецкой революции». Повод был придуман самый что ни на есть дурацкий. Ольденбург, оказывается, *«вредил и ослаблял боевые группы, способствуя их исчезновению».* Этот очередной национал-большевистский

кризис вылился в конфликт между Штрассером и Штеннесом.

Разделение «Боевого объединения» на политическое крыло и военизированное крыло теоретически обосновывалось различными задачами, которые стояли перед этими подразделениями. Но на практике это было лишь нежеланием двух лидеров выпускать из рук контроль над своими сторонниками. В принципе лидер организации обязан обладать врожденными качествами. Он должен был сдерживать центробежные силы в организации и благодаря своему авторитету проводить в жизнь принятые решения. Здесь мы могли наблюдать совершенно иную картину. Штеннес упрекал Штрассера в излишней демократичности, так как тот позволял рядовым членам организации выбирать руководителей. Кроме того, Штеннес был недоволен тем, что Штрассер зависим от исполнительного комитета и Политбюро, подразумевая прежде всего Бухрукера и Бланка. Сам лидер революционных СА был, как уже говорилось, убежденным сторонником фюрер-принципа. А это означало, что он сам хотел назначать политических функционеров и самолично решать все дела.

Эти высказывания наглядно демонстрировали принципиальные различия между лидером штурмовиков и Штрассером, который был свято убежден, что именно политические способности делают его лидером организации. Он не разделял взглядов Штеннеса на роль вождя. Личное соперничество дополнялось политическими несостыковками. Штеннес бредил государственным переворотом, не являясь по сути революционером. Идеология и мировоззренческое обучение играли для него второстепенную роль,

а сами «гражданские» структуры не имели ничего общего с истинным национал-социалистическим движением. Штеннес верил в возможность реорганизации государства через коалицию со всеми националистами, которые, сформировав широкий фронт, должны были прийти к власти вооруженным путем. Но Штрассер не был готов назвать любой переворот Немецкой революцией. Смущало его и то, что, формально выступая за освободительную борьбу, Штеннес под влиянием Эрхардта стал ориентироваться на сближение с Францией.

Политические различия между штурмовиками и бывшими членами «Боевого содружества революционных национал-социалистов» становились все значительнее. Штрассерианцы обладали более высокой политической сознательностью, были лучше образованны, нежели СА, которые делали ставку на грубую силу. Те предпочитали заниматься спортом, а не сидеть на политических занятиях. Почти все статьи о штурмовиках, опубликованные в «Немецкой революции», были посвящены спорту, стрельбам, дружеским встречам ветеранов СА, «борьбе с силами природы». Активные штрассерианцы с трудом мирились с аполитичностью штурмовиков, которые не только критиковали возможность сближения с КПГ, но и наотрез отказывались контактировать с «гражданскими». В группе Штрассера стало вновь разгораться пламя старого конфликта.

Нет никакого сомнения, что именно Эрхардт убедил Штеннеса покинуть 29 августа 1931 года ряды «Боевого объединения». Циничность ситуации заключалось в том, что накануне капитан встречался со Штрассером и оба высказали «единодушное» мне-

ние, что оба крыла «Боевого объединения» надо преобразовать в «Черный фронт». Так или иначе, но 12 сентября обе группы национал-социалистических «диссидентов» разорвали отношения. Штеннес решил пойти своим путем — он учредил «Независимое национал-социалистическое боевое сообщество Германии».

После очередного раскола было поставлено под угрозу само существование «Национал-социалистического боевого объединения Германии». Выход из НСКД братьев Решке ослабил позиции Штрассера в Берлине и Бранденбурге. После исключения Ольденбурга началось брожение в Ганновере, Шпандау, Брауншвейге и Саксонии. Но сильнее всего раскол ударил по гамбургской группе: ее покинуло более 500 человек. Как правило, это были сторонники национал-большевистского курса. На правом фланге в раскол ушли штурмовики Штеннеса, что фактически ставило крест на боевых группах в Померании. Вместе со Штеннесом НСКД покинуло около 3 тысяч человек, которые не могли простить Штрассеру «заигрывания с большевиками». По сути, прекратила свое существование молодежная организация, часть членов которой последовали за Ольденбургом, а часть — за Штеннесом.

Организационные неурядицы, многочисленные расколы, газеты, прекратившие выходить, окончательно обескуражили тех, кто предпочел остаться в организации.

Один из сотрудников Штрассера, Ганс Дёрнер, в интервью утверждал, что руководство «Боевого содружества» возлагало большие надежды на бунт Штеннеса. Многим казалось, что из НСДАП вышла наиболее сознательная часть штурмовиков, что эти СА правильно понимают национал-социалистический акти-

визм. Но на самом деле революционные штурмовики оказались аполитичными субъектами. Их политической школой были баррикады, потасовки и перестрелки. Штрассер оказался не в состоянии изменить менталитет штурмовиков, которые руководствовались скорее темпераментом, нежели политическими талантами. Разработав для своей организации теорию борьбы на три фронта (против Веймара, коммунистов, реакционного Гитлера), Штрассер переоценил собственные силы. Идеология организации оказалась набором малосвязанных между собой политических максим. Из идеологического багажа НСДАП Штрассер позаимствовал антилегальную и антимарксистскую направленность, но, с другой стороны, национал-большевистское крыло постоянно сотрудничало с КПГ.

Пытаясь опередить экономический и политический кризис, охвативший Германию, группа Штрассера старалась представлять самые различные тенденции. Это вконец запутало штрассерианцев, которые никогда не были чем-то единым. В подобной обстановке кризисы и расколы были просто неизбежны.

Глава 3

УЛЬРИХ ОЛЬДЕНБУРГ И «БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО НЕМЕЦКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ»

26 июля 1931 года «Немецкая революция» сообщила об исключении из организации бывшего редактора этого издания Ульриха Ольденбурга, который «занимался саботажем» в НСКД. Этот шаг должен

был положить конец спорам, которые бушевали в «Боевом объединении» начиная с апреля того года. Ульрих Ольденбург был далеко не последним человеком в движении революционных национал-социалистов. Он был не только редактором «Немецкой революции», но и руководителем округа Берлин и «главным имперским оратором».

Ульрих Ольденбург родился 26 апреля 1903 года. Вначале он был редактором «Немецкой газеты», которую издавал «Пангерманский союз». В конце 20-х годов покинул ряды объединения. Позже пугливо утверждал, что не состоял ни в НСДАП, ни в «Пангерманском союзе». Так или иначе, но весной 1930 года он примкнул к Отто Штрассеру, проявившему большой интерес к его журналистскому опыту. До 1931 года Ольденбург оставался бессменным редактором «Немецкой революции», параллельно являлась членом исполкома по вопросам внутренней политики. Его карьере можно было позавидовать. Уже в июле 1930 года он стал совладельцем издательства «Национальный социалист», а в январе 1931 года — управляющим активами этого предприятия и лицом, юридически ответственным за выпуск всех газет. Он почти сразу же получил широкую известность в кругах революционных национал-социалистов, национал-революционеров и национал-большевиков. Его ораторские способности оценили многие: Ольденбург организовал мероприятия не только в Берлине, но и по всей стране.

Отношения Ольденбурга и Штрассера стали портиться, когда был взят курс на сближение с Эрхардтом и Штеннесом. Политические взгляды капитана Эрхардта, его связи с крупным капиталом, а самое

главное — желание стать «серым кардиналом» широкого фронта военизированных групп, ориентированных на установление антимарксистской национальной диктатуры, были абсолютно чужды, по мнению Ольденбурга, национально-революционному социализму. Объединение Штрассера с революционными штурмовиками, равно как и запланированное на сентябрь 1931 года издание совместного печатного органа, никак не устраивало молодого левоориентированного политика. Кроме этого, подобные шаги угрожали его личным позициям, так как на горизонте появлялись новые издатели и политические фигуры, которых Ольденбург поначалу не воспринимал всерьез.

В то время Штрассер был сыт по горло критикой левого крыла, а потому только и ждал удобного повода, чтобы дискредитировать его. Но этот план он не смог осуществить, так как вынужден был полностью посвятить себя управлению внезапно разросшейся организацией. Тем временем Ольденбург открыто выражал солидарность с братьями Решке, которые были недовольны связями с «реакционными националистами».

Для Штрассера оказалось полнейшей неожиданностью, что большинство региональных лидеров выступили на стороне Ольденбурга. Не дожидаясь логического конца подобного развития событий, Штрассер решил опереться на тех членов организации, которые сохранили преданность лично ему. 20 июля исполнительный комитет «Боевого объединения» решил исключить Ольденбурга из организации. Но Ольденбург не собирался бездействовать. Он установил контакты с Вендтом, до сих пор находившимся в тюрьме. Как формальный владелец и издатель «Не-

мецкой революции», он решил выпустить номер газеты исключительно со своими комментариями. Чтобы вернуть себе право издавать собственную газету с таким же названием, Штрассер начал против него судебную тяжбу. В период с 1 по 13 августа ни одной стороне так и не удалось выпустить «Немецкую революцию». И если у Ольденбурга на это было юридическое право, то не хватало необходимых финансовых средств. «Немецкая революция» все-таки увидела свет 13 августа 1931 года. Это был единственный номер, где Ольденбург смог обрушиться на Штрассера с сокрушительной критикой. В статье «Падение Штрассера» он придавал огласке связи Штрассера и Эрхардта, которого изображал как агента правительства, нанятого для того, чтобы бороться с коммунистами и настоящими немецкими революционерами. Деятельность Штрассера он называл «псевдосоциалистическим обманом», который на самом деле являлся последним резервом капитализма.

Ольденбург прибег к таким откровенным нападкам, так как верил, что «Национал-социалистическое боевое объединение Германии» было на грани развала. Он хотел вызвать к жизни новую организацию. Почти в то же время, когда произошел гамбургский раскол, по стране гулял призыв, подписанный Ольденбургом.

«Боевые друзья! Надеюсь, что вы являетесь немецкими революционерами. Революционерами, не сломленными ураганным ветром. Революционерами, преданными идее, а не личности. Мы знаем, что наша идея победит. Она должна победить, потому что она существует во имя Германии. Пусть лично-

сти, оставившие идеи, следуют стороной. Уже прошел месяц, как в Берлине я написал свои соображения о догматическом и ошибочном курсе Штрассера. Я надеялся урегулировать затруднительную ситуацию, в которую попала наша организация. Но тщетно... Результатом стали лишь упреки в брюзжании и недостатке доверия. Кроме того, Штрассер и Кюблер написали нашим товарищам в Ганновер, что я не подходящий для них человек, что я высказываю только личное мнение. Не правда ли, знакомый метод? А я всего лишь хотел правды, ясности и открытости. Штрассер ведет себя как полубог, которого призвали родить новую государственную и экономическую систему. В свое время Рудольф Рэм и Вильгельм Корн не захотели ограничиваться 49%-ной национализацией и предложили урегулировать этот вопрос на имперском конгрессе. Но их вышвырнули из «Боевого содружества». Так же сурово Штрассер обошелся и с братьями Решке, и со мною. В результате многие перешли в КПГ. Мы не должны смотреть в рот нашим «вождям», мы должны зорко следить за ними. Штрассер — неплохой журналист, но никудышный лидер. Тот, кто тайно или открыто поддерживает связи с римско-католическими реакционерами, является нашим противником. Посмотрите на Бланка — это же политический младенец, а Бухрукер способен лишь к призывам о верности и покорности. Такие «вожди» должны исчезнуть. Мы не нуждаемся в СА, которые получили статус особой организации. Каждый немецкий революционер является штурмовиком. Политический дилетант Штеннес всего лишь средство для достижения цели. В качестве общенационального лидера

нам не нужны ни бывший офицер, ни полуобразованный интеллектуал. Нам нужен немецкий рабочий: Решке, Вендт или кто-то еще. Мы не принимаем во внимание «Черный фронт» Эрхардта и Штрассера — таково их настоящее имя. Нам нужен немецкий фронт рабочих и крестьян!»

Этот призыв произвел поразительный эффект — по всей Германии революционные национал-социалисты заявляли о солидарности с Ольденбургом. Он более месяца потратил на то, чтобы собрать воедино все силы, посвятив большую часть времени пропаганде своих взглядов и продолжению полемики со Штрассером.

15 августа Штрассер опубликовал открытое письмо. В нем он говорил о «провокации Ольденбурга, являвшегося «шпионом Геббельса». Он якобы получил тайный приказ организовать саботаж, а в случае политического успеха НСКД расколоть организацию и увести сомневающихся обратно в НСДАП. Штрассер пустился в очередное вранье. Он напрочь отвергал любые контакты с реакционерами, утверждая, что вовремя раскусил замыслы Ольденбурга. Он должен был *«сорвать проведение референдума в Пруссии, тем самым отстранить НСКД от участия в выборах ландтага»*. Дело в том, что оппозиция решила положить конец правящей коалиции в Пруссии, которая состояла из социал-демократов и центристов. 1 февраля 1931 года подобную инициативу высказал «Стальной шлем». 23 июля идею распустить прусский ландтаг поддержала компартия. Референдум состоялся 9 августа 1931 года. Ландтаг не был распущен, так как за это предложение высказалось всего лишь 37% избирателей. Это было фактическим поражением оппозиции.

. Свое обвинительное письмо Штрассер заканчивал изложением трех принципиальных позиций. «Немецкая революция» оставалась печатным органом «Боевого объединения», «14 тезисов Немецкой революции» — ее официальной программой. Как бы желая успокоить национал-большевистское крыло, Штрассер заявлял, что готов к сотрудничеству с любыми силами, ориентированными на создание справедливого общества, будь то Тельман или Гитлер. Не имея возможности более скрывать свои отношения с Эрхардтом, он назвал его финансовую помощь «*жертвой во имя светлого будущего и дела революционного национал-социализма*».

Ответ Ольденбурга был помещен в «Немецкой революции», которую Штрассер считал своей собственностью. В нем он решительно отрицал саму возможность каких-либо связей с Геббельсом, опровергал привязанность его высказываний к прусскому референдуму. При этом не забыл упомянуть, что именно он являлся единственным законным издателем и владельцем газеты. В подтверждение этого Ольденбург приводил решения суда. Он даже не отрицал, что встречался со Штеннесом и обсуждал перспективы создания новой политической организации.

Возможна и другая трактовка этих событий. Видя, что Штеннес окончательно разорвал отношения со Штрассером, Ольденбург решил сам получать финансовую помощь от Эрхардта. Но в данной ситуации весь радикализм и национал-большевизм Ольденбурга был не чем иным, как хитрой уловкой в борьбе за власть. Хотя правду мы вряд ли узнаем. Свое очередное обвинение он заканчивал словами: «*Мы похороним веру в Штрассера, а его закинем в социал-реакционный гроб*».

Но политические похороны Штрассера проще было провести на бумаге, нежели в реальности. Сколотить новую группировку оказалось не так уж просто. Ольденбург решил, что во главе новой организации должен встать человек общенационального значения, и предложил этот пост обер-лейтенанту Вендту. Ему оставалось пребывать в тюрьме буквально пару недель. Вендт тут же дал свое согласие возглавить новый союз.

Уже 30 августа «Немецкая революция» вышла под заголовком: «Обер-лейтенант Вендт: вождь боевого содружества». Ниже приводилась следующая заметка: *«Штрассер и Штеннес предали нас, как это уже однажды сделали Гитлер и Геббельс. За нашими спинами они связались с профранцузским контрреволюционером Эрхардтом, который уже давно существует на деньги Брюнинга и промышленников. Для нас личность — ничто. Все — дела во имя Немецкой революции. Мы следовали за Штрассером и Штеннесом, так как они клялись в верности революции. Если бы мы сейчас остались покорными им, что само по себе маловероятно, то стали бы предателями нашего дела. Мы передаем руководство обер-лейтенанту Вендту. Мы и дальше понесем знамя Немецкой революции»*. Этот призыв был подписан Ольденбургом и братьями Решке.

Когда Вендт возглавил новую организацию, то заметил по поводу Штрассера и его окружения: *«Литераторы и ландскнехты глумятся над нашим делом. Они призывали нас сражаться против фашизма и либеральной буржуазии. Революция и свобода на словах на деле оказались реакцией и предательством. Мы отказываемся от «комитетов» и огром-*

ных штабов СА. Мы не хотим больше лицезреть бонз! Разлады, возникавшие из-за Штеннеса и Штрассера, устранены. Пока этого требует революция, мы будем сотрудничать со всеми революционными группами. Как будет проходить это сотрудничество? Мы будем маршировать по отдельности, но сражаться вместе. Мы отвергаем тот тип литераторов, которые составляют эластичные двусмысленные программы. Наша политическая линия ясна. С народом против капитализма! С Россией против Версаля! Все для великогерманского социалистического государства рабочих и крестьян!»

Но когда это письмо Вендта появилось в печати, оно ввело читателя в заблуждение. Автор письма радикально изменил свою точку зрения, когда Отто Штрассер посетил его в тюрьме. Вслед за этим «Немецкая революция», вновь издаваемая Штрассером, опубликовала заявление того же Вендта, который решил остаться преданным лидеру «Национал-социалистического боевого объединения Германии». *«Лично я верю в честную волю Штрассера. Я и пальцем не пошевелю ради этих унылых либералистов, которые в принципе являются обычными реакционерами, пытающимися играть роль в немецкой политике»*. Последний пассаж предназначался сторонникам Ольденбурга. Как видим, спектр обвинений в лагере революционных национал-социалистов не отличался разнообразием.

Самое удивительное, что 30 августа в Берлине вышли две разные газеты с одним и тем же названием — «Немецкая революция». Более того, они издавались враждующими между собой группировками. Штрассер решил сделать этот авантюрный шаг, даже несмотря на возможность судебных преследований.

Подобный поворот событий стал для Ольденбурга тяжелым ударом. В конце августа 1931 года он осознал, что большинство членов НСКД остались преданными Штрассеру. Он больше не мог рассчитывать на Вендта. Чтобы его сторонники не переметнулись в КПГ или национал-большевистские кружки, Ольденбургу надо было срочно создавать собственную организацию и формулировать новые политические принципы. Новая организация получила название «Боевое содружество немецких революционеров».

Ко времени создания «Боевого содружества немецких революционеров», которое произошло в сентябре 1931 года, в группировке, отколовшейся от штрассеровской организации, царила полная неразбериха. Чтобы хоть как-то навести порядок, Ольденбург подготовил так называемое «Первое внутреннее письмо». В нем он излагал свое видение будущей организационной структуры «Содружества революционеров». Его построения не отличались оригинальностью и очень походили на структуру «Боевого содружества». В то время Штрассер понял, что «Национал-социалистическое боевое объединение Германии» развалилось, и решил вернуть своей организации старое название «Боевое содружество революционных национал-социалистов».

Собственно говоря, и цели «Содружества революционеров», казалось, были скопированы у Штрассера: война с капитализмом, реакцией и марксизмом и Версальской системой, борьба с демократией, соглашательством и легальным путем прихода к власти. Основной целью являлась *«Немецкая революция, которая должна создать социалистическую экономику, сформировать национальное государство и обос-*

новать немецкую культуру». Эта организация решительно отвергала парламентский путь и надеялась на союз с Советской Россией.

Хотя Ольденбург и планировал создать жестко централизованную организацию, но он оставлял местным организациям право на самостоятельность действий. Все члены «Содружества революционеров» должны были придерживаться единой политической линии, но центральное руководство должно было прислушиваться к мнению, высказываемому снизу. В ежедневной политической практике каждый «немецкий революционер» должен был действовать автономно, представляя собой отдельную военно-политическую единицу. Чтобы органы власти не смогли оказать давление на «Содружество революционеров», Ольденбург создавал свою организацию фактически как подпольное формирование. Он сразу же предвидел, что его союзу придется функционировать в обстановке повышенной опасности. Он сам содействовал тому, чтобы «Содружество революционеров» приобрело сомнительную репутацию.

Но на самом деле о реальной подпольной работе говорить не приходилось. «Немецкие революционеры» должны были всего-то усиливать революционный потенциал Германии. Да и как могла вести подпольную работу организация, чье руководство находилось у всех на виду в Берлине? Оно состояло из пяти человек. Но, соблюдая революционную романтику, контактировало с местными группами через специальных «доверенных лиц». Да и местных групп, как таковых, не существовало. Они создавались только в случае крайней необходимости.

Как уже говорилось выше, связь с центральным

руководством осуществлялась через специальных доверенных лиц. Именно они доводили до лидеров так называемых секторов указания руководства «Содружества революционеров». В центральном руководстве единственным человеком, который знал в лицо доверенных людей, был начальник документации. Странная должность, особенно если учесть, что в этой организации не велась картотека на членов и сторонников. Заявление о вступлении в организацию сразу же уничтожалось руководителем местного географического сектора. И только этот руководитель знал реальную численность местной группы. Само «Содружество революционеров» предполагалось на 95% как замаскированная организация. Его члены должны были числиться в различных неполитических союзах, например в туристических объединениях или клубах курильщиков. Но вместе с тем планировалось, что они будут проникать в революционные группы, политически проявлять себя там и тем самым готовить базу для революционных выступлений. В принципе основная задача рядовых членов состояла в том, чтобы переориентировать оппозиционные группировки на борьбу против версальской системы. «Содружество революционеров» наотрез отказывалось от каких-либо публичных акций, так как не собиралось завоевывать массы.

И тут возникает вопрос: как эта полуподпольная организация должна была относиться к таким сильным революционным группам, как, например, компартия? Заявлялось, что надо планомерно разваливать КПГ. Дело было даже не в том, что многие коммунисты были убеждены в неспособности своей партии принять решительные меры. Отношения с

крайне левыми зависели от их готовности поддержать всеми средствами войну против системы, готовности *«впрячься в революционную борьбу ради уничтожения капитализма»*. В то время, в октябре 1931 года, группа Ольденбурга придерживалась элитарных взглядов, считая себя *«тайными офицерами Немецкой революции»*, которые должны были спровоцировать вооруженное выступление коммунистов. (Штрассер говорил всего лишь об унтер-офицерах.)

На первом этапе своей деятельности Ольденбург не планировал уделять коммунистам особо много внимания, так как собирался сосредоточиться на гитлеровской партии. Он хотел усилить недовольство рядовых национал-социалистов, не понимавших, чего ради был заключен союз с реакционными силами и складывался «Гарцбургский фронт»[1]. «Немецкие революционеры» должны были проникать на мероприятия НСДАП и вести осторожную агитацию, выявляя истинных немецких социалистов. На этот раз Ольденбург не отказывался от классовой борьбы, так как понимал ее как борьбу между эксплуататорами и угнетенными.

Впрочем, «немецким революционерам» это вовсе не мешало считать, что никаких классов не существует. Борьба классов была не чем иным, как позаимствованным у Штрассера тезисом о 97% немецкого народа, сражающегося против 3% эксплуататоров.

Чтобы продемонстрировать принципиальную раз-

---

[1] Название произошло от местечка Бад-Гарцбург, где была достигнута договоренность о создании единой «национальной оппозиции», в которую вошли НСДАП, Немецкая народно-национальная партия, «Стальной шлем», Имперский земельный союз, «Пангерманский союз».

ницу между «немецкими революционерами» и революционными национал-социалистами, руководство «Содружества революционеров» утверждало, что их организация является по-настоящему революционной, так как она существует в подполье. Ответ на вопрос: была ли организация Ольденбурга радикальнее «Боевого содружества революционных национал-социалистов»? — кажется очевидным. В октябре 1931 года «немецкие революционеры» начали подготовку к серии террористических актов. Сам Ольденбург отказывался от политических дискуссий, идеологических программ. Всей своей деятельностью он хотел отмежеваться от штрассерианцев. В принципе он не сказал ничего нового и оригинального. Он просто создал экстремистский вариант «Боевого содружества», возглавляемого Отто Штрассером.

По меньшей мере до марта 1932 года Ольденбург проповедовал все тот же штрассеровский национал-социализм, помноженный на романтику революционного терроризма. Это подтверждали и темы, которые он выбрал для пропаганды. А если сказать еще точнее, то идеология Ольденбурга была не очень качественно скопированным национал-большевизмом, который больше походил на идеологическую модель Отто Штрассера. Эта точка зрения станет еще более убедительной после прочтения номеров «Немецкой революции», изданных лично Ольденбургом. В двух статьях он повествовал о германском праве и интервенционной войне против СССР (подготовку к последней он, естественно, осуждал). В остальном, если не считать критики Штрассера и его организации, речь шла о главных мировоззренческих постулатах «немецких революционеров»: идее народного сообщест-

ва и неприятии капитализма. После прочтения можно было убедиться в идеологической незрелости руководства «Содружества революционеров». *«Капиталистом, вне всякого сомнения, является тот, кто владеет большим, чем может потребить; кто богатеет от избыточной прибыли, обращенной в банковские проценты. Государство должно поставить себе целью исправление подобной несправедливости. Капиталист стремится к богатству, делая еще беднее всех окружающих, заставляя их служить себе»*. Решение же накопившихся проблем «немецким революционерам» виделось так: *«Мы должны представить всех богатеев как капиталистов. Наше изобилие не должно быть преступным, так как от него не должны страдать наши близкие»*. Сам капитализм описывался как *«садизм, паранойя власти, человеческое вырождение»*. Капитализм был *«пережитком варварской эпохи, а потому он препятствует складыванию истинного народного сообщества. Он создает общество, состоящее из рабов и господ, волков и овец»*.

«Но благодаря социализму мы сможем сделать всех богатыми», — делал вывод Ольденбург. Однако единственным социалистическим мероприятием было названо служение валового национального дохода интересам нации. Фраза напыщенная, но пустая, не подразумевающая никаких конкретных мер. Даже простой лингвистический анализ этих текстов выявляет неприхотливость лексических конструкций и наличие самых простых грамматических форм. Это еще раз показывает, что Ольденбург и его сторонники не имели необходимого образования, которое бы позволило подобрать нужные слова, способные отразить

суть их идеи. Революционная мечтательность так и осталась невыраженной, не явленной широкой публике.

Так все-таки, был ли Ольденбург национал-большевиком в 1931 году? Если брать в расчет потенциальный союз с немецкими коммунистами и намерение заключить альянс с Советской Россией, то его течение с определенной натяжкой можно было бы назвать национал-большевистским. Но более правильно говорить об одном из вариантов развития революционного национал-социализма, пути несколько отличном от штрассеровского.

Подготовка к революции у Ольденбурга шла со скрипом. Ввиду финансовых трудностей он был вынужден прекратить выпуск газеты. Хотя не оставил затею освещать жизнь «Содружества революционеров» в своих «внутренних письмах». Упрекая Штрассера в вождизме, Ольденбург вел себя не намного лучше. Причем роль вождя он отвел себе сам. Новый этап в развитии этой неприметной организации наступил в декабре 1931 года, когда бывший крайсляйтер НСДАП Готтхард Шильд создал «Национал-социалистическое движение борьбы». В руководстве этой организации кроме самого Шильда оказались два бывших члена «Боевого содружества революционных национал-социалистов», которые несколько переработали тезисы Штрассера. Их программа предусматривала «Великую свободную социалистическую Германию», которая должна была быть построена как «военное государство с жестким руководством». Сам Шильд провозглашал национализацию индустрии и банков, введение социалистической плановой экономики, которая бы опиралась на систему сове-

тов. Экономика Германии должна была стать самодостаточной (автаркической), необходимо было ввести монополию на внешнюю торговлю, поддержать мелкого производителя и крестьянина. Это предполагалось сделать в виде предоставления субсидий, возвращения народа к земле, борьбы с бегством из деревни в город, создания крестьянских хозяйств, обладающих достаточным земельным наделом.

Эта программа построения немецкого социализма была значительно радикальнее штрассеровских построений, особенно в том, что касалось уровня и объемов национализации. Нельзя не заметить, что она предусматривала постоянно действующие советы и плановую экономику. Но и на этот раз речь шла о локальном варианте развития революционного национал-социализма. Фактически общая идеология и революционные устремления привели к объединению организаций Ольденбурга и Шильда. Именно эти люди стали играть решающую роль в среде «немецких революционеров». Они даже устроили комедийный суд, на котором был вынесен приговор: ни Гитлер, ни его идеология не имели права носить высокое звание социалиста. К сожалению, дальнейшая судьба этой организации неизвестна. Можно лишь констатировать, что группе Шильда—Ольденбурга не удалось сыграть никакой роли в истории Веймарской республики, которая в политическом хаосе доживала свои последние дни. В феврале 1933 года «Боевое содружество немецких революционеров», как и многие другие организации революционных национал-социалистов и национал-революционеров, были запрещены нацистами. Многочисленные предостережения от восприятия коммунистической идеологии позволяют

отнести «немецких революционеров» все-таки к радикальному крылу революционного национал-социализма, а не к аутентичному национал-большевизму. События 1933 года и приход нацистов к власти сокрушили веру Ольденбурга в возможность сопротивления власти репрессивного государства.

Часть IV

«ЧЕРНЫЙ ФРОНТ»

Глава 1

СОЗДАНИЕ «ЧЕРНОГО ФРОНТА»

Выход из организации Вальтера Штеннеса и раскол, вызванный Ульрихом Ольденбургом, настолько ослабили «Национал-социалистическое боевое объединение Германии», что в августе 1931 года Отто Штрассеру пришлось отложить в сторону все дела и неотложно решать насущные организационные вопросы. Во время кризиса июля—августа 1931 года его организацию покинуло чересчур много членов. Люди делали это по двум причинам: они либо не верили в возможность существования третьего пути, независимого от КПГ и НСДАП, либо не соглашались с идеей создания «Черного фронта», который, подняв на знамена антимарксистские лозунги, должен был организовать государственный переворот в Германии. За ошибки, допущенные Штрассером, приходилось платить всей организации. Она фактически лишилась газет. «Немецкая революция» оказалась под контролем Ольденбурга, а «Национал-социа-

листические письма» и вовсе прекратили свое существование. Штурмовики толпами покидали «Боевое объединение». Их не могло удержать даже создание «революционного черного фронта», в который вошли штрассерианцы, «вервольфы» и «Бригада Эрхардта». С этим приходилось смириться. «Черный фронт» должен был начать свою антигосударственную деятельность, подчинившись приказам Эрхардта. Они не обсуждались.

Об этом периоде в истории «Черного фронта» очень мало известно. Но именно август 1931 года стал переходным периодом. Именно тогда на политическом ландшафте Германии появилась новая организация, которой было суждено сыграть не последнюю роль в истории страны. В это время Штрассер прилагал неимоверные усилия, чтобы собрать воедино осколки развалившейся организации и окончательно ликвидировать внутрипартийную оппозицию. В результате 3 августа без руководства осталась молодежная организация штрассерианцев. Посмотрев на останки некогда активного молодежного крыла, Штрассер решил и вовсе ликвидировать молодежный филиал. Его члены влились рядовыми соратниками в состав взрослой организации. Но ситуация была сложной, и 5 августа Штрассер публикует «генеральный призыв ко всем группам и опорным пунктам». Не последовало никакого результата — «Боевое объединение» агонизировало. В Берлине, некогда являвшемся цитаделью левого национал-социализма, Штрассер с трудом находил своих последователей. Из прошлых 10 тысяч сторонников он мог рассчитывать от силы на две тысячи человек.

Чтобы самому убедиться, насколько сильно по-

страдала организация, Штрассер совершил поездку по стране. Составлял, так сказать, картину человеческих потерь. После посещения нескольких городов он решил остановиться в Тюрингии, дабы прямо на месте начать подготовку ко Второму имперскому конгрессу. Помогать ему в этом должны были десять провинциальных лидеров «Боевых групп», назначенных «политическими комиссарами». Они обладали неограниченными полномочиями. Хотя какие полномочия могли быть у представителей организации, дышавшей на ладан. В основном их задача сводилась к выявлению сторонников Ольденбурга, от которых надо было срочно избавляться. Кроме этого, они должны были составить картотеку на тех, кто был лоялен Штрассеру или, по крайней мере, продолжал симпатизировать ему. Среди этих людей им надлежало провести подписку на газету «Черный фронт», первый выпуск которой увидел свет 1 сентября 1931 года. В «нелегальном» номере «Немецкой революции», выпущенном Отто Штрассером 30 августа, было громогласно объявлено о создании «Черного фронта».

«В последние недели удалось достигнуть значительных успехов в деле выплавки новой Германии. Буржуазный блок Гугенберга того гляди начнет распадаться. Появление нового фронта вызовет кризис организаций как на левом, так и на правом фланге. В КПГ и НСДАП готов разразиться кризис. Развал будет тотальным. Он ударит по тем, кто защищает эту власть, а также по тем, кто рвется к этой власти, не желая менять систему. В настоящий момент в различных политических лагерях высвобождаются силы, желающие избавиться от старых установок и ценностей, которые рвутся вон из тесно-

ты давно уже израсходовавших себя группировок, которые готовы сплотиться вокруг новых принципов, ниспровергающих систему.

Сейчас придут либо красные, либо черные!

Красный фронт (либерально-марксистский фронт) интернациональный по своему духу, индустриально-городской по своей форме, материалистичный по своей сути.

Черный фронт (консервативно-социалистический фронт) национальный по своему духу, солдатско-крестьянский по своей форме, народный по своей сути.

Пришел час объединить всех ведущих людей и активные группы. Начало положено: ряд консервативных до духу и народных по форме организаций и кружков, усиленных революционной волей отдельных личностей, объединились в «Черный фронт».

Штрассер был в своем репертуаре. После прочтения этого воззвания можно было подумать, что в руинах лежала не его организация, а нацистская или коммунистическая партия. Так что нет ничего удивительного в том, что подобные призывы, напрочь лишенные связи с реальностью, еще больше усилили отток людей из штрассерианского движения. Среди них был и бывший член правления «Боевого содружества революционных национал-социалистов» Хаймзот. Сразу же после ухода от Штрассера он обрушился на него с жесточайшей критикой в журнале «Поборник». Хаймзот охарактеризовал тогдашнюю позицию «Боевого содружества» как «резервную позицию правительственного фашизма», а сам «Черный фронт» как «контрреволюционную и несоциалистическую организацию». В конце своей статьи он приходил к выводу, что *«борьба против «Боевого содружества»*

является необходимостью по тем же самым социалистическим и национальным причинам, что и вражда к распадающейся гитлеровской партии». Дав подробный обзор деятельности «Боевого содружества» за два года, Хаймзот решил сосредоточить критику на двух пунктах. Во-первых, он остановился на антифашистской деятельности, которая не приносила никаких результатов. Во-вторых, подчеркнул, что раскол в КГРНС произошел вовсе не по политическим причинам, а потому, что Штрассер принимал решения, выгодные только ему. Приводилось несколько примеров. Всем уже известная история с провалившимся альянсом между Штрассером и штурмовиками Штеннеса. А вот кое-что интересное, о чем публика еще не знала. Оказывается, во время крестьянского мятежа Штрассер установил контакты с доверенными лицами Эрхардта Плаасом и Хайнцем. Но об этом чуть-чуть попозже.

Критика была безжалостной. Хаймзот изображал Штеннеса и Штрассера марионетками Эрхардта, который, дергая за ниточки, создавал и разваливал политические коалиции. Именно он, этот «серый кардинал», навязал революционным национал-социалистам политическую линию, не имевшую ничего общего с народной революцией, которая преследовала только одну цель — развалить компартию.

Профранцузские высказывания Эрхардта лишь подливали масла в огонь. Для многих, в том числе и для Хаймзота, это было доказательством того, что руководство революционных национал-социалистов собиралось предать интересы Германии и заключить союз с Францией. Да и конфликт между Штеннесом и Гитлером был всего лишь шахматной игрой «гросс-

мейстера» Эрхардта, который во что бы то ни стало хотел ослабить независимую оппозицию. После того как ему удалось изгнать из «Боевого содружества» истинно оппозиционные элементы, он получил безграничный контроль над группой Штрассера. «Черный фронт» был не просто организацией, за которой стоял почти всемогущий Эрхардт. Эта организация была пешкой в игре «Белого Интернационала», главная тактическая задача которого сводилась к расщеплению революционного движения. Именно «Белый Интернационал» контролировал деятельность «Черного фронта», направлял его борьбу с коммунистами, желая положить конец активности КПГ. Кстати, Шерингер и фон Заломон, перешедшие в коммунистический лагерь, тоже были агентами Белого Интернационала. Но их задача была скромнее. Они должны были постепенно разваливать движение изнутри, формируя специальную идеологию.

Чего греха таить, Хаймзот нарисовал впечатляющую картину, под стать всемирному заговору масонов и израелитов. И все-таки был ли «фёлькишеанархист Штрассер», как назвал его Хаймзот, небольшим элементом гигантского заговора, исполинского плана по борьбе с большевизмом? Действительно ли вся его политическая деятельность сводилась к тому, чтобы завести в тупик политические группировки, охватывающие широкий идеологический спектр, начиная от белой контрреволюции, заканчивая революционным антикапитализмом? У Хаймзота не было никаких сомнений относительно ответа на эти вопросы. Перечисляя группировки, на которые имел виды Штрассер, он приходил к однозначному выводу: надо всеми силами сражаться со штрассерианст-

вом. *«Есть только один лозунг: борьба на уничтожение! Они говорят «консервативно-революционное», а сами являются контрреволюционерами. Они утверждают «национальный дух», но их национализм — это просвещенный яд для истинных революционеров. Они провозглашают «солдатско-крестьянскую форму», ибо только там может найти признание их странная идеология. У революционного, у социалистического, у национального может быть только одно требование: пора положить им конец!»*

Но прежде чем этот текст облетел всю Германию, Штрассер издал первый номер восьмистраничной газеты «Черный фронт». Вышла она в одноименном издательстве, главными акционерами и владельцами которого были Отто Штрассер и его супруга. Штрассер больше не хотел рисковать и повторять ситуацию с Ольденбургом, когда тот остался владельцем «Немецкой революции».

И тут, отбросив в сторону конспирологические выверты Хаймзота, нужно все-таки задаться вопросом: откуда у Штрассера взялись деньги не только на регистрацию нового издательства, но и на выпуск общенациональной газеты? Нет сомнений, что их предоставил Эрхардт. Скорее всего, они появились еще в мае 1931 года, но, видимо, Штрассер решил их приберечь. Может, именно поэтому он так легко отказался от «Немецкой революции» и «Национал-социалистической понедельничной газеты», оставив одну Ольденбургу, а другую Штеннесу. Накануне Второго имперского конгресса было напечатано четыре номера «Черного фронта». В них в основном излагались новые внешнеполитические и внутриполитические ориентиры, давались первые организационные указания. Подготовка к имперскому съезду шла полным ходом.

Если мы повнимательнее посмотрим на эти номера «Черного фронта», то, возможно, нам удастся понять, куда решил направить свою организацию Отто Штрассер. В одном из номеров на первой странице было напечатано две статьи. Первая была посвящена созданию «Черного фронта», а вторая рассказывала о восточной ориентации и будущих дипломатических взаимоотношениях с СССР. Здесь Штрассер буквально слово в слово повторял идею о четырех фронтах. Он заявлял, что традиционное деление на левых и правых исчезнет вместе с системой, против которой необходимо вести неустанную борьбу. Напрочь прогнившая система должна быть заменена народным сообществом, которое даст всем социальным группам единые цели и волю. Символом грядущего народного сообщества должно было стать черное знамя консервативной революции. Этот тезис иллюстрировался цитатой из Мёллера ван ден Брука, который придавал черному знамени значение мистического штандарта, под которым пойдет новый крестовый поход Немецкой революции. «*Вы [коммунисты. — Прим. автора] подняли знамя, навязанное нашей стране. Вы пришли с флагом, который всего лишь сукно, окрашенное в цвет бездушной крови. Вы можете извлечь черно-красно-золотое знамя — флаг прекрасных романтиков, создавших наш первый рейх. Но оно потеряло свой золотой блеск, который ему придала мечтательная молодежь. Или вы держите в руках черно-бело-красное знамя второго рейха? Знамя, которое развевалось, плавая по мировому океану, но никогда не стояло на твердой суше. Но сейчас над Германией вьется флаг, который является символом и аллегорией наших нынешних несчастий.*

Это флаг нужды, унижения и предельной озлобленности. Знамя беспокойства мысли, которая днем и ночью сосредоточена вокруг одного вопроса: какая судьба ждет нашу страну в этом мире? Знамя сопротивления людей, которые не собираются смиряться с процессом уничтожения страны и народа. Знамя взлета немцев, которые решились спасти нацию и обрести новый рейх».

В том же номере рассматривались первоочередные задачи консервативной революции после крушения Веймарской республики. Примечательно, что Штрассер ставил одним из главных вопросов: как, какими методами оттереть коммунистов в ходе революции от власти? Наследие рухнувшей республики будет тяжелым, так как победителям достанется неимоверно усилившийся марксистский фронт, во главе которого станут коммунисты. Но в этих условиях речь пойдет не об экономических вопросах, а о решительной борьбе за новую Германию, войне «красных» против «черных». Эта статья, санкционированная исполнительным комитетом, стала для берлинских оппозиционеров еще одним доказательством «фашистской агрессии», которую собирался начать Штрассер в ходе революции против коммунистов. Они призвали сомневающихся покинуть ряды штрассерианцев, провозгласив, что реакционный курс Штрассера не имеет ничего общего с революционным национал-социализмом, а «14 тезисов Немецкой революции» слишком уж недостаточны и многозначны.

Распространенная среди оставшихся в «Боевом содружестве» сторонников Штрассера статья Хаймзота вызвала очередной раскол. Впрочем, раскол — это громкое слово, скорее, небольшой переполох. Дело в

том, что Штрассера покинули последние члены распущенной молодежной организации. Все они вступили в «Ауфбрух-крайс» (кружок «Прорыв»), созданный Беппо Рёммером. О нем мы уже как-то упоминали. Сам кружок появился в 1931 году. Его руководство пыталось проникнуть в националистические круги, офицерскую среду, военизированные организации. Там предполагалось вести тихую агитацию и набирать новых сторонников. Тактика во многом себя оправдала. 22 июля 1931 года «Роте Фане» опубликовала заявление 13 бывших офицеров, которые в прошлом состояли в националистических организациях. Со временем все они попали под влияние национал-революционеров, а затем вслед за Рихардом Шерингером последовали в Коммунистическую партию Германии. Среди подписавшихся мы могли бы увидеть уже знакомых нам Рудольфа Рэма и Вильгельма Корна. Они, кстати, хотя и покинули группу Штрассера, но продолжали поддерживать тесные связи с ее левым крылом. Именно они убедили молодежь покинуть организацию.

Но статья Хаймзота и уход молодежи не вызвали нового кризиса и очередного массового оттока членов. Напротив, исполком даже был рад подобному развитию событий — Штрассеру наконец-то удалось избавиться от изрядно надоевшей ему левой оппозиции. Теперь он мог полностью контролировать идеологию, политику, стратегию и тактику своей политической секты. В сентябре 1931 года был положен конец разнородности движения, возглавляемого Отто Штрассером. На очередном имперском конгрессе организации было возвращено ее старое имя — «Боевое содружество революционных национал-социалистов».

Забегая вперед, скажу, что вплоть до 1934 года «Боевое содружество» оставалось послушным инструментом для реализации фантастических планов своего лидера.

Второй имперский конгресс длился несколько дней, с 2 по 4 октября 1931 года. Проходил он в замке Лауенштайн (Верхняя Франкония). В пятницу 2 октября на совместном заседании исполкома и руководителей боевых округов вырабатывалась программа и политическая тактика «Боевого содружества», которые утверждались делегатами на следующий день. Но этому совместному заседанию предшествовал один инцидент. Участники конгресса были задержаны на границе Тюрингии и Баварии, так как они были облачены в новую униформу «Черного фронта» — черную рубашку, кепи и сапоги. Им пришлось спешно облачиться в гражданское, так как в стране действовал запрет на ношение униформы. Согласно сообщениям полиции, в конгрессе приняли участие около 200 человек. На некоторое время замок Лауенштайн превратился в оплот консервативной революции. Дело в том, что параллельно со штрассерианцами свой съезд там проводило «Сопротивление» Эрнста Никиша.

Собственно сам конгресс открылся 3 октября 1931 года. Он начался с оглашения Штрассером основных идей «Черного фронта», которые были выработаны накануне исполнительным комитетом. *«Эпоха либерализма уходит в прошлое, но либеральная реакция не может быть уничтожена либеральной революцией красного фронта. Будущее должно наступить, находясь не под знаком либерализма, а под знаком консерватизма, который мы привьем нашему обществу. «Черный фронт» — это фронт*

консервативной революции. «Черный фронт» — это фронт грядущего; фронт боевой молодежи, рабочих, солдат и крестьян, марширующих под черным знаменем. «Черный фронт» — это не та организация, в которую можно вступить, а затем выйти из нее. Это большой тайный боевой союз, каждое звено которого должно разделять общее отношение, образ мыслей и готовность к действию».

За основу организационной концепции «Черного фронта» была взята «Программа действий «Боевого содружества революционных национал-социалистов», утвержденная делегатами съезда. Эта программа представляла собой конечный пункт теоретического развития революционного национал-социализма. Она включила в себя не только идеи «14 тезисов Немецкой революции», но и опубликованный ранее исторический и экономический анализ немецкого общества, который подтверждал необходимость борьбы против коммунизма даже в случае заключения тактического союза с КПГ.

Тот факт, что принятие программы проходило в крайней спешке, не только не критикуясь, но даже, по сути, не обсуждаясь, говорил, что все участники конгресса были назначены исполнительным комитетом. Сторонников радикальной социалистической линии на пушечный выстрел не подпускали к замку. Тенденция к концентрации власти в руках исполнительного комитета приобрела вполне конкретные очертания, когда Отто Штрассер был единогласно избран «верховным лидером движения». Как и стоило ожидать, на этот пост больше никто, кроме самого Штрассера, не претендовал, так что выборы оказались безальтернативными. Кроме должности «верхов-

ного лидера» он получил от делегатов конгресса пост «главнокомандующего» революционными бойцами, которые числились в его личной охране и небольших отрядах службы безопасности. Он также получил непосредственный контроль над «производственными ячейками» и заново созданной «Революционной рабоче-крестьянской молодежью». В исполком организации было избрано пять человек: Отто Штрассер, Эрнст Бухрукер, Герберт Бланк, Ганс Вендт и Вальтер Пагель. Несмотря на все предпринятые меры, состав исполкома говорил о наличии даже в этот момент в штрассерианстве различных тенденций. Во-первых, в исполком попали люди, лично преданные Штрассеру (Бухрукер, Бланк). Во-вторых, в высшем органе «Боевого содружества» оказался обер-лейтенант Вендт, известный свой активностью и энергичностью. В-третьих, наличие в исполкоме сторонника радикальных действий Вальтера Пагеля говорило о все еще активном левом крыле, которое не собиралось сдаваться.

Вальтер Пагель был гауляйтером одной из организаций КГРНС, которая отличалась своими симпатиями к КПГ. В июне 1931 года он открыто заявлял, что вместе со своими людьми покинет организацию, если Штеннес останется военным шефом «Национал-социалистического боевого объединения Германии». Во время конфликта с Ольденбургом он предпочел встать на сторону Штрассера. Пагель стал фактическим лидером группы интеллектуалов, которые приветствовали национальную ориентацию КПГ и выступали против конфронтации с коммунистами.

3 октября после обеда в конгрессе принимало участие уже 500 человек. К революционным национал-со-

циалистам присоединились «вервольфы», революционные штурмовики Штеннеса, представители Э. Никиша, группы «Действие» («Тат») и даже «Стального шлема». Причем последние никак не согласовывали свои действия с центральным руководством. Многих в «Стальном шлеме» не устраивал союз с НСДАП и антипрусская пропаганда Альфреда Розенберга, главного идеолога гитлеровской партии.

Штрассер и Бухрукер предоставили друг другу слово, после чего рассказали о политической ситуации в стране. Штрассер заявил, что, когда кризис расшатает Веймарскую республику, у правительства будут только два выхода: либо капитулировать перед Парижем, либо спасать национальную экономику. Но оба эти выхода означали сохранение существовавшей системы, а потому не могли быть подлинным спасением для Германии. *«Спасение может принести только тотальная революция, которая будет осуществлена под черным флагом в экономике, культуре и сфере государственного управления!»*

Сама речь являла собой выжимку представленной утром делегатам программы действий, которую дополнял доклад Бухрукера. Он, не стесняясь, говорил о своем антикоммунизме. Бухрукер провозглашал, что не видит никакого смысла в дискуссиях с КПГ, так как эта партия не являлась национал-коммунистической. Но даже если бы она стала таковой, коммунисты вряд ли признали бы свою неправоту. Они все равно остались бы коммунистами, немного отличными от других. Бухрукер был убежден, что пролетарская революция создаст такую государственную систему, при которой все национальное достояние достанется номенклатуре. Революционный национал-социализм

должен был перераспределить его между всеми немцами. В итоге, ссылаясь на последние события политической жизни Германии, Бухрукер приходил к выводу, что КПГ не способна осуществить революцию, тем более что у коммунистов не будет для этого удобного повода. А значит, «Рот фронт» как абсолютно бесполезная организация должен был самораспуститься, а его членам необходимо было перейти в лагерь консервативной революции.

4 октября в замке остался небольшой круг людей, которые обсуждали внутренние вопросы. Присутствовавшие на этом закрытом заседании делегаты решили вернуть организации ее старое название. Но это была не просто смена вывески, изменить предполагалось не только строение организации, но и ее символику. Полотнище, как и раньше, оставалось черным, но к молоту и мечу, окрашенным в красный цвет, добавлялась свастика.

В остальном обсуждение касалось уставных норм. В «Боевое содружество», как и раньше, был закрыт путь членам международных организаций. Вступить в «Боевое содружество» можно было лишь пройдя испытательный срок. Основной единицей организации было решено оставить «боевую группу», руководителя которой выбирали ее члены. Группы объединялись по географическому принципу в округа. Высшее руководство находилось в руках исполнительного комитета. Председатель исполкома одновременно являлся шефом службы безопасности. Каждому руководителю низшего и среднего звена предписывалось пройти психологическую проверку, которая должна была определить: способен ли тот или иной человек выполнять ответственные функции.

Получив достаточное финансирование от Эрхардта, Штрассер решил, что ответственные должности (политический лидер, начальник службы безопасности) в боевых округах должны быть оплачиваемыми. Но неимоверно раздутый бюрократический аппарат «Боевого содружества» только мешал политической деятельности боевых групп. Тем более что после многочисленных расколов они нуждались не в руководителях, а в новых рядовых членах. Но, по мнению руководителей, эта прослойка должна была стать авангардом народной революции, так сказать, профессиональными революционерами, которые бы повели за собой оппозиционные группировки.

В принципе сам имперский конгресс был проведен ради оглашения двух директив, подготовленных Штрассером. Первая касалась внутренней консолидации. Несмотря на псевдодемократические выборы, «Боевое содружество» теперь базировалось на фюрер-принципе. Все важные решения принимал только Штрассер. Вторая устанавливала политический курс «Черного фронта», который со временем должен был превратиться в массовую военизированную организацию.

Но самое удивительное в этом конгрессе заключалось в том, что на всех пленарных и закрытых заседаниях присутствовал человек, которого ну никак нельзя было назвать революционером. Речь идет о д-ре Абегге, статс-секретаре прусского Министерства внутренних дел. Это был не просто чиновник. Это был служащий, который возглавлял бюро, ответственное за борьбу с правым экстремизмом. Не менее удивительно и то, что никто из «революционеров» не возражал и не возмущался фактом присутствия «слу-

жителя системы». Как тут не вспомнить обвинения, выдвинутые Хаймзотом. А может быть, действительно движение было не чем иным, как порождением христианско-капиталистического «Белого Интернационала»? Может быть, упреки Хаймзота вовсе не были порождением его бурной фантазии? Сопоставив имеющиеся факты, сам собой напрашивается вопрос: а не могли ли партии центра и Брюнинг, увидев смертельную угрозу, исходившую от НСДАП и КПГ, поспособствовать возникновению организаций, которые должны были уменьшить влияние нацистов и коммунистов на массы? Если дело обстояло именно так, то целью Штрассера была вовсе не народная революция, а настойчивое желание перетянуть к себе правое парамилитаристское крыло националистических организаций.

Когда стали перечисляться группы, которые должны были войти в «Черный фронт», то Второй имперский конгресс продолжил традицию Первого. Среди них числились «Боевое содружество революционных национал-социалистов», новая организация Вальтера Штеннеса, «Вервольф», «Оберланд», молодежные «бюндише»-группировки, крестьянское движение «Ландфольк», группа «Действие» и «Сопротивление» Эрнста Никиша. В своей характерной мечтательной манере Штрассер добавлял: *«Черный фронт» привлечет часть гитлеровской партии, недовольную либеральным руководством. Ту часть, которая сплотилась вокруг Грегора Штрассера и Графа Ревентлова. Мы привлечем к себе большую часть рабочих, прежде всего рабочую молодежь».* Штрассер также намекал на связь с людьми из «Стального шлема», Младогерманского ордена и даже Коммунистического боевого союза красных фронтовиков.

Но Хаймзот в своей статье, опубликованной в «Поборнике», перечислял куда меньшее количество объединений, готовых поддержать Отто Штрассера. *«Штрассер облюбовал для «Черного фронта» революционных национал-социалистов, революционный «Ландфольк», революционные вооруженные группы, революционных экономистов из «Действия», революционные молодежные группы. Но на что он мог рассчитывать на самом деле? На останки «Боевого содружества». Но не на оппозиционные группы внутри штрассеровского движения, которым до сих пор не открылись глаза на истинную суть Эрхардта. Не на группу Штеннеса, которая отказалась от объединения. Не на покрывшие весь запад Германии и Баварию группы «Сопротивления» Эрнста Никиша. Не на «молодых борцов». На конгрессе к нему присоединились группы, называющие себя «революционным» «Ландфольком». Но они не признаются истинными крестьянскими революционерами, ведущими в Силезии ожесточенную борьбу против системы. Эти группы даже правительственные газеты признают безобидными. Действительно, примкнули так называемые «революционные вооруженные группы», например «Вервольф». «Революционные» экономисты из «Действия» всего лишь осенняя затея Штрассера. Но ни Вернер Кайтц, ни Ганс Эбелинг не выступят на его стороне. «Революционные молодежные группы»? Но все революционные младонационалисты выступают за решительную борьбу против предательской позиции «Черного фронта».*

В определенной мере критика Хаймзота была верной. Перечисленные Штрассером группы всего лишь делегировали своих представителей на его конгресс.

Но с другой стороны, их присутствие являлось, как минимум, согласием с рядом идей, высказываемых Штрассером. Историками вообще плохо изучен процесс сотрудничества «Черного фронта» с многочисленными национал-большевистскими, национал-революционными, парамилитаристскими, «фёлькише» организациями. Так кто же являлся политическими союзниками «Черного фронта»?

Глава 2

СОЮЗНИКИ И ПОПУТЧИКИ?

«Вервольф» — союз немецких фронтовиков». «Вервольф» был наиболее близкой к революционным национал-социалистам организацией. Она числилась в составе «Черного фронта» до декабря 1933 года. Понятие «вервольф» означает не оборотень, а «вооруженный волк». Оно было заимствовано из немецкого Средневековья. Первая организация с подобным названием возникла во время Тридцатилетней войны. Так назывались и крестьянские организации, которые давали отпор ландскнехтам. Новый «Вервольф» возник в 1923 году. Его создатели позаимствовали у своих предшественников идеи быстрой помощи гражданскому населению и активного национального сопротивления оккупантам.

«Вервольф» был учрежден в 1923 году председателем «Стального шлема» Теодором Достенбергом. Тогда это был молодежный союз, который вел военное обучение и политическое воспитание будущих членов «Стального шлема». В феврале того же года органи-

зация имела в своем распоряжении 400 групп, делившихся на 26 гау. В основном они располагались в центральной и западной Германии. Уже в 1924 году «вервольфы» проявили свой боевой характер. Почти сразу же «Вервольф» стал очень активной организацией. Руководители «Вервольфа» не могли похвастаться знатным происхождением. Это были бывшие фрайкоровцы, унтер-офицеры и резервисты. Именно это стало причиной разрыва отношений со «Стальным шлемом». Выходцев из низших слоев не устраивало, что «Стальной шлем» отстаивает интересы крупной буржуазии и юнкеров.

12 мая 1924 года «вервольфы» определили свои цели следующим образом: *«Вервольф» рожден после осознания, что вся болтовня о смирении народа подрывает сопротивление, оказываемое французам. Мы больше чем жесткая надпартийная организация, деятельность которой направлена на борьбу с внешним врагом. Мы союз, который, если понадобится, пошлет своих членов на смерть во имя возлюбленного Отечества».*

Как уже говорилось, руководство «Вервольфа» состояло из бывших бойцов добровольческих корпусов. Общепризнанным лидером организации был Фриц Клоппе, бывший фрайкоровец, член запрещенного Веймарским правительством «Национального объединения немецких офицеров». Он родился 11 февраля 1891 года. Обучался в Лейпциге и Галле экономике, философии, германистике. С 1922 по 1933 год был бессменным редактором газеты «Вервольф». После прихода к власти Гитлера стал свободным журналистом. Впоследствии арестован. Следы его теряются в одном из концентрационных лагерей.

В 1924—1929 годах в «Вервольфе» числилось 30—40 тысяч человек. Накануне прихода Гитлера к власти численность «вервольфов» сократилась до 10 тысяч. Организация делилась на три группы. Молодежь 14—17 лет называлась «молодыми волками». Юноши 17—24 лет — «вервольфами». Старшие члены организации объединялись в так называемую «преданную группу». Символом организации было черное полотнище, на котором вышит серебряный череп. Сами «вервольфы» носили серую армейскую униформу и черно-бело-красные повязки. В начале 1923 года «Вервольф» с негласного одобрения рейхсвера начал военное обучение молодежи. Именно военнослужащие помогли этой организации издать «Военную книгу немецкой молодежи», которая стала незаменимым пособием для военной подготовки. «Военная книга» содержала описание легких видов вооружения: винтовок, пистолетов, легких ручных пулеметов, ручных гранат— то есть того арсенала, который можно было применять во время путчей и восстаний.

В 1927 году руководство «Вервольфа» решило сделать эту сферу деятельности основной задачей организации. Теперь молодежь занималась исключительно военно-спортивными занятиями. В 1928 году разгорелся скандал. Полиция изъяла у «вервольфов» четыре пулемета, около сотни винтовок, десять тысяч патронов, бесчисленное количество револьверов, гранат, бомб, штыков и другой военной амуниции. Теперь пришлось делать упор на идеологическое воспитание, которое стало необходимым дополнением к спортивным занятиям. Обучение вылилось в политическую мобилизацию молодежи, которая должна бы-

ла присоединиться к национально-освободительной борьбе во имя создания великогерманского народного государства. Последнее носило национальный и социальный характер, что позволило бы ликвидировать классовые противоречия

Казалось, что «вервольфы» того гляди готовы были начать вооруженное восстание против Веймарской республики. Но когда весь их арсенал был конфискован, стало очевидно, что надо устанавливать контакты с другими революционными группами. Они пытались наладить отношения с левым крылом НСДАП. Именно оттуда «вервольфы» позаимствовали лозунг о неизбежности Третьего рейха. В этой организации одновременно развивалась «мистика труда», направленная против вождей «Стального шлема», генералов, юнкеров и знати рухнувшей кайзеровской Германии.

Чтобы расширить влияние своей организаций, Фриц Клоппе решил создать в рабочих районах так называемую «Вервольф-помощь», члены которой должны были помогать немецким безработным, бастующим рабочим, больным и пострадавшим от аварий. Их деятельность оказалась настолько успешной, что в какой-то момент «вервольфы» даже стали выдавать ссуды на свадьбы и похороны. Клоппе называл это «практическим социализмом».

Как уже говорилось, в 1927 году «Вервольф» стал систематически пропагандировать национал-социалистический Третий рейх и внедрять в массы мысль о создании народного сообщества. Агитки «вервольфов» призывали к борьбе с капитализмом, плутократией и реакцией. В 1928 году лейтмотивом этой группы стал радикальный антикапитализм, помноженный на антисемитизм. Когда грянул мировой

экономический кризис, социалистическая и антикапиталистическая составляющая их идеологии значительно усилилась. Но в 1930—1933 годах множество «вервольфов», впечатленных политическими успехами Гитлера, покинули организацию и вступили в НСДАП. В это время руководство «Вервольфа», все еще мечтавшее о вооруженной революции, вновь осознало необходимость поиска революционных союзников.

Сначала Клоппе обратил внимание на левое крыло НСДАП, но затем сблизился с «Боевым содружеством революционных национал-социалистов». С июля 1930 года «вервольфы» посещают все мероприятия штрассерианцев. Одновременно с этим они пытаются сотрудничать с союзом «Оберланд» и другими антикапиталистическими национально-ориентированными организациями. Признавая «14 тезисов Немецкой революции», «вервольфы» издавали свой собственный манифест, близкий по духу идеологическим построениям революционных национал-социалистов. Сама организация «вервольфов» описывалась как «боевое движение, созданное фронтовиками», которое отличают четыре достоинства: неустрашимость, товарищество, самообладание и жертвенность. Основанный на этих «добродетелях» дух боеготовности должен был вылиться в войну, которая бы явилась последней возможностью справедливого решения немецкого вопроса. Как и многие антикапиталистические и антипарламентские группы, «Вервольф» был союзом, ориентированным на аристократическое государство, где новой элитой, аристократией должны были стать социальные революционеры. Немецкая свобода могла быть достигнута только после победы над международной финансовой олигархией,

наднациональным масонством, транснациональными корпорациями. Изживание коммунизма могло произойти лишь при осознании народом своих корней. Идеалы «крови и почвы» были положены в основу жизненной силы народа, некоего расово монолитного сообщества, в котором не было места классовым противоречиям. Программа «вервольфов» предусматривала социализацию банков и поддержку среднего слоя, главными врагами которого являлись марксизм и ростовщический капитализм. Неравенство немцев будет уничтожено, и каждый из них получит свою долю национального богатства. В то же время новое государство будет оберегать национальную солидарность. Социальную революцию предполагалось осуществить при активной поддержке профсоюзов. Именно эта политическая установка объясняет, почему «вервольфы» стали проникать во все профсоюзные организации, чтобы стоять во время забастовок и стачек плечом к плечу с рабочими заводов и фабрик. Конечная цель подобной пропагандистской деятельности — вооруженное восстание, в котором должны были принять участие профсоюзы, фрайкоры, молодежные и парамилитаристские организации.

В целом же эта группа характеризовала свои воззрения как национал-революционные. Но справедливости ради скажем: в идеологической сфере «Вервольф» стоял ближе к Штрассеру, нежели к национал-революционерам или гитлеровцам. «Вервольфы», оставшиеся в организации, решительно отрицали легальный путь прихода к власти, предлагаемый Гитлером. В 1930 году отношения Штрассера и Клоппе строились как привилегированные, так сказать, вождя с вождем. Пока «Вервольф» и «Боевое содружест-

во» выступали как равноправные партнеры. «Вервольфы» присутствовали на всех мероприятиях КГРНС, а штрассерианцы посещали все собрания «вервольфов».

В «Вервольфе» с энтузиазмом восприняли известие об объединении группировок Штрассера и Штеннеса. На Втором и Третьем имперских съездах сторонники Клоппе присутствовали уже не как почетные гости, а как составная часть «Черного фронта». О деятельности «вервольфов» в этот период очень мало известно. Установлено, что они вместе со штрассерианцами отражали налеты гитлеровских штурмовиков. В 1932 году они стали инициаторами создания «Черной гвардии», которая в некоторых немецких землях состояла только из «вервольфов».

Разрыв между «Вервольфом» и «Боевым содружеством» произошел 27 ноября 1932 года на собрании в Айслебене. На этом мероприятии Фриц Клоппе, поняв, что его организация значительно ослабела, а подопечные уходят сотнями в СА и НСДАП, принял решение преобразовать «Вервольф» в новую революционную партию. Она должна была принять участие в выборах и привлечь на свою сторону национально мыслящих немцев. Приход Гитлера к власти застал «вервольфов» врасплох. До марта 1933 года они вели себя крайне осторожно, выжидали. Лишь затем Клоппе решился поддержать новый режим и присягнул на верность Гитлеру. Летом 1933 года «вервольфы» были влиты в состав СА, а «молодые волки» оказались в «Гитлерюгенде». Некоторое время Фриц Клоппе даже был штандартенфюрером СА. Опасаясь за свою жизнь, он и его «вервольфы» оборвали все связи со Штрассером. Но это не спасло руководство организации. Оно было арестовано и сгинуло в концентрационных лагерях.

«Независимое национал-социалистическое боевое объединение Германии». Когда распалось «Национал-социалистическое боевое объединение Германии», пути Штрассера и Штеннеса не разошлись — они продолжали сотрудничать. Штеннес создал из своих сторонников «Независимое национал-социалистическое боевое объединение Германии». Но этим он не смог ликвидировать кризис. Если в мае 1931 года под его началом находилось где-то 8500 штурмовиков, из которых 1500 — в Берлине, 2000 — в Бранденбурге, 3000 — в Силезии, 2000 — в Померании, то на момент создания «Независимого объединения» он мог рассчитывать лишь на 3,5 тысячи человек. В конце 1931 года его организация сократилась фактически вдвое. Поначалу руководство нового объединения состояло из самого Штеннеса и его правой руки Эрнста Ветцеля. Но вскоре Ветцель эмигрировал в Южную Америку. Его бегство вызвало массовый отток видных штурмовиков из «Независимого объединения». Почти все штандартенфюреры СА, вышедшие вместе со Штеннесом из НСДАП, к этому времени вернулись обратно к Гитлеру. Многие штурмовики предпочли присоединиться к другим военизированным группировкам. У Штеннеса стал сказываться недостаток руководящих кадров, да, собственно, и руководить-то было некем. 40 секций организации Штеннеса охватили 1500 человек, из которых вели активную политическую деятельность всего лишь четыреста штурмовиков. Если посмотреть на географию их деятельности, то можно было увидеть, что они находились там, где уже раньше существовали опорные пункты революционных СА: в Силезии, Бранденбурге, Померании.

Ослабление группировки Штеннеса было вызвано тремя факторами. Во-первых, в Берлине штурмовики предпочитали идти за новыми местными политическими авторитетами, чья популярность и известность были предопределены руководимыми ими клубами джиу-джитсу. Во-вторых, часть лидеров из окружения Штеннеса примкнули к Штрассеру, решив вступить в «Черный фронт». В-третьих, самой важной причиной кризиса стал конфликт Штеннеса с Эрхардтом. Принимая во внимание подающий политический вес Штеннеса, капитан решил прекратить оказывать ему финансовую помощь. Но это коснулось только денежного содержания руководства «Независимого объединения». Эрхардт, как и прежде, продолжал содействовать выпуску «Национал-социалистической понедельничной газеты» и даже изыскал возможность платить редакции этого издания. Но со временем Эрхардт призывал редакцию покинуть ряды революционных штурмовиков и переименовать газету. Новый вестник, издаваемый Штеннесом, стал называться «Фронт рабочих, крестьян и солдат». Но этого явно было недостаточно для активной пропагандистской деятельности.

Организация Штеннеса была обречена. Ее члены либо возвращались в НСДАП, либо присоединялись к более сильной группировке Штрассера. В октябре 1931 года Штеннес попытался договориться с Эрнстом Рёмом и Гитлером о собственном возвращении в нацистскую партию. Но в Мюнхене даже не захотели говорить с «полицейским шпионом». В марте 1932 года жалкие остатки некогда сильной группировки Штеннеса продолжили свою деятельность в рамках «комитета Клауса Хайма», что фактически оз-

начало автоматическое членство в «Черном фронте». К этому времени Штеннес представлял интересы двадцати человек, на которых гитлеровские СА развернули форменную охоту. Опасаясь за свою жизнь, 16 сентябре 1932 года Штеннес написал рейхсканцлеру Папену[1] письмо с просьбой предоставить ему государственную защиту. Но несколько месяцев спустя к власти пришел Гитлер.

В феврале 1933 года Штеннес был схвачен и помещен в «особую тюрьму». От неминуемой смерти его спасла старая дружба с Германом Герингом, который решил спасти своего старого товарища. Оказавшись на свободе, Штеннес решил не искушать судьбу и тут же эмигрировал в Китай. Там ему повезло гораздо больше, чем в Германии. В Китае он возглавил лейб-гвардию Чан Кайши. На этом в биографии Вальтера Штеннеса можно было поставить

---

[1] *Папен Франц фон* (1879—1969), политический деятель Германии, дипломат, родился 29 декабря 1879 в Верле (Вестфалия) в семье крупного землевладельца. До 1-й мировой войны был офицером Генштаба. В 1913 — 1915 гг. — военный атташе в США, откуда был выслан за шпионаж и подрывную деятельность. В 1921 — 1932 гг. — депутат прусского ландтага от католической партии «Центра», примыкал к ее крайне правому крылу. В июле—ноябре 1932 г. возглавлял правительство, способствовавшее усилению позиций нацистов в Германии. Принимал активное участие в установлении в январе 1933 г. нацистской диктатуры и вошел в первый кабинет Гитлера в качестве вице-канцлера. В июле 1934—марте 1938 гг. — посол в Австрии; содействовал осуществлению аншлюса. Будучи в 1939 — 1944 послом в Турции, фон Папен стремился вовлечь ее в число союзников Германии. В апреле 1945 г. был арестован в Руре военной администрацией 9-й армии США. В 1946 г. предстал перед судом Международного военного трибунала в Нюрнберге, но был оправдан. Однако в феврале 1947 вновь предстал перед комиссией по денацификации и приговорен к 8 месяцам тюрьмы как военный преступник. Умер 2 мая 1969 года в Оберзасбахе, Баден.

точку, если бы не сведения, которые всплыли в последнее время. Оказывается, лидер мятежных штурмовиков с начала 30-х годов сотрудничал с советской разведкой.

Вот интригующее свидетельство легендарного разведчика Павла Судоплатова: «Была восстановлена связь с ценным агентом под псевдонимом Друг (незадолго до фашистского нападения на СССР), который был привлечен к сотрудничеству еще десять лет назад, являясь заместителем шефа штурмовиков Рёма. Он считался влиятельным лицом в окружении Гитлера. А затем получил назначение политическим советником к главному военному советнику фашистской Германии при штабе Чан Кайши. Там он регулярно встречался с Зорге...» Так вот вскрылась новая сущность Вальтера Штеннеса.

Всю войну Штеннес снабжал советскую разведку важной оперативной информацией, умело противодействовал попыткам немецких дипломатов и разведчиков подтолкнуть Чан Кайши к капитулянтскому миру с Японией. Сотрудничество с «Другом» не ограничивалось получением ценной информации (которую, кстати, Штеннес предоставлял совершенно безвозмездно). Когда летом 1940 г. японцы распространили провокационные слухи о широком вмешательстве СССР в дела Китая на стороне Чан Кайши, в частности прибытии в китайские ВВС 1000 советских пилотов, корейцев по национальности, «Друг» в качестве официального представителя генералиссимуса встречался с аккредитованными при центральном китайском правительстве журналистами многих стран. Отчет о его пресс-конференции, переданный корреспондентом ТАСС в Шанхае, был опубликован в

«Правде» 3 июня 1940 г. Опровергнув сообщения о «большом количестве советских командиров и политруков» в армии Китая, Штеннес подчеркнул, что в рядах сражающихся с японцами войск «сейчас нет иностранцев», к тому же китайцы в них не нуждаются. В начале 1950-х годов Штеннес приехал в Германию и поселился у сестры в английской зоне оккупации. Жена получила крупное наследство, и Штеннес снова с головой ушел в политику. С конца 1951 г. он стал издавать на свои средства информационный политический еженедельник, рассчитанный на крупных промышленников и банкиров. Собственные политические цели этот издатель обозначил как борьбу за экономическое возрождение Германии при полном отказе от ее милитаризации.

Так или иначе, но вступление Штеннеса в «Черный фронт» было неизбежным. Впрочем, для Штрассера это уже не имело никакого значения.

«Сопротивление» Э. Никиша и союз «Оберланд». Особые отношения у Штрассера сложились с союзом «Оберланд» и его идеологом Эрнстом Никишем, который вначале придерживался национал-революционных, а затем национал-большевистских взглядов.

В свое время добровольческий корпус «Оберланд» был создан для борьбы против Баварской Советской республики. Затем использовался для подавления рабочего восстания в Руре и охраны польско-германской границы. Позднее члены «Оберланда» принимали активное участие в «пивном путче» 1923 года. Этот факт и постоянные вооруженные конфликты с поляками привели к тому, что страны-победительницы в ультимативной форме потребовали расформировать этот добровольческий корпус. Но бывшие фрай-

коровцы не хотели уходить из политики. Почти сразу же после запрета этого корпуса они воссоединились в союзе с тем же названием. Но продолжать деятельность им пришлось на нелегальном положении — баварское земельное правительство тут же запретило эту организацию.

«Оберланд» был очень пестрой и разнородной организацией. Именно это стало причиной многочисленных расколов, которые постоянно потрясали союз. В 1925 году часть его членов ушла в «Стальной шлем». В 1929 году многие активисты предпочли присоединиться к НСДАП. Окончательно «Оберланд» развалился, когда в декабре 1930 года его председателем был избран принц Эрнст Рюдигер фон Штаремберг. Несогласные с этим сторонники революционной линии ушли к Гитлеру. Другие, более радикальные элементы, создали «Активное товарищество».

«Товарищество «Оберланд» — кружок «Сопротивление» возглавлялось Зондерманном, Дрекселем и Трёгером. Но в их руках находилось лишь административное управление. Идеологическую сферу полностью контролировал Эрнст Никиш. «Идеологическая мобильность» последнего привела к сближению с Отто Штрассером. Но именно обозначенная мобильность и восприимчивость Никиша к новым идеям стали причинами конфликта с «верховным лидером» «Черного фронта». В 1931 году Рихард Шапке привел в своей книге «Черный фронт» программу, составленную Никишем. Он считал ее образцом для подражания. По его мнению, этот документ почти полностью совпадал с тезисами, выдвинутыми «Черным фронтом».

Согласно взглядам Никиша, его «Сопротивление»

должно было полностью преобразовать политическую жизнь Германии. Он выдвинул следующую максиму— *«обращение взгляда на Восток и его незамысловатые ценности; решительный отказ от удовольствий, превозносимых Европой»*. Новая Германия должна была самоизолироваться от мировой экономики и создавать собственную производственную систему, предопределенную внутренним спросом, а также потребностью соседних, европейских, но еще больше дальних, азиатских, государств. Весь импорт из Версальских стран-победительниц должен быть прекращен. Новая экономическая и социальная политика должна вернуть городское население к сельской жизни. Это положило бы начало «внутренней колонизации». Одной из главных политических задач становилось «коллективное признание сельского образа жизни». От молодежи Никиш требовал строгого послушания, подчинения, спартанской жизни и всех типов «мужской добродетели». Новую национальную гордость должен был характеризовать «простой жизненный стиль», противопоставленный утонченной жизни западных держав. Для подготовки этого титанического духовного переворота требовались отказ от идей гуманизма и признание варварства. Авторитарное, архидисциплинированное существование человека должно было создать стеснительные условия, которые подчинили бы индивидуальную волю новому социальному порядку и его ценностям.

Частная собственность в духе римского права должна быть отменена. *«Собственником можно являться настолько, насколько собственность является средством и инструментом достижения свободы, самоутверждения и величия своего народа»*. Эконо-

мические и общественные формы, которые с 1918 года пользовались поддержкой Версальского порядка, должны быть также отменены. Верховной собственностью на всю землю, все природные богатства, на все предприятия должно обладать только государство. Никиш гораздо радикальнее Штрассера формулировал требования о национализации банков и введении монополии в сфере внешней торговли. Но в целом программы были схожи. Именно это обстоятельство и позволило считать «Товарищество «Оберланд» — кружок «Сопротивление» потенциальными союзниками «Черного фронта».

Нет никаких сомнений в том, что члены «Оберланда» были полностью независимы от «Боевого содружества». Равно как бесспорно и то, что, несмотря на размолвку между Штрассером и Никишем, они позитивно оценивали возможность создания национал-революционного антигитлеровского фронта, который мог сотрудничать с коммунистами. Зондерманн и Дрексель, которые последовательно отстаивали позиции Артура Мёллера ван ден Брука, его идеи о создании «Третьего рейха», с нескрываемой симпатией наблюдали за действиями штрассеровской организации. *«Оберланд» стоит под черным знаменем— символом ожесточенного и решительного сопротивления, символом воли к свободе. «Оберланд» ведет борьбу против лицемерных идей гуманизма и цивилизации, против либерализма, парламентаризма, буржуазного фашизма. «Оберланд» будет сражаться со всеми защитниками Версальского порядка. «Оберланд» готов объединиться со всеми врагами Версаля, где бы они ни находились».*

Сближение между «Оберландом» и «Боевым со-

дружеством» проходило на фоне признания, что обе группы придерживались схожих идеологических взглядов, выступали против Версальской системы и стремились к революционному социализму. Обе организации чувствовали себя причастными к миру «строителей новой действительности», а потому «Товарищество «Оберланд», не забывая о значительных мировоззренческих различиях, все-таки принимало участие в мероприятиях штрассерианцев. Но после того как закончилась крахом последняя попытка наладить продуктивную совместную деятельность (например, выдвижение единым кандидатом на пост рейхспрезидента Клауса Хайма), дружественные отношения ограничились формальной поддержкой. После 1933 года члены «Оберланда» в отличие от революционных национал-социалистов не подверглись никаким политическим преследованиям. Это можно объяснить только одним фактом — Гитлер никогда не рассматривал «Оберланд» как часть «Черного фронта».

Глава 3

«ЛАНДСФОЛЬК» — ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА «ЧЕРНОГО ФРОНТА»

При попытке проанализировать социальный состав «Черного фронта», сферу его реального влияния, мы рано или поздно должны были столкнуться с одной проблемой. Какова же все-таки была роль «Черного фронта» в развитии революционного крестьянского движения? Также можно было бы задаться вопросами: имели ли революционные национал-социалисты

отношение к волне сельского терроризма? В какой мере радикальные крестьянские организации сотрудничали с национал-революционерами и левыми национал-социалистами? Была ли специальная аграрная идеология «Черного фронта» тактической уловкой? Но обо всем по порядку.

Уже в 1927 году в Германии появились первые признаки повсеместного кризиса сельского хозяйства, причинами которого были хроническое перепроизводство продукции, падение цен на нее. Сравнительно низкие цены на сельхозпродукцию разоряли крестьянские хозяйства, загоняя их в долговую кабалу. Так, например, задолженность в Шлезвиг-Гольштейне на 1 января 1928 года для хозяйств менее 100 га составляла 321 миллион марок, а для хозяйств размером 100—200 га — около 300 миллионов марок, для крупных хозяйств — 54 миллиона. Шлезвиг-Гольштейн принадлежал к числу тех земель, которые наиболее пострадали от сельскохозяйственного кризиса. Падение цен на животные продукты (молоко, мясо) уже в конце 1926 года привело к конфискации и продаже с аукциона некоторых крестьянских хозяйств. Это происходило потому, что местные банки во что бы то ни стало хотели вернуть свои кредиты. Экономический кризис 1929 года привел к банковскому краху. Теперь над крестьянством нависла угроза полного разорения. В период 1926—1932 годов только в этой земле банками было реквизировано 683 участка общей площадью 14 тысяч гектаров. Волей-неволей сельское население приходило к мысли, что необходимо бороться за свое существование. В надежде привлечь внимание правительства к своим проблемам и хоть как-то выбраться из нищеты кре-

стьяне решили прибегнуть к методам политического давления. Но традиционным крестьянским организациям не удалось добиться от земельного правительства Шлезвиг-Гольштейна приостановки конфискации и начисления долгов. Поняв, что, действуя привычными способами, вряд ли удастся решить накопившиеся проблемы, крестьяне вышли на улицы.

Зимой 1928 года крестьянская оппозиция сплотилась вокруг двух людей — Клауса Хайма и Вильгельма Хамкенса. Они призывали организовать референдум. Но от этой затеи быстро пришлось отказаться, и крестьянские вожди провозгласили лозунг «Помоги себе сам». Каково же было удивление политических обозревателей, когда эти два человека 28 января 1929 года вывели на демонстрации протеста 140 тысяч крестьян. Чтобы продолжить давление на правительство, радикальная часть крестьянства объединилась в организацию, получившую название Союз «Ландфольк» («Сельский народ»). Ее возглавили общепризнанные лидеры— Хайм и Хамкенс. Кто же были эти люди?

Клаус Хайм еще в начале 1914 года уехал в США, работал там животноводом в различных южных штатах. В 1920 году в возрасте 32 лет вернулся на родину, где унаследовал хозяйство «Санкт-Анна», принадлежавшее его отцу. Во время пребывания в Америке он узнал о революции и вооруженных боях на юге Германии. Жизнь в Штатах сделало Хайма ярым националистом. Сразу же после возвращения в Германию он вступил в «Пангерманский союз».

Вильгельм Хамкенс родился в 1896 году. В 1914 году ушел добровольцем на фронт. Во время мировой войны дослужился до офицерского чина. После вой-

ны вступил в «Стальной шлем». Позже сблизился с «вервольфами» и членами союза «Танненберг».

В 1928 году деятельность союза «Ландфольк» носила скорее корпоративный, нежели политический характер. Речь шла прежде всего о создании «Помощи нуждающимся», которая должна была препятствовать проведению аукционов и мешать работе судебных исполнителей. Клаус Хайм призывал правительство ограничить импорт сельскохозяйственных товаров и отдать предпочтение местным продуктам, продаваемым на местных рынках. Приравнивая задолженность крестьян к германским репарациям, выплачиваемым союзникам, он настаивал на совместном контроле государства и крестьян за деятельностью банков.

В начале 1928 года цены на картофель, свинину и молоко упали еще раз. Положение на селе стало просто невыносимым. Но тогда крестьяне надеялись, что ситуацию можно будет исправить после выборов в рейхстаг. Однако «Ландфольк» получил всего лишь 0,3% голосов и, естественно, не попал в парламент. Недовольство вылилось в массовые демонстрации, организаторами которых поначалу являлись лидеры старых крестьянских организаций. Но предпочтения селян быстро поменялись. Их воодушевляли идеи Хамкенса и Хайма, которые не возлагали никаких надежд на коалиционное правительство Мюллера, сформированное 28 июля 1928 года. В то время социал-демократам и центристам не было дела до разоряющегося крестьянства. При поддержке левого крыла Немецкой народно-национальной партии крестьяне начали атаку на правительство, которое, раздираемое противоречиями, не могло приступить к нормальной работе.

За полгода, с января по июль 1928 года, Хайм и Хамкенс встречались с людьми и вырабатывали единую политическую линию и тактику борьбы против правительства. Хамкенс настаивал на объединении существовавших крестьянских групп на основе «фёлькише»-идеологии, которая, отрицая парламентаризм, предполагала создание авторитарного государства. Именно новое государство должно было позаботиться о создании нового сельского хозяйства. Но по большому счету такие идеологические установки не предусматривали кардинального изменения самого государственного механизма. Это был синтез наиболее ярких антидемократических, националистических и антисемитских тем, которые постоянно высказывались членами «Стального шлема», «вервольфами», членами «Танненберга».

Чтобы продемонстрировать символическую волю к единству, осенью 1928 года все крестьянское движение в Шлезвиг-Гольштейне получило название «Ландфольк». Поначалу Хамкенс нападал только на органы власти. Его агитация имела отчетливо выраженный расистский оттенок. Это было предопределено тесными связями Хайма с Людендорфом, а Хамкенса с союзом «Танненберг». Члены этого объединения, проживавшие в Шлезвиг-Гольштейне, составили боевой костяк «Ландфолька». Уже в своих первых листовках новое движение подчеркивало необходимость борьбы с еврейско-парламентской системой и коррупцией в органах власти. Члены «Ландфолька» категорически отвергали «братоубийственную классовую борьбу».

Итак, основной целью «Ландфолька» стала борьба против договоров и обязательств, которые уничтожа-

ли крестьянство, передавая его в руки олигархов. «Ландфольк» должен был объединить общество, как это произошло в 1914 году. Но теперь поводом для единства должен был быть отказ от сотрудничества с системой. Согласно взглядам Хайма и Хамкенса, коррумпированность системы была всего лишь отражением еврейского отравляющего духа, который пронизывал газеты, театр, литературу. Для них евреи были главными врагами. Чтобы прекратить их разлагающее действие, всех евреев надлежало изолировать. Делая краеугольным камнем своей идеологии понятие «народность», которая являлась совокупностью кровного и расового родства, немецкой семьи и культуры, «Ландфольк» собирался бороться за свободное немецкое пространство и свободное немецкое достояние. О радикальности этого крестьянского движения говорил хотя бы лозунг, позаимствованный из времен антидатского восстания: «Шлезвиг-Гольштейн будет омываться морем!» Но «Ландфольк» не был организованным движением. У него даже не было ни одного постоянного оратора. Их заменяли «доверенные лица» из числа личных друзей Хамкенса, которые вели осторожную агитацию среди крестьянства. Лишь только в начале 1929 года была выпущена «Газета «Ландфолька», которая стала официальным печатным органом этого движения.

Благодаря спонтанности, идеологической и организационной мобильности «Ландфольк» смог объединить не только местные «фёлькише»-группировки, но и большинство существовавших ранее крестьянских организаций, например очень авторитетный Крестьянский союз. В конце августе 1928 года на востоке страны вновь начались массовые демонстрации. На

этот раз акции были нацелены на организацию «налоговой стачки». Это должна была быть пассивная форма сопротивления, выражавшегося в отказе платить налоги.

Но Клауса Хайма уже не устраивали подобные методы борьбы — он призывал к более решительным действиям. Он считал, что пришло время начать вооруженную борьбу с государством, которое не стеснялось применять силу в отношении крестьян. Хайм начал с того, что собрал вокруг себя наиболее активных и категорически настроенных людей, из которых летом того же года сформировал «Молодежную оборону Северной марки» и «Караульное объединение». Эти группы были построены по военному образцу и состояли сплошь из экстремистских элементов. В большинстве своем это были бывшие члены «Стального шлема» или «Бригады Эрхардта», которым было не впервой держать оружие в руках и давать отпор полиции. Официальная пресса ставила знак равенства между созданием вооруженных групп и пассивным сопротивлением неплательщиков налогов. Для нее все это было опасной подрывной деятельностью. Но сами крестьяне подобной точки зрения, безусловно, не разделяли. Даже достаточно умеренные крестьянские организации надеялись, что радикалам удастся хоть как-то улучшить условия жизни селян.

Со временем движение «Ландфольк» вышло далеко за региональные рамки Шлезвиг-Гольштейна. Свою «политическую школу» оно проходило уже в Силезии, Саксонии и Баварии. Выборы в саксонский ландтаг показали, что требования крестьянских радикалов способны оказывать влияние на всю общена-

циональную политику. Но в марте 1929 года Хамкенс допустил непростительную ошибку. Он призвал членов «Помощи нуждающимся» к открытой борьбе против государства. Более того, высказал идею об отделении от Берлина и формировании своего собственного, крестьянского, правительства.

Это неосторожное высказывание дало правительству повод для ареста лидеров «Помощи нуждающимся». Их обвинили в измене родине. В обмен на освобождение лидеров крестьянского сопротивления правительство потребовало прекратить манифестации. Это была бесспорная победа правительства. В Шлезвиг-Гольштейне оказались запрещенными не только мероприятия «Ландфолька», но и НСДАП и КПГ. Но это была пиррова победа. Подобное «решение» проблемы еще больше усиливало недовольство крестьянских масс. Именно в то время к крестьянскому движению примкнул известный национал-революционер Бруно фон Заломон. Он начал сотрудничать с «Газетой «Ландфолька» еще в марте 1929 года. Его статьи, полные ненависти и негодования, были очень популярны среди крестьян. «Ландфольк» приобрел новых сторонников. Об этом говорил хотя бы тот факт, что «Газета «Ландфолька» буквально по мановению палочки из еженедельника превратилась в ежедневное издание, тираж которого достигал 9 тысяч экземпляров. Не скрываясь, фон Заломон призывал к атаке на государство, которое вело страну к пропасти.

Интеллектуалы, сочувствовавшие крестьянскому движению, надеялись, что, прибегнув к репрессивной политике, государство сформирует у крестьян политическое сознание. В этом они видели залог успеха

«национальной революции». В октябре 1929 года только число подписчиков на «Газету «Ландфолька» достигло 10 тысяч. Какое количество продавали с рук, установить очень сложно. Можно смело сказать, что она стала самым влиятельным средством массовой информации в Шлезвиг-Гольштейне. Многочисленные запреты на продажу «Газеты «Ландфолька», судебное преследование крестьян, отказывавшихся платить налоги, только усиливали желание свергнуть ненавистную республику. Экстремистское крыло «Ландфолька» росло как на дрожжах. Теперь идеология движения начала распространяться среди всего крестьянства. Она была уже не просто набором националистических фраз, а вполне сложившимся зрелым мировоззрением. Конечно, это не произошло бы так быстро, если бы не помощь братьев фон Заломон и многих других оппозиционных интеллектуалов. Они не просто поддерживали связи с крестьянским движением, а становились его функционерами, продолжая систематическую критику власти и государства. Так, например, один адвокат, специализировавшийся на защите правых радикалов, превратил судебный процесс против крестьян в спектакль, в фарс, в народный трибунал против системы. Прозвучавшие на судебном разбирательстве идеи крестьянского движения не только усилили «Ландфольк», но и нанесли ощутимый удар по Веймарской республике. Но суд оказался непреклонным. В марте 1929 года земельный суд во Фленсбурге приговорил Хамкенса к крупному денежному штрафу. Сами того не подозревая, судьи превратили Вильгельма Хамкенса в национального героя, крестьянского мученика, чем еще больше усилили «Ландфольк». Он стал известен по всей стране.

Постепенно на беспорядки в Шлезвиг-Гольштейне обратили внимание все радикальные и экстремистские организации. Они увидели в оппозиционном крестьянском движении прекрасную почву для насаждения своей идеологии. Эти края почти моментально заполонили пропагандисты «Стального шлема», НСДАП, КПГ, «Младогерманского ордена», Немецкой народной партии свободы. Если верить братьям фон Заломон, то сам Эрхардт не раз пытался связаться с крестьянскими лидерами. В 1929 году «Ландфольку» сочувствовали все, начиная от бывшего канцлера Куно до Гитлера, от Гугенберга до вождей «Пангерманского союза», от «вервольфов» до лидеров организации «Консул». Благодаря их поддержке «Ландфольк» приобрел широкую известность, за его акциями следили по всей Германии. Хамкенсу удалось вырваться за пределы своего региона. С его подачи Фридрих Дёпнер создал отделение «Ландфолька» в Восточной Пруссии, а Фридрих Глёкнер — в Силезии. В апреле 1929 года лидеры крестьянского движения взяли на вооружение ультрарасистские идеи писателя Кенстлера. Его журнал «Кровь и почва» пользовался в Тюрингии большой популярностью. Тем временем ненасильственное сопротивление, проповедуемое Хамкенсом, вытеснялось экстремизмом, на который делали ставку Бруно фон Заломон и Клаус Хайм. Фон Заломон был твердо убежден, что массовые демонстрации, проходившие по поводу ареста Хамкенса, могли в один момент вылиться в вооруженное восстание. Ожидания его не подвели. В некоторых местах вооруженные косами и вилами крестьяне совершили нападения на полицейские участки. Чтобы скоординировать свои действия, летом

1929 года Бруно фон Заломон встречался с Эрнстом Юнгером, Эрнстом Никишем, Бодо Узе. Они должны были призвать своих сторонников всячески поддерживать движение Клауса Хайма. Но Хайм и Хамкенс по-разному относились к политическому насилию. Умеренное крыло «Ландфолька» во главе с Хамкенсом после процесса по делу «Помощи нуждающимся» не хотело давать правительству повода для преследования крестьянского движения. Хайм смотрел по-другому на эти вещи. Он полагал, что террор и прямые действия быстрее приведут к крушению системы, нежели бойкоты и отказ платить налоги.

После того как в январе 1929 года полиция изъяла в местечке Мюхльхайм 50 килограммов динамита и 700 детонаторов, Клаус Хайм был вынужден уйти в подполье. Это было не простое совпадение. Экстремисты из «Ландфолька» при поддержке эрхардтовского «Консула» собирались наладить производство бомб. Но меры полиции оказались недостаточными. В апреле 1929 года произошло первое покушение. Неизвестные закидали гранатами противников «Ландфолька». 23 мая взрыв прогремел в земельном бюро местечка Итцехо. 3 июня бомба взорвалась в финансовом управлении г. Ольденбург. 6 сентября взрывы потрясли многие административные здания Шлезвиг-Гольштейна. 9 сентября полиция начала массовые аресты, почти все видные деятели «Ландфолька» оказались под полицейским надзором. Полиции удалось выявить 35 бомбометателей. Среди арестованных оказался и Клаус Хайм. Правительство, не стесняясь в средствах и методах, собиралось положить конец терроризму.

В 1930 году начался процесс по делу крестьянских бомбистов. Он превратил Клауса Хайма в культовую личность. Его почитали не только в национал-революционные кругах, но и у коммунистов, и у нацистов. Но уже в январе 1930 года крестьянство на севере страны утратило прошлое единство. Движение «Ландфольк» оказалось расколотым. На одной чаше весов находились «умеренные» Вильгельма Хамкенса; на другой «неистовые» Клауса Хайма. В среде экстремистов наибольшее распространение получили идеи национал-революционеров и революционных национал-социалистов. Но, лишившись лидера, радикальное крыло очень быстро развалилось. Сторонники Хайма присоединялись к экстремистским партиям, близким им по духу.

Если рассмотреть развитие событий, то нет ничего удивительного в том, что шлезвиг-гольштейнские крестьяне все более охотно отдавали голоса на выборах радикальным организациям, не признававшим Веймарскую республику. Неизменными фаворитами здесь являлись КПГ и НСДАП. Этот двойной политический вызов экстремистских сил, поддержанных простыми крестьянами, фактически привел к исчезновению с политического ландшафта Германии многих умеренных партий. Несомненно, что, находясь в «зоне влияния» коммунистов и нацистов, крестьянское движение со временем перестало проводить собственные акции. Это устраивало КПГ и НСДАП, но отнюдь не национал-революционеров, которые хотели сохранить самобытность «Ландфолька».

Как мы помним, после воссоздания нацистской партии в 1925 году Грегор Штрассер был назначен ответственным за пропаганду на территории Север-

ной Германии. Шлезвиг-гольштейнская организация НСДАП также находилась под его руководством. В то время в этой немецкой земле и слыхом не слыхивали про национал-социалистов. Грегору Штрассеру даже год спустя не удалось добиться здесь какого-нибудь значительного успеха. Партийные группы возникли только в трех городах: Киле, Ноймюнстре и Альтоне. В конце 1926 года эта территория перешла под контроль гауляйтера Генриха Лозе, банковского служащего из Альтоны, в прошлом работавшего пропагандистом в «Немецкой народной партии». Он оказался очень хорошим организатором. Буквально за год ему удалось покрыть весь Шлезвиг-Гольштейн сетью партийных групп и даже сформировать несколько штурмовых отрядов. Падение цен на сельхозпродукцию стало прекрасным поводом, чтобы использовать эту больную тему в партийной пропаганде. В 1927 году нацисты исколесили весь Шлезвиг-Гольштейн, проводя агитационные митинги. Это пропагандистское ралли заканчивалось 10 декабря 1927 года. Завершающим аккордом должно было стать собрание в Гамбурге, на котором предполагалось выступление самого Гитлера.

Крестьянские демонстрации 1928 года окончательно подорвали доверие к традиционным сельским союзам. Они больше не могли повести за собой крестьян. Грегор Штрассер решил использовать это обстоятельство, чтобы привлечь в НСДАП новых членов. Крестьянское движение могло быть использовано не только для критики Веймарской республики, но и для захвата власти. С января по май 1928 года Грегор организовал в Шлезвиг-Гольштейне более 250 встреч, на которых присутствовали такие автори-

тетные национал-социалисты, как Граф Ревентлов, Фрик и, конечно, сам Штрассер. Они принесли определенный результат: число национал-социалистов в этой земле выросло в три раза, достигнув двух тысяч человек. Но выборы в рейхстаг, на которых НСДАП в Шлезвиг-Гольштейне получила всего лишь 4%, показали, что этих мер было недостаточно для политического успеха. Осознав ошибки, Штрассер решил направиться непосредственно в села и деревни. Это было абсолютно правильное решение. Уже на выборах в прусский ландтаг НСДАП получила значительно большее количество голосов. В округе Северный Дитмаршен за нее проголосовало 17,7%, в Южном Дитмаршене — 17,2%, в Штайнбурге — 10,2%. Результаты выборов укрепили намерение Штрассера продолжить пропагандистскую деятельность среди селян, вершиной которой стал митинг в Хайдере, где перед 10 000 крестьян выступил Гитлер.

В ноябре 1928 года «Ландфольк» стал мешать развитию НСДАП в этом регионе. В итоге было принято решение открыто критиковать идеи Хамкенса. 1 января 1929 года вышел первый номер «Шлезвиг-гольштейнской газеты», издаваемой местными нацистами. Это издание должно было составить конкуренцию «Газете «Ландфолька».

7 марта 1929 года в Дитмаршене произошло столкновение нацистской манифестации с местными коммунистами. Между штурмовиками и членами КПГ завязалась драка. В итоге двое штурмовиков были убиты, 30 получили ранения. Похороны должны были превратиться в очередное политическое представление. Для их охраны Гитлер мобилизовал 6 тысяч человек из СА и «Стального шлема». Масса лю-

дей, облаченных в военную форму, и «кровавая ночь» послужили катализатором недовольства крестьянства. Чаша весов общественного мнения качнулась в сторону НСДАП. Только за несколько дней после похорон в НСДАП вступило около 500 человек. К концу апреля 1929 года шлезвиг-гольштейнская партийная организация нацистов насчитывала 8500 человек, причем 2300 из них состояли в штурмовых отрядах. Шлезвиг-гольштейнским гауляйтером было решено оставить Генриха Лозе. Примечательно, что любые назначения он согласовывал не с Грегором Штрассером, а с мюнхенским руководством, не допустив на руководящие посты ни одного левого элемента, ни одного выразителя социалистических идей.

Мировой экономический кризис 1929 года имел для немецкого сельского хозяйства катастрофические последствия. НСДАП решила воспользоваться массовым разорением крестьян и усилила пропаганду в сельских районах. Крестьяне сплошняком потянулись в гитлеровскую партию. В декабре 1929 года НСДАП насчитывала здесь 10 тысяч человек, весной 1930 года — 12 тысяч, в сентябре 1930 года — 14 тысяч. Штрассеровский раскол никак не сказался на позициях нацистов в Шлезвиг-Гольштейне. Местные партийные функционеры были изначально преданы Гитлеру и поддерживали мюнхенское партийное руководство. В ходе подготовки к сентябрьским выборам в рейхстаг они провели более тысячи митингов. Результаты не заставили себя ждать — НСДАП получила здесь 240 288 голосов, то есть 27%. Не удовлетворившись достигнутым, нацисты продолжали наращивать пропагандистскую активность. Именно здесь они получили на выборах абсолютное большин-

ство (506 117 голосов, отданных за НСДАП, из 992 568 избирателей). В небольших селах их ждали еще более впечатляющие результаты — 63,8%. Но по-настоящему триумфальный успех пришел к НСДАП в прибрежных деревеньках — 80% голосов было отдано за нацистов.

Не стоит полагать, что политический прорыв в Шлезвиг-Гольштейне совершила только НСДАП. Успех был и у коммунистов, хотя более скромный. КПГ удалось создать свои базы в некоторых небольших деревеньках. Как и стоило ожидать, их опорой стали и батраки, и бедные крестьяне. В КПГ и Коминтерне всегда обсуждался союз между крестьянами и рабочими как объективная предпосылка для захвата власти и построения социалистического общества. В 1924 году даже предпринималась попытка создания специального Крестьянского интернационала. В феврале 1927 года по инициативе коммунистов был создан Имперский крестьянский союз, главной задачей которого была просоветская агитация и антиимпериалистическая пропаганда. Крестьянские организации коммунистов пользовались определенным признанием даже у правительства. Об этом говорит хотя бы тот факт, что 27 марта их представители были приглашены для участия в работе Европейского крестьянского комитета, заседание которого проходило в Берлине.

Как мы помним, в конце 1927 года в Германии начался сельскохозяйственный кризис, в котором Коминтерн увидел прекрасный повод для начала активной антифашистской борьбы и складывания союза рабочих и крестьян. Но в данном контексте речь шла не о противодействии НСДАП или другим на-

ционалистическим группировкам, а о борьбе с буржуазными партиями, прежде всего с социал-демократами.

В 1931 году ряд известных национал-революционеров вступили в ряды КПГ. Среди них были и Бруно фон Заломон, и Бодо Узе. Поскольку в 1929—1931 годах они постоянно общались с крестьянами, то оказали неоценимую услугу коммунистам, способствовав созданию многочисленных сельских комитетов, которыми руководил Имперский крестьянский союз. 16 мая 1931 года по их же инициативе Э. Тельман огласил «Программу помощи крестьянству». Она содержала ряд социально-экономических требований, направленных на улучшение жизни мелкого и среднего крестьянства: списание долгов, отмену оброка в пользу крупных землевладельцев, государственную поддержку трудящихся крестьян, выдачу пособий больным и пенсионерам, введение попечительской системы над безработными.

Крестьянский комитет одновременно с подготовкой крестьянской программы выступил инициатором акции протеста. Присоединившиеся к ней крестьяне требовали освобождения Клауса Хайма, осужденного за подготовку террористических актов. Коммунисты демонстративно выражали солидарность с Хаймом и «Ландфольком», но только в том, что касалось акций сопротивления конфискации земель и принудительной продажи земельных наделов. Но после того как на выборах рейхспрезидента коммунисты отказались поддерживать кандидатуру Клауса Хайма, этот союз рухнул. Более того, подобное решение вызвало серьезные противоречия внутри национал-революционных и национал-большевистских групп.

Но это не подорвало позиций КПГ в крестьянской среде. На первом конгрессе «Имперского крестьянского союза» присутствовало около 160 делегатов, выдвинутых различными крестьянскими объединениями. В отличие от нацистов, которые привлекали крестьян к себе в партию, коммунисты применяли тактику инфильтрации, проникновения в уже существовавшие объединения и союзы. Но тот факт, что в конгрессе не принимал участия ни один из сторонников Хамкенса и Хайма, говорил лишь об утрате коммунистами своих позиций в Шлезвиг-Гольштейне. Но и сам «Ландфольк» раздирался внутренними противоречиями. Его члены уходили в КПГ и НСДАП. Сильные позиции этих партий фактически не позволяли ни национал-революционерам, ни штрассерианцам проводить собственную независимую политику в отношении крестьянства. Но как бы то ни было, революционным национал-социалистам удалось найти взаимопонимание с «Ландфольком» по отдельным вопросам. По крайней мере до февраля 1933 года они провели несколько совместных акций.

Поражение крестьянского мятежа 1928 года оказалось полной неожиданностью как для мюнхенских, так и для берлинских национал-социалистов. В это время между Мюнхеном и левым крылом НСДАП шли жаркие дискуссии о роли крестьянства в грядущем Третьем рейхе, о частной собственности на землю. Но у них не было сил и поддержки, чтобы развернуть активную пропаганду на местах. Осенние демонстрации 1928 года начались как раз в тот момент, когда Веймарская республика, казалось бы, стабилизировалась и вышла из кризиса. В НСДАП это восприняли как признак предстоящего крушения

системы: ведь еще недавно крестьяне были совершенно чужды революционной пропаганде. В январе 1929 года левое крыло НСДАП находилось в более выигрышном положении. Преданный Гитлеру гауляйтер Лозе не мог помешать левым национал-социалистам озвучивать свои идеи через «Шлезвиг-гольштейнскую газету», которая издавалась Бодо Узе.

Бодо Узе в отличие от многих экстремистов не был фронтовиком. Он родился в 1904 году, и когда рухнула Германская империя, ему было всего лишь 14 лет. Но его с детства привлекали национализм и революционные идеи — именно этим можно объяснить, что он, еще будучи подростком, вступил в «Оберланд». К национал-социалистам присоединился в 1928 году. Уже тогда он высказывал мысли, схожие с идеями братьев Штрассер. Узе прикладывал все усилия, чтобы создать политический альянс, в который бы вошли революционные национал-социалисты, активисты «Ландфолька», представители радикальных организаций и «фёлькише»-группировок. Эта широкая коалиция должна была вызвать крушение буржуазного порядка. В то время как гауляйтер Лозе, выполняя приказ из Мюнхена, стал бороться с «Ландфольком», Узе, напротив, поддерживал тесные связи с Бруно фон Заломоном, издателем журнала «Кровь и почва» Кенстлером, Эрнстом Юнгером и Эрнстом Никишем.

В июне 1929 года Бодо Узе и Отто Штрассер встретились с Бруно фон Заломоном и другими крестьянскими лидерами, дабы обсудить перспективы возможного сотрудничества. В частности, речь шла о взаимодействии их газет, что позволило бы ликвидировать не только не нужную никому конкуренцию,

но и излишние финансовые затраты. Но Лозе приложил все усилия, чтобы мюнхенское руководство помешало складыванию этого пакта. Однако левому крылу, несмотря на происки гитлеровцев, удалось сохранить дружеские отношения с Хаймом и Хамкенсом.

Первый открытый конфликт с Лозе произошел осенью 1929 года, когда близкий друг Отто Штрассера ветеринар Грантц поссорился с гауляйтером Шлезвиг-Гольштейна по вопросу участия национал-социалистов в акциях «Ландфолька». В ходе этой дискуссии Штрассер, Узе, фон Заломон, Грантц и их друзья выработали основные принципы революционной крестьянской программы. Окончательно доработана она была в декабре 1929 года, а месяц спустя уже распространена среди местных групп НСДАП. Эта программа была некой компиляцией «14 тезисов Немецкой революции» и требований, выдвигаемых «Ландфольком». Это было еще одним доказательством того, что к 1930 году левое крыло НСДАП на идеологическом уровне окончательно отошло от мюнхенского руководства. Во введении к крестьянской программе НСДАП, в которой пока еще числился Отто Штрассер, характеризовалась как националистическая организация, целью которой являлась свободная немецкая нация. Более того, НСДАП являлась социалистической партией, выступавшей за освобождение трудящихся масс Германии от всех форм угнетения и эксплуатации. И совсем уж недопустимая «вольность»: НСДАП называлась рабочей партией, которая признавала классовую борьбу (!!!) трудящихся против паразитизма всех наций и конфессий.

Сама же программа предполагала объединение всех немцев на основе самоопределения народа в Великогерманском рейхе и равноправия немецкого народа с другими нациями. После прихода к власти НСДАП должна была аннулировать все договоры, обязательства, долги, подписанные Веймарским правительством с капиталистическими странами.

«Народными товарищами» в новом обществе могли быть только обладатели немецкой крови. В подобном праве отказывалось евреям, славянам и любым иностранцам. Общее руководство государством должно было быть немецким, равно как и немцами должны были быть все ведущие представители различных сфер общественной жизни. «Коррумпированный парламентаризм» необходимо было уничтожить. После уничтожения аппарата всех партий самоуправление трудящихся должно было строиться на основе предприятий. Новая организационная форма — «народно-советское государство» — должна была базироваться на иерархической системе непрямых выборов. Задачи государства состояли в том, чтобы охранять жизненные потребности и труд своих граждан, а с случае необходимости выдворять иностранцев из страны. Вообще-то каждый ненемец, поселившийся в Германии после 1 августа 1914 года, должен был быть депортирован из «социалистического рейха».

Программа наделяла всех граждан Германии равными правами и обязанностями, дабы те работали на общее благо. Достижение экономического освобождения было возможно лишь при устранении доходов, достающихся без труда, уничтожении долговой кабалы и передаче нации всех хозяйственных средств страны. Решение аграрного вопроса виделось в на-

ционализации всех крупных и средних(!) сельских хозяйств, колонизации малонаселенных земель на востоке и защите мелких крестьянских хозяйств, которые должны были являться основой имперского землевладения. Общенациональные интересы охранялись наиболее рьяно. Их нарушение каралось смертной казнью, которая автоматически должна была применяться ко всем ростовщикам и спекулянтам вне зависимости от их национальности и вероисповедания. Сами судебные процессы должны были проходить в условиях применения «немецкого права», которое заменило бы римское, фактически предопределившее создание капиталистического миропорядка. Народное образование предполагало бесплатную учебу во всех типах школ. Также планировалось бесплатное медицинское обслуживание. Чтобы бесповоротно сделать Германию социалистическим государством, место профессиональной должна была занять народная армия. В новом государстве признавалась даже свобода вероисповедания, но при условии, если она не угрожала «Народной советской республике» и не оскорбляла традиции и чувства «северной расы». Главной же целью морального выздоровления народа должно было стать возвращение старогерманского права, отдавшего предпочтение общественной пользе, а не личным благам.

Эти «Предложения по пересмотру программы Национал-социалистической рабочей партии Германии» заканчивались двойным призывом: против капитала, «Лиги наций» и Америки, с одной стороны, а с другой — призывом к поддержке революционного движения в других странах. Внешняя политика «новой освобожденной Германии» должна была опи-

раться на военно-политический союз с Советской Россией, ориентированный против западных империалистических держав. Казалось, эта программа сильно влияла на политический климат в Шлезвиг-Гольштейне. Именно она сблизила в 1929—1930 годах революционных национал-социалистов и национал-революционеров. Но, по-видимому, Отто Штрассер не имел ни малейшего отношения к этому тексту. Подтверждение тому — совершенно другой запас слов, нештрассеровские аргументы и нештрассеровская лексика. Скорее всего, этот текст принадлежал перу Бодо Узе. Что подтверждает весьма характерное для него смешение радикальных социалистических воззрений, расовой нетерпимости и склонности к терроризму.

Бодо Узе и Бруно фон Заломон, которые в то время были неразлучными друзьями, являлись приверженцами самых крайних мер в сфере экономики, по сути, представляя основные идеи левых национал-социалистов. Наряду с характерными для левых национал-социалистов заявлениями о союзе с СССР и о необходимости освободительной борьбы их тексты отличало исключительно расистское содержание. Но и сам Отто Штрассер не был чужд антисемитизма и расизма. В этом вопросе их пропаганда была всего лишь разновидностью гитлеровской агитации, отличаясь от оной только взглядом на внешнюю политику и методами осуществления социальных мероприятий. «Фёлькише»-компонент был важной составляющей частью программы левых национал-социалистов. Штрассер и его сторонники должны были адаптировать свою агитацию к сельскому менталитету. Только в таком случае они могли оказывать ка-

кое-то влияние на крестьянское движение. Именно по этой причине тезисы революционного национал-социализма оказались связанными с расистскими идеями, которых придерживались не только многочисленные члены «Ландфолька», но даже умеренные сторонники Хамкенса. Не стоит забывать, что «Ландфольк» поддерживали такие группы, как «Танненберг» и «Вервольф», для коих антисемитизм был само собой разумеющимся явлением. Расистские идеи «Ландфолька» были развиты Кенстлером в собственном журнале «Кровь и почва». Так что антисемитские заявления левых национал-социалистов диктовались необходимостью подстроиться под образ мышления крестьянских радикалов. В надежде перетянуть на свою сторону Августа Георга Кенстлера Штрассер в период с марта по июль 1930 года опубликовал в «Национал-социалистических письмах» три статьи, которые не имели ничего общего с радикальными социалистическими воззрениями членов его группы.

Штрассер заявлял, что этими публикациями он хотел «навести мосты между крестьянами и рабочими». Кенстлер, по его словам, был истинным представителем «Ландфолька», а потому его работы могли поспособствовать взаимопониманию между этими двумя социальными группами, чей союз должен был стать залогом успеха Национальной революции.

В мае 1930 года Бодо Узе одновременно вел переговоры с Графом Ревентловом, Карлом Петелем, Эрнстом Никишем, Эрнстом Юнгером и обоими братьями Штрассер. В ходе этих бесед была подготовлена новая крестьянская программа. Было решено также создать Революционный фронт, к которому бы примкнули национал-революционеры, левые нацио-

нал-социалисты и крестьянские группы. 3 июня 1930 года НСДАП вместе со своими сторонниками покинул д-р Грантц. Он и еще несколько десятков людей создают в Альберсдорфе «Рабочее сообщество», цель которого — исправление национал-социалистического движения. Призыв Грантца положил конец надеждам Узе создать широкий революционный фронт. Но этот шаг позволил Штрассеру закрепиться в Шлезвиг-Гольштейне, со временем к его организации здесь примкнули около 800 человек, в основном сторонники Грантца. Когда грянул раскол НСДАП, вызванный Отто Штрассером, руководство гитлеровской партии сразу же поняло, какую опасность представляют подрывающие единство оппозиционные элементы. 11 июля, после проведения в Шлезвиг-Гольштейне штрассеровской крестьянской демонстрации, в Бухрукера и Грантца неизвестные кинули бомбу. От взрыва пострадало несколько человек.

В июле 1930 года в Шлезвиг-Гольштейне нацисты сорвали все мероприятия Штрассера, ориентированные на крестьянство. Дело дошло до того, что во время визита в Альберсдорф 13 сентября 1930 года Штрассер вынужден был взять многочисленную охрану. Но и в этот раз мероприятие оказалось сорванным, запуганные местные жители просто побоялись приходить на него. На митинге выступающих оказалось куда больше, чем слушателей.

16 июля 1930 года из НСДАП был исключен Бодо Узе. Местная национал-социалистическая пресса вновь оказалась под контролем мюнхенского руководства. В ней тут же началась клеветническая кампания против «большевиков из «Ландфолька». Тогда же

Хамкенс предпочел дистанцироваться от группы Штрассера, впрочем, это не помешало ему направить в октябре того же года своих представителей на расширенное заседание правления «Боевого содружества революционных национал-социалистов». Летом 1930 года штрассерианцам удалось создать свои группы только в крупных шлезвиг-гольштейнских городах: Любеке, Киле, Гамбурге. К ним примыкало несколько крестьянских групп, руководимых Грантцом. Несмотря на определенный успех, который ожидал Штрассера в начале раскола, 1930 год заканчивался для него в Шлезвиг-Гольштейне полнейшей катастрофой.

После того как в июле 1931 года влияние штрассерианцев в сельских районах было окончательно подорвано, их лидер предпринял попытку изменить свою агитацию в среде крестьянства и сделать акцент на другие моменты. Арест Клауса Хайма и длительный процесс над ним были использованы почти всеми национал-революционными организациями. Штрассер не остался в стороне, он тоже всячески пытался представить Хайма как символическую фигуру, защитника всех обиженных, угнетенных и обездоленных. Именно из таких людей состояло почти все крестьянское население Германии. Воодушевленный первыми успехами в августе 1930 года Штрассер фактически передал руководство «Национал-социалистическими письмами» тем людям, которые, по его мнению, могли успешно внедрить в крестьянскую среду идеологию революционного национал-социализма. Это были Бодо Узе, Бруно фон Заломон, Христиан Клее. В своей статье «Крестьянский удар» Бруно фон Заломон провозглашал Клауса Хайма вопло-

щением самого духа крестьянства. *«Если под политикой подразумевать поверхностные понятия, то можно согласиться с установками, что «Ландфольк» не является ни организацией, ни партией, что крестьянство само по себе аполитично. Но это если подразумевать под политикой переговоры и махинации, продиктованные торгашеским духом. Те же, кто выбрал средством политической борьбы бомбу, вовсе не запутавшиеся идеалисты и не фанатики. Они просто полагали, что камни взорванных административных зданий не являются политической достопримечательностью. Но они знали, что таким примитивным способом можно выразить свое отношение к будущему страны. Отношение, ясно и однозначно высказанное в адрес духа партий. Еще не вся Германия сломлена! «Ландфольк» — это дух крестьянства, который говорит устами таких людей, как Клаус Хайм».*

В 1930—1931 годах Бруно фон Заломон, как и Отто Штрассер, был уверен, что правительственные репрессии только усилят решительность членов «Ландфолька» и те станут еще более ожесточенно сражаться против универсального врага — государства, системы.

«Члены «Ландфолька» все больше приходят к осознанию, что вся управленческая верхушка государства являлась не чем иным, как враждебными представителями всемирной капиталистической системы». В том же номере «Национал-социалистических писем» Бодо Узе подробно рассматривал действия государства против Клауса Хайма на знаменитом «процессе бомбистов». Он живописал попытки юстиции придать этому делу уголовный, а не полити-

ческий характер, а также тщетные усилия избежать общественного резонанса. Узе подчеркивал, что Хайм решительно отказался быть первым в шлезвиг-гольштейнском списке НСДАП на выборах в рейхстаг. Автор видел в этом логичный шаг человека, который всей душой ненавидел систему. Узе восторженно превращал Хайма в революционного мученика, которому суждено стать не просто символической фигурой, а лидером всего немецкого революционного движения. *«Действия крестьянина Хайма пошли дальше. Система не смогла заставить замолчать его. Напротив, он сказал свое жесткое и непреклонное «нет», принеся себя в жертву и потеряв свободу.* НСДАП *предложила ему возглавить местный избирательный список. Но лучше тюрьма, чем продажный рейхстаг. Тот, кто жаждет быть свободным, не должен попадаться в сети системы — он должен бороться»*. Это издание «Национал-социалистических писем» было полностью посвящено борьбе крестьян за свои права.

Растущая безработица в городах и неутихающее недовольство широких крестьянских кругов приводили национал-революционных интеллектуалов к убежденности, что демократическое государство стояло на грани краха. Гражданская война должна была вызвать в стране долгожданный социальный апокалипсис: *«Национальная Германия и на деле должна быть революционной. Вести борьбу до победного конца. Но теперь требуются иные средства борьбы, нежели те, которые уже применялись. Пока власть не у нас в руках. Чтобы ее добиться, мы должны использовать те средства, к которым прибегают все революционные движения»*. Для фон Заломона, отвер-

гавшего избирательную систему, речь шла о том, чтобы собрать воедино всех активных борцов из различных политических лагерей. Они должны были поставить государство в безвыходное положение своим саботажем, террором, активным и пассивным сопротивлением. Система должна со всей жестокостью обрушиться на смельчаков, что и спровоцировало бы народную революцию.

Христиан Клее писал: *«Возможно, мы стоим в нескольких шагах от гражданской войны, в нескольких шагах от ужасных и тяжелых событий, предписанных самой судьбой. Мы должны готовиться к ним, к тому моменту, когда они наступят»*. Суд над Клаусом Хаймом и его друзьями в глазах национал-революционеров был доказательством того, что государство было готово прибегнуть к давно ожидаемой тактике репрессий. По выражению Бодо Узе, *«судьи вынесли вовсе не приговор, они отнюдь не руководствовались законами — они осуществили акцию защиты существовавшей системы. Не списав крестьянские долги, сами стали преступниками от системы»*.

Но этот внезапный интерес к «Ландфольку» сменился полной апатией. До ноября 1930 года в штрассерианских газетах не появилось ни одной статьи, даже маленькой заметки о крестьянском движении, а имена фон Заломона и Бодо Узе вообще пропали со страниц. Объяснения для этого найти не удалось. Но скорее всего это связано с появлением программы КПГ «национального и социального освобождения немецкого народа». К тому же многие национал-революционеры не верили в организационные способности Штрассера и искренность его рево-

люционных убеждений. Сами же штрассерианцы оказались неспособными построить на местах достаточно активные пропагандистские структуры. Другим поводом для разрыва отношений стали непомерные амбиции Отто Штрассера, который хотел лично возглавить весь революционный фронт. Уже в начале 1931 года и фон Заломон, и Бодо Узе были убеждены, что Немецкую революцию были в состоянии осуществить только коммунисты, чьи активность и силы должны были стать главным залогом успеха. В то же время после сентябрьского кризиса революционные национал-социалисты стали говорить, что именно коммунисты являются главной угрозой для Германии.

Разрыв с радикальными крестьянскими элементами и левыми оппозиционерами заставили Штрассера резко изменить позицию — он начал сближение с умеренными группами Хамкенса. В то время они еще верили в возможность «общественной взаимопомощи». В январе 1931 года «Немецкая революция» стала печатать специальное крестьянское приложение, которое называлось «Башмак». Это название должно было связать газетку с тайными крестьянскими союзами конца XV — начала XVI веков, восстаниями 1493, 1502, 1513, 1517 годов. Девиз «Башмака» был прост: *«Одно право! Один рейх! Один Бог! Одна свобода!»* Первый номер призывал всех крестьян вступать в ряды Немецкой революции: *«Немецкие крестьяне! Наступил новый год бедствий! Путь на Голгофу длится уже несколько лет, но крестьяне пока не пришли к мысли, что надо искать новые средства, дабы оздоровить сельское хозяйство и возродить деревенскую культуру»*.

Штрассер яростно критиковал действия правительства, нападал на закулисную торгашескую политику традиционных крестьянских союзов. В итоге он пришел к выводу, что интересы немецкого крестьянства больше никто не представлял, а потому оно могло полагаться только на самого себя. Штрассер призвал крестьян покидать свои союзы, «которые из-за буржуазности и бюрократичности потеряли всякие связи с селом и народной жизнью». Альтернатива была, несомненно, только одна — вступать в ряды революционных национал-социалистов. «Башмак» должен был влить их во Фронт Немецкой революции, где крестьяне будут сражаться под лозунгами «Свободы, права и рейха», не идя ни на какие личные и экономические уступки. Призыв заканчивался советом: *«Немецкие крестьяне! Учитесь оборонять себя! Да здравствует немецкая крестьянская революция, которая будет осуществлена нами!»*.

Приведенные выдержки из статей весьма характерны для воззрений Штрассера на роль, которая отводилась немецкому крестьянству в деле революции. Если в 1928 году штрассерианцы не были готовы признать крестьянские беспорядки, то теперь они утверждали, что «Ландфольк» достиг успеха в сопротивлении системе не только в Шлезвиг-Гольштейне, но и в Восточной Пруссии и в Силезии. Однако в 1931 году Штрассер преподносил себя публике в качестве единственного носителя истины, непререкаемого вождя движения, к которому, кстати, он не имел почти никакого отношения. Это недоразумение становится еще более очевидным, если сравнить реальное влияние «Боевого содружества» в среде крестьянства и эти высокопарные заявления, сопровож-

давшиеся самодовольными призывами и чванливыми советами.

Вообще примечательны две статьи, опубликованные в «Башмаке», где рассматривались перспективы дальнейшей борьбы и возвещалось об акциях, которые должны были привлечь крестьянство на сторону революционного национал-социализма. Один из авторов, Хипплер, считал неоспоримым фактом крушение всех политических партий. По его мнению, страна уже была воспламенена революцией. Но речь шла о духовной революции. Сам псевдоним автора, Вендель Хипплер, был позаимствован из истории крестьянской войны 1525 года. Исторический персонаж этой эпохи родился в 1465 году, был секретарем графа Хёнлохе, а позже возглавил восставших крестьян в г. Некаре. К сожалению, сейчас фактически невозможно установить, кто скрывался за этим псевдонимом. Но факт остается фактом, революционные национал-социалисты призывали к революции, которая должна была завершить крестьянское освобождение, начатое еще в 1524—1525 годах! Несмотря на многовековые попытки разрушить крестьянскую душу, упрямый селянин вновь и вновь поднимался, чтобы восстановить гармонию общественной воли. События последних 150 лет: объединение Германии, кайзеровский рейх, мировая война, революция, возникновение Веймарской республики — вновь выдвигали крестьянство на передний край борьбы за социальную справедливость. «Башмак», хотя и издавался для Северной Германии, постепенно стал проникать и в южные районы страны.

Сами методы агитации и убеждения крестьянства ограничивались несколькими личными встречами, ко-

торые должны были способствовать привлечению новых людей и *«привитию им жертвенной воли»*, присущей революционным национал-социалистам. «Секретность» этих встреч косвенно указывала, насколько малы были перспективы «Боевого содружества» в крестьянской среде. Штрассер просто не имел достаточного количества людей для организации массированной пропаганды, а потому ограничивался «подпольными» контактами. Теперь в «Немецкой революции» начали чаще появляться упоминания о жертвах и мучениках идеи. Дело в том, что гитлеровские СА стали постоянно нападать на собрания штрассерианцев.

Учитывая, как трудно было рядовым членам «Боевого содружества», Штрассер давал наивный совет — сообщать в «Немецкую революцию» о всех установившихся связях с лидерами революционного крестьянства. Во многом он паразитировал на имени Клауса Хайма. Превознося его как символ жертвенности и грядущих потрясений, сам лидер КГРНС отказывался от террористической тактики и актов насилия, на деле поддерживая политическую линию Хамкенса. Отказ от терроризма он объяснял рядом тактических и идеологических причин. С тактической точки зрения Штрассер должен был понимать, что, несмотря на все заявления и потрясания кулаками, он не имел никакого влияния на местах, а его сторонники вовсе не «унтер-офицеры Немецкой революции», как это заявлялось в официальных документах «Боевого содружества революционных национал-социалистов». С идеологической точки зрения Штрассер не видел никакой необходимости в терроризме и планомерном создании революционной ар-

мии по ленинскому образцу. Он полагал, что «якобинская» национал-социалистическая революция сама по себе неизбежна, а потому надо было просто дождаться, когда крестьянство встанет на радикальные позиции и начнет революцию. В этом взгляды Хамкенса и Штрассера совпадали. Штрассер верил в гигантский прорыв народных чувств, считая, что тогда политической школой должно было стать непосредственное действие. Хамкенс, отвергая насилие, полагал, что революция произойдет благодаря распространению современных идей и общественной взаимопомощи. В условиях повсеместных затруднений расколотого общества отдельные личности рано или поздно должны сплотиться в группы, чтобы проповедовать идеи всеобщей любви, которая должна базироваться на расовых и национальных ценностях. Народный идеализм должен найти отражение во всех аспектах, всех действиях человека, вылившись в определенный момент в помощь близким. Подобное развитие общества могло идти только в деревнях, но не в городах, развращенных индивидуализмом. Со слов Никиша, Бруно фон Заломон в своем романе «Город» назвал Хамкенса немецким Ганди.

Созданные Хамкенсом сельские комиссии, над которыми сразу же захотело получить контроль мюнхенское руководство НСДАП, должны были, по мнению Штрассера, образовать «специфический фронт», действующий одновременно с солдатскими и рабочими представителями.

В январе 1931 года Хамкенс и Штрассер распределили между собой сферы деятельности, но по сути их пути разошлись. Хамкенса интересовала лишь его личная известность и популярность. Штрассер просил

предоставить ему «Газету «Ландфолька» как трибуну для выступлений. Со своей стороны Штрассер обещал, что разработает новую народную идеологию, которая будет предполагать особую хозяйственную модель — крестьянское государство. Решение Хамкенса и Штрассера было простым: они решили информировать своих сторонников о проводимых мероприятиях. Один надеялся прорвать информационный бойкот вокруг крестьянских беспорядков, другой же хотел стать причастным к крестьянскому мифу, оказать помощь одному из легендарных лидеров «Ландфолька».

В принципе оба сдержали свои обещания. Штрассер получил несколько официальных собраний революционных национал-социалистических крестьян, все присутствовавшие, конечно, были членами «Ландфолька». Центральным пунктом этих мероприятий традиционно становилась длинная речь Штрассера, в которой он анализировал причины сельскохозяйственного кризиса и излагал перспективы хозяйственной реорганизации страны. Эти тезисы должны были стать «переходным мостиком» между революционными национал-социалистами и представителями различных крестьянских организаций. Доклад был тут же напечатан отдельной брошюрой и распространялся на крестьянских демонстрациях и митингах. Программа представляла краткие выжимки различных статей по этому вопросу, которые уже были напечатаны. Наиболее ярким пунктом документа стала «Аграрная экономика и жизненные представления».

Запрет «Черного знамени», издаваемого Хартмундом Плаасом и Эрхардтом при участии членов групп

Хамкенса и Штрассера, дал руководству штрассерианцев удобный повод использовать свои газеты для изложения позиций «Ландфолька». Мартовский номер «Башмака» посвятили изложению специфических экономических тем, не уделив никакого внимания событиям на местах.

В апреле 1931 года статьи «Немецкой революции» изменили свой тон, в них освещались другие темы. Место экономических программ и призывов к Немецкой революции заняли нападки на аграрную политику НСДАП и КПГ. Последний номер «Башмака», увидевший свет, вообще нападал на традиционные крестьянские союзы, которые пытались решить аграрный вопрос при помощи переговоров.

Критика НСДАП, высказанная Штрассером, в основном касалась требования нацистов восстановить неприкосновенность частной собственности. Не удивительно, что это ему казалось существенным. Нападки на НСДАП у Штрассера всегда совмещались с критикой КПГ, его не устраивала поляризация крестьянства. В тот момент «Боевое содружество» как раз объединялось с революционными штурмовиками Штеннеса, которые всегда придерживались антикоммунистических взглядов.

Штрассер очень надеялся, что ему удастся переманить на свою сторону большинство членов «Ландфолька». Но ему не везло: 15 мая 1931 года КПГ выпустила «Программу помощи немецкому крестьянству», и популярные в крестьянской среде интеллектуалы перешли на сторону коммунистов (Узе, фон Заломон и т. д.).

С конца мая 1931 года критика программы КПГ в «Немецкой революции» стала систематической. В этом

программном документе, а точнее, в самом факте его появления, Штрассер видел негласное подтверждение того, что *«нынешняя агитация крестьян была безуспешной»*. Коммунисты, по его мнению, прибегли к очередной тактической уловке, политическому трюку. Пока коммунисты не отделили крестьянскую программу от Коммунистического манифеста, они, как и все силы, пытавшиеся только на словах решать проблемы села, оставались для Штрассера врагами немецкого крестьянства. Между тем признание КПГ права собственности на землю было для лидера «Боевого содружества» первым признаком сближения их оценок сложившейся ситуации. Это было неким продолжением программы национального и социального освобождения немецкого народа, где коммунисты впервые признали понятие «нация» и затронули национальный вопрос.

Несмотря на острую критику в адрес коммунистов, Штрассер был все-таки готов признать превращение КПГ в национал-коммунистическую партию. Но это превращение было обречено на провал, так как коммунисты *«влили революционную воинственность»* в сознание рабочих и крестьян, которые должны были пойти за революционными национал-социалистами. Эта критика была продолжена в июньском номере «Черного флага», где анализировались чисто партийные предпосылки появления крестьянской программы КПГ. «Положение в Германии просто вынудило коммунистов сделать первый шаг, фактически отказаться от марксистской идеологии и приблизиться к консервативно-националистическим идеям». Каждая атака на крестьянскую собственность рассматривалась Штрассером как измена самой при-

роде немецкого крестьянства. Когда же нападки совершались на крупное землевладение, то это было всего лишь еще одним доказательством либерального происхождения КПГ, так как коммунисты пытались решить фундаментальные духовные проблемы чисто экономическим путем.

Подобная жесткая реакция была следствием бессилия Штрассера и Хамкенса, которые теряли свое влияние на крестьянские массы. Одной из причин кризиса «Боевого содружества», который произошел летом 1931 года и характеризовался массовым оттоком членов из боевых групп Гамбурга и Киля, была именно крестьянская пропаганда, оторванная от реальности. К августу 1931 года и сам Хамкенс растерял всех сторонников и последователей в Шлезвиг-Гольштейне. За ним могло пойти всего лишь несколько человек, проживавших в Альбердорфе. В это время он даже перестал издавать «Газету «Ландфолька». Из-за финансовых проблем Хамкенс решился на открытый конфликт с ее редакцией — шаг для политика непростительный.

В октябре 1931 года, после краха многочисленных банков и очередного падения цен на сельхозпродукцию, казалось, что Хамкенс мог восстановить свой былой авторитет. Идея предупредительной стачки, активно пропагандируемая лидерами «Ландфолька», получила широкий отклик. Во многих селах вновь стала возникать «Общественная помощь». Но на самом деле, желая того или нет, Хамкенс помог нацистам. Он оказался не в состоянии сформировать общенациональное движение. Там же, где его идеи получили поддержку, предпочитал ограничиваться отстаиванием исключительно корпоративных интересов и

провозглашением демагогических лозунгов о необходимом союзе с пролетариатом. Нацисты же вели более успешную агитацию, чем Хамкенс и Штрассер. В НСДАП подчеркивали прежде всего неприкосновенность собственности крестьян, что вызывало большое доверие у селян, в первую очередь заботящихся о собственном благе. Что же мог поделать Штрассер? Хотя он и не являлся крестьянским революционером, но решился пропагандировать специальную доктрину, ориентированную на крестьян.

Программу социализации экономики Отто Штрассер подробно изложил в своей брошюре «Построение немецкого социализма». Основными принципами социалистической экономики были тотальная автаркия, государственная монополия на внешнюю торговлю и плановое хозяйство. В условиях революционных потрясений в Шлезвиг-Гольштейне и роста экстремистских настроений в крестьянской среде решение аграрного вопроса и необходимость национал-социалистического контроля над средствами производства стали важнейшими теоретическими темами для «Боевого содружества революционных национал-социалистов».

Согласно взглядам Штрассера, возрождение немецкой экономики было возможно лишь при условии упразднения частной собственности на землю, полезные ископаемые и средства производства. Штрассеровская социализация экономики принципиально отличалась от марксистской модели. Она определялась как попытка вывести экономическую теорию из самой природы немца. Штрассер предполагал, что хозяйственную систему страны должна определять не сухая экономическая теория, а живая душа немецко-

го человека, проявляющаяся прежде всего в независимости, ответственности и радости творчества. Капиталистическая форма хозяйствования, предполагавшая высвобождение личного эгоизма, уничтожает государственно-общественный принцип существования. Но воплощенные в жизнь три составляющие немецкой души вернут людям радость созидания и любовь к отечеству, которые многие угнетенные трудящиеся путали с государством, бюрократической системой. По мнению Штрассера, ответственность, независимость и творческая деятельность возможны лишь при общественной системе, которая устранит неравенство немцев и проведет депролетаризацию Германии, которая была просто необходима, так как марксизм создал из рабочих класс, угрожающий существованию народного сообщества. Вообще штрассеровское понимание пролетариата очень отличалось от марксистского. Революционные национал-социалисты не придавали ему экономического значения, равно как и не использовали таких понятий, как рабочая сила и производственные отношения. Штрассер подразумевал под пролетариатом тех, кого объединяла крайняя нужда и страдания.

Кампания по защите немецкого села должна была сопровождаться «революцией души», которая отвергала веру в прогресс и базировалась на принципах расы, крови и почвы. Именно их Штрассер положил в основу своей крестьянской идеологии.

Депролетаризация должна быть связана с возможностью доступа каждого немца к собственности. Но это было возможно лишь при соблюдении двух юридических условий: все немцы должны были быть коллективными владельцами земли и иметь право на

обладание всеми средствами производства. Народное сообщество должно было распределять эту собственность в форме наследственных ленов в соответствии со способностями каждого немца к обработке земли и производственному труду. Сама терминология, употребляемая Штрассером, отсылала нас в эпоху феодализма. Государство — организованная форма нации — должно выработать представление, что все права на землю принадлежат народному сообществу, в то время как крестьянские семьи, обладательницы ленов, выступают лишь землепользователями.

Введение практики наследственных ленов как существенная часть нового экономического порядка, а также модификация права на собственность были важными компонентами процесса народно-культурного переворота, который должен был закончиться установлением германского права и созданием новых социально-культурных связей.

Из изучения всемирной истории Штрассер вынес несколько фундаментальных законов, которые должны были определять жизненные ритмы немецкого народа. Он пришел к выводу, что городское население было мотором либеральных революций, в то время как крестьянские слои сыграют решающую роль в построении нового социального порядка.

Мятеж в Шлезвиг-Гольштейне, террористические акты «Ландфолька» и радикализация крестьянства, вызванная агитацией коммунистов и нацистов, были очевидным доказательством неприятия крестьянами Веймарской республики. Поскольку именно крестьянство должно было стать базой будущего государства, то процесс государственного строительства неизбежно привел бы к сокращению пролетариата, а дети

крестьян возвратились бы на землю. Эта кампания поначалу будет ограниченной, так как Германия должна готовиться к новой войне. Именно поэтому национал-социалистическое революционное правительство просто обязано поддерживать промышленный потенциал, чтобы успешно провести мобилизацию и создать сильное военное хозяйство. После победы над западными державами немецкая армия должна способствовать структурной реорганизации и психологической перестройке немецкого общества, демобилизованные солдаты станут движущей силой аграрной реформы. Гигантский индустриальный комплекс необходимо расчленить и разбросать по стране небольшими очагами.

Заброшенные или недостаточно освоенные земли подлежали немедленной конфискации. Предпосылки для технического осуществления внутренней колонизации не были оригинальными: отвоевание земель у моря, распашка нови, обработка запущенных земельных участков. Планомерная защита земельного хозяйства должна была вернуть к сельской жизни не только крестьянских детей, уехавших в город, но и значительную часть рабочих, занятых в промышленном производстве. Возникновение новых предприятий на селе должно было носить комплексный характер; но в первую очередь на сельских предприятиях должны работать крестьяне, покинувшие когда-то деревню. Они могли одновременно заниматься сельскохозяйственной деятельностью на земле, выделенной им государством в качестве наследного лена. По мнению Штрассера, у «новых крестьян» рано или поздно появится менталитет владельца, что приведет к одновременному исчезновению пролетар-

ского сознания. Но к традиционному, существовавшему еще до Немецкой революции крестьянству государство должны было относиться совершенно по-особенному. Возможное недовольство автоматически устранялось широкой программой социальных и экономических мероприятий.

В 1925 году Штрассер устанавливал максимальный земельный надел в 1000 морге[1] (255 га). Надел мог сдаваться в аренду либо передаваться по мужской линии как наследный лен. Землевладения в 3000 морге (765 га) предполагалось разбить на участки размером в несколько десятков гектар. Батраки крупных землевладельцев также должны были получить собственный земельный надел, составлявший половину гектара. Подобная дискриминация батраков была, возможно, вызвана убеждением Штрассера, что все они — марксисты либо сочувствовали коммунистам. Лидер революционных национал-социалистов делал ставку на более зажиточное крестьянство, которое традиционно придерживалось антимарксистских позиций. Надел батрака походил скорее на домашний сад, нежели на земельный надел, урожаем с которого можно было прокормиться. Приблизительно такие наделы должны были получить рабочие сельскохозяйственных предприятий. Но для них обработка земли не была единственным способом заработать на хлеб.

Из земель, принадлежащих государству, должны были создаваться идеальные крестьянские дворы, фактически находившиеся под руководством квалифицированных дипломированных управляющих, ко-

[1] Здесь Штрассер использовал старую прусскую земельную единицу морге, равнявшуюся 25,532 акра.

торых назначало правительство. В зависимости от величины земельного надела (лена) крестьянский совет назначал долю отчисления продукции. Как правило, продукция должна была делиться на две части. Продажа одной покрывала издержки на продукты питания, одежду, жилье и средства производства. Вторая, составлявшая 10% от произведенной продукции, отчислялась в пользу народного сообщества. Всю произведенную продукцию можно было продавать, причем любые излишки не облагались никакими налогами. В случае смерти владельца земли она не делилась между детьми, а передавалась наследнику, которого выбирал местный крестьянский совет.

Крестьянский совет следил за произведенной продукцией и устанавливал размеры отчисления. В случае плохой обработки земли совет мог забрать наследный лен, чтобы впредь подобные случаи не повторялись. Наделение уже обработанной землей также производилось крестьянским советом. Основными критериями для наделения семьи земельным наделом служили ее положение, способности и трудолюбие. Основной принцип — не давать земли больше, чем ее могла обработать конкретная семья. В то же время, если надел был маленьким, семья могла заработать только на пропитание.

Осуществление революционной национал-социалистической аграрной реформы было возможно лишь при условии уничтожения капиталистической эксплуатации и раздела крупных землевладений. Под упразднением капиталистического принуждения Штрассер понимал ликвидацию хронических задолженностей среди немецкого крестьянства. Когда все

земли будут превращены в наследственные лены, крестьянство освободится от долгов, а новое закабаление окажется невозможным. Кроме этого, каждый, кто имел незаконную прибыль, то есть, не работая, мог получать барыш от своих ссуд и процентов по ним, рисковал лишиться земельного надела.

В 1931 году штрассеровская программа была дополнена еще одним пунктом, согласно которому крестьяне могли повысить свою производительность благодаря инвестициям, предоставляемым сельскохозяйственными палатами. Кроме того, наследственные лены не могли ни продаваться, ни дариться другим лицам.

Штрассер был убежден, что большие сельскохозяйственные предприятия по образцу советских совхозов были обречены на провал, так как крестьяне в них не имели бы мотивации к труду. Штрассеровское крестьянское государство было построено на банальной обработке земли. В целом этот пример был позаимствован из опыта аграрной реформы, проводимой в Дании.

В октябре 1931 года было громогласно объявлено о создании «Черного фронта», но по сути это был чисто пропагандистский шаг. Если Хамкенс еще имел каких-то сторонников в Шлезвиг-Гольштейне и Силезии, то революционные национал-социалисты не получили в крестьянской среде никакой поддержки. Когда в августе 1932 года в «Черный фронт» потянулись новые люди, «Ландфольк» создал из них три группы. Но оптимизм оказался преждевременным. К 1933 году стало ясно, крестьянство повсеместно пошло за НСДАП. Поначалу Хамкенс вместе с Ни-

кишем и Штрассером пытались вести борьбу против нацистов. Но когда в феврале 1933 года «Черный фронт» оказался запрещен гитлеровским режимом, он попытался дистанцироваться от бывших союзников. Формально Хамкенс еще несколько раз встречался с ними, но когда 30 мая к нему домой ввалились штурмовики, он предпочел объявить, что уходит из политики. В июле 1933 года остатки «Ландфолька» были унифицированы ведомством Вальтера Дарре, Имперского руководителя крестьян в нацистской Германии. Любая политическая оппозиция жестоко подавлялась.

Союз между Штрассером и Хамкенсом был разрушен. Впрочем, закончились крахом и попытки Клауса Хайма воспрепятствовать присоединению крестьянства к НСДАП. Союз между крестьянами, солдатами и рабочими, к которому призывал «Черный фронт», существовал только на бумаге. Деятельность Штрассера никогда не могла всерьез помешать развитию НСДАП и ее агитации в Шлезвиг-Гольштейне. Штрассерианцы лишь ослабляли Веймарскую республику, подтолкнув широкую часть селян к восприятию тоталитарной гитлеровской идеологии. События в Шлезвиг-Гольштейне являются великолепной иллюстрацией политической несуразности Отто Штрассера, которая в итоге и привела его к политическому краху. Он всерьез пытался объединить свой теоретический радикализм с реформистской практикой, причем был всего лишь инициатором небольших акций, которые были использованы теми, против кого и боролся сам Штрассер, — коммунистами и нацистами.

Глава 4

КРУЖОК «ДЕЙСТВИЕ» МЕЖДУ «ЧЕРНЫМ ФРОНТОМ» И КАНЦЛЕРОМ ШЛЯЙХЕРОМ

Журнал «Тат» («Действие») приобрел феноменальную популярность у немецких интеллектуалов. Именно в нем печатались все главные политические публикации временем Веймарской республики. Сама редакция журнала считала, что *«он являлся единственным изданием, которое с непреклонным стремлением к правде вникало в суть вопросов сегодняшней политической и духовной жизни»*. Как точно отметил один исследователь: *«Журнал держал руку на пульсе истории»*. «Действие» было создано братьями Хорнеффер и, собственно говоря, до октября 1929 года не играло никакой роли в духовной жизни Германии. Под руководством издателя Ойгена Дидерика журнал постепенно превратился в *«антилиберальное, антигуманистическое, антицивилизаторское и антизападное издание»*. Он выступал за специфическое немецкое народное государство, за идею народного сообщества. Его новая редакция жаждала увидеть демократические идеи, дополненные аристократическим отношением. Но вместе с тем журнал выступал против расистской предубежденности, являя собой попытку философского поиска новой духовности. «Действие» хотело создать миф, который, возможно, привел бы к перевороту в системе общественных ценностей, тем самым подготовив наступление новой эпохи. Итак, в октябре 1929 года «Действие» опубликовало программу, подготовленную

Гансом Церером, которая устанавливала новый курс журнала.

В то время Ганс Церер был членом редакции «Фоссишен цайтунг» и принадлежал к группе консервативных интеллектуалов. Кроме самого Церера в группу входили Фердинанд Фрид, Эрнст Вильгельм Эшман, Гислер Вирзинг.

Фердинанд Фрид — псевдоним Фридриха Циммермана, родившегося 14 августа 1898 года во Фриденвальде-на-Одере. Он был экономическим редактором «Фоссишен цайтунг». В период с 1923-го по 1933 год являлся редактором «Берлинер Моргенпост» («Берлинской утренней почты»). С 1929 года — сотрудник журнала «Действие». После прихода к власти нацистов Фрид был журналистом «Берлинской газеты». В 1934 году вступил в СС и работал в главном управлении СС по вопросам расы и поселений. После войны редактор «Зоннтагсблата», а в 1953-м возглавил журнал «Вельт». Умер в 1967 году.

Эрнст Вильгельм Эшман — псевдоним Леопольда Дингреве. Родился в 1904 году в Берлине, защитил у Альфреда Вебера диссертацию в Хайдельберге, семь лет был доцентом в Высщей школе политики в Берлине. В 1944 году Эшман стал руководителем Немецкого института в Марселе, в 1960-м — профессором социологии в Мюнстерском университете.

По большому счету кружок «Действие» не был оформившейся организацией. Первоначально это был редакционный совет одноименного журнала, к которому позднее стали примыкать спонтанно возникающие в различных городах клубы читателей «Действия». Благодаря журналистскому таланту Ганса Церера за два года тираж журнала удалось поднять с 800 до

30 тысяч экземпляров. Сам же Ганс Церер имел много общего с Отто Штрассером. Так же, как и Штрассер, ушел в 16 лет добровольцем на фронт. Как и многие молодые люди, противопоставлял свой фронтовой опыт буржуазному мироощущению. Как и многие немцы, перенес много страданий, жил в крайней нужде. После возвращения с фронта учил медицину и психологию, затем историю, социологию и национальную экономику. Его учителем был всемирно известный Вернер Зомбарт. Из-за финансовых проблем Церер не смог довести обучение до конца. Но тем не менее он совмещал работу в «Фоссишен цайтунг» с проведением частных исторических и социологических изысканий.

На Ганса Церера оказал неизгладимое впечатление Освальд Шпенглер. Но восхищен Церер был отнюдь не его работой «Закат Европы», а другим произведением — «Пруссачество и социализм». Также Церер проявлял неподдельный интерес к Карлу Манхейму, Вильгельму Парето, Жоржу Сорелю. Он поддерживал теории Карла Шмидта, который пришел к выводу, что время парламентаризма уходит и наступает время авторитарных государств. В «Действии» Г. Церер развивал взгляды, на которые оказали влияние подобные политические теории. Каждый сотрудник «Действия» имел свою четкую спецификацию: Фрид занимался политэкономией, изложив собственное видение проблемы в работах «Конец капитализма» и «Автаркия»; Эшман отвечал за систематизацию и анализ программ плановой экономики; Грюнберг *«приближал читателя к картине нового государства»* и развивал национальную педагогическую концепцию. Главной мыслью журнала было

убеждение, что связи между правыми и левыми на самом деле минуют стадию демократического республиканизма. При национальном переломе существующего общества правые и левые позиции должны были сплавиться во что-то общее, новую единую позицию.

Церер предрекал читателям хаос, который надо было пережить, так как это было единственным средством для того, чтобы произвести очистку Германии. В октябре 1929 года, когда на Германию уже обрушился мировой экономический кризис, Церер говорил о нем как о благодатном избавлении. В горниле экономического хаоса должно было возникнуть новое немецкое государство, обладавшее новым экономическим и общественным порядком, в котором сомкнутся национальный и социальный полюса. При поддержке Фрида, который предсказывал смерть капитализму, Церер утверждал, что у Веймарской республики больше не осталось времени и ее ждет подобная же судьба. Накануне революции требовался творческий синтез: «По мере того как приближается хаос и старые точки зрения все больше разлагаются, идет созревание новых позиций. Но момент их действия еще не пришел. Надо дождаться окончания процесса разложения старого».

Это выжидательное отношение «Действия» все-таки не мешало Цереру искать в Германии, охваченной кризисом, те социальные группы, которые бы смогли переориентировать нацию. «Действие» разделяло все немецкое общество на три заинтересованные группы. На одной стороне находились капитал и богатеи. На другой — массы, которые не были четкой политической группой, обладавшей собственны-

ми экономическими интересами. Массы состояли из рабочего класса, его организаций, служащих, мелких и средних ремесленников. Но была и третья группа, некий резерв недовольства, или, как их называл Церер, «бактерии», так как они проникали между трудом и капиталом. Этот социальный винегрет должен быть не просто взрывчатым, а сносящим все на своем пути. Задача журналистов «Действия» состояла в том, чтобы предвидеть развитие ситуации и познать ход развития событий. Церер придерживался теории Парето о круговороте элит, а потому возвещал, что все социальные движения поначалу создавались высокообразованным меньшинством, новой немецкой элитой, вырвавшейся из средних слоев. Эти интеллектуалы не стремились к политическому признанию, они были заинтересованы лишь в разрушении старого мира: *«Речь идет не о тех людях, которые потрясают воздух пустыми словами, призывая к борьбе за собственное существование. Мы говорим о тех, кто готов полностью уничтожить само это существование»*. После хаоса и времени ожидания должен был наступить «час нового человека»: *«Придет момент построить новый мир с новыми людьми и новыми идеями»*.

«В нашем положении придерживаться сейчас какого-либо абсолюта, партийного догматизма означает существенно ограничить проблематику исследований, так как они зашоривают взгляд на существующие феномены. Когда кризис начнет расширяться и углубляться, сомневающиеся поставят вопрос: какова природа этого процесса? Но следить за ним можно только глазами независимого исследовате-

ля». Впрочем, Церер прекрасно понимал, насколько трудно сохранять чисто созерцательное отношение, взгляд стороннего наблюдателя: *«Мы увидим, как наши идеи, наши аргументы и наши требования будут позаимствованы и как их подобно мячу будут гонять по политическому полю. Наши знамена будут истрепаны и изорваны, переходя из рук в руки в виде лоскутов. Но лучшие из нас с отвращением отвернутся от напыщенности и скроются в скромных кабинетах, чтобы испытывать новые формулы, обдумывать новые аргументы. Грядущие беспорядки поставят вопрос: участвовать ли в них или остаться в стороне?»*

Церер предугадывал, что в средних слоях, находившихся между трудом и капиталом, будет неуклонно нарастать недовольство. Именно они, эти средние слои, должны были стать оплотом будущей революции, сплавом национального и социального, на что не были способны ни КПГ, ни НСДАП. «*Будущий путь ведет туда, где правые объединяются с левыми; где, создав новое сообщество, люди сольются под знаменем мифа о новой нации*». Это был, по мнению деятелей «Действия», единственный путь, когда народ станет единым целым, преобразуется в новый органический порядок, в новое общество. «Сегодня порядок, который пытается навязать нам либерализм, — тупое рабство, которое выдается за свободу. Но именно новый строй способен дать ответы на вопросы: «Почему? Для чего? Зачем?»

В 1932 году Церер решил значительно расширить свой анализ и включить в него ряд консервативных идей. «Действие» решительно отказывалось от всего,

что как-либо было связано с либерализмом. Например, члены «Действия» отвергали рассудительность, отдавая предпочтение чувствам, так как «наше время и то, что оно несет в себе, вряд ли можно осмыслить человеческим умом».

Кризис для Церера был не просто средством, которое должно было вызвать долгожданный хаос. Кризис был прелюдией революции, которую поддержат те, кто начал изменение реальности в многочисленных молодежных движениях, кто являлся носителем новой духовности 1914 года, кому «по наследству» достались фронтовые переживания. Антикапиталистическая аргументация Фрида, представления Грюнберга о национальной диктатуре, восточная ориентация Вирзинга всячески поддерживали мечту Церера о новой Германии. В ней должны были оказаться все немцы Европы. Экономика новой державы должна была оказаться самодостаточной. Ее политика будет определяться диктаторской элитой. Общественный строй новой Германии будет непоколебим.

Между воззрениями Штрассера и Церера было много общего. В «Действии» очень позитивно восприняли раскол гитлеровской партии в августе 1930 года. Но до февраля 1931 года между этими двумя лидерами не было никаких серьезных контактов. С января по март 1931 года «Немецкая революция» напечатала пару апологетических статей, в которых «Действию» отводилось первое место среди всех существовавших в то время в Германии политических журналов. Революционные национал-социалисты превозносили мужество редакции этого журнала, восхищались упорной борьбой с капитализмом и реакци-

ей, которую вела редколлегия «Действия». Позже «Немецкая революция» упоминала о статье, появившейся в журнале Церера. В этой публикации под названием «Кризис национал-социализма» автор весьма похвально отзывался о группе Отто Штрассера.

В марте 1931 года «Действие» перепечатало отрывок из книги Герберта Бланка, которая называлась «Адольф Гитлер — Вильгельм III», снабдив его позитивной рецензией. Это указывало на то, что где-то в феврале 1931 года обе группировки все-таки познакомились поближе. Дружба между Штрассером и Церером продолжалась с июня 1931 года по март 1932 года. Она носила далеко не формальный характер. Это подтверждала и статья Церера «Левые или правые?». На страницах же «Действия» стала периодически появляться реклама штрассеровской «Немецкой революции». В октябре 1931 года Церер принял участие во Втором имперском конгрессе революционных национал-социалистов, где открыто поддержал создание «Черного фронта». Статья же «Левые или правые?» была перепечатана Рихардом Шапке как доказательство того, что идеи «Действия» и «Черного фронта» абсолютно совпадали.

Неудачи «Черного фронта», постепенный упадок «Боевого содружества революционных национал-социалистов» дали Цереру повод отречься от деятельности Штрассера. Редактор «Действия» решил посвятить себя разработке гипотетического «третьего пути», пролегающего между коммунистами и нацистами. Весь апрель 1932 года он корпел над теоретическими выкладками и политическими формулировками. Третий путь должен был проложить сильный человек, по

мнению Церера, им был канцлер Шляйхер[1]. Именно он, как писало «Действие» в октябре 1932 года, «отрицал все коррумпированные и неспособные к действию партии и парламент». Третий путь также должен был отвергать однопартийный фашистский эксперимент. Он не только неизбежно вел к гражданской войне, но был недостаточно романтичным, чтобы предполагать подлинную революцию. Значит, оставался один путь — осуществить революцию сверху. Это могли сделать только те, кто уже обладал властью, те, кто был готов к решительным поступкам. Таковыми могли быть рейхсвер и рейхспрезидент Гинденбург.

[1] *Шляйхер Курт фон* (1882—1934), последний канцлер Веймарской республики. Родился 7 апреля 1882 года в Бранденбурге в старинной прусской юнкерской семье. В 1903-м вступил в 3-й гвардейский пехотный полк под командованием генерала Пауля фон Гинденбурга. В 1913-м был приглашен в чине капитана в Генеральный штаб, в котором работал во время 1-й мировой войны. Был близким другом сына Пауля фон Гинденбурга — Оскара. В 1918 году фон Шляйхер стал адъютантом главного квартирмейстера Вильгельма Тренера. Принимал активное участие в создании добровольческих корпусов. В феврале 1926 года фон Шляйхер возглавил управление сухопутных сил министерства рейхсвера. В 1929-м фон Шляйхеру было присвоено звание генерал-майора. Он занимал различные государственные посты, в том числе был министром обороны. 3 декабря 1932 года, сменив ушедшего в отставку Франца фон Папена, фон Шляйхер стал рейхсканцлером. Его нерешительные попытки объединить действия профсоюзов и рейхсвера с тем, чтобы остановить рвущихся к власти нацистов, ни к чему не привели. В результате закулисных политических интриг бывшего канцлера фон Папена и Гитлера президент Гинденбург принял отставку фон Шляйхера и 30 января 1933 назначил канцлером Адольфа Гитлера. Не забывший своего политического оппонента Гитлер жестоко отомстил фон Шляйхеру во время событий «ночи длинных ножей». 30 июня 1934 года несколько человек ворвались на виллу отставного канцлера, смертельно ранили его жену и убили его самого, как позднее было сообщено, при попытке вооруженного сопротивления.

Сотрудничество с Шляйхером принесло Цереру ежемесячную поддержку в 15 тысяч марок и должность тайного советника рейхсканцлера. Кроме этого, он получил пост главного редактора одной из крупнейших берлинских газет — «Берлинского обозрения», которое финансировалось из денег «немецких националов» и контролировалось лично Шляйхером. Штрассер не смог одобрить подобную позицию своего бывшего союзника и с августа 1932 года начал периодически делать выпады в адрес «Действия». Первая критика прозвучала по поводу статьи Церера «Реформы или революция?». Штрассер изрек, что лозунг «Реформация вместо реставрации и революции» противоречит духу революционного национал-социализма, который отвергает полумеры и полуреформы, отдавая должное только тотальной революции.

В то же время была опубликована статья Геббельса, посвященная проблеме реформ. Это дало Штрассеру удачный повод, чтобы поставить знак равенства между «Ангрифом» и «Действием». Не зная о том, что Церер переменил политические убеждения, он пытался простить другу «столь неудачную формулировку». Но, на всякий случай, он напомнил о заявлении руководства «Боевого содружества», которое было напечатано 3 июля 1932 года в «Черном знамени». В нем исполком «Содружества» выступал против «правительства Шляйхера, Грегора Штрассера и Брюнинга». Там же подчеркивалось, что революционные национал-социалисты отклоняют любые умеренные тактические соображения. Штрассерианцы были намерены бороться против соглашательской политики с правительством.

Но в то время Штрассер еще не был готов к кардинальному разрыву отношений с Церером, так как

«для нас и для широкой общественности «Действие» продолжало числиться в «Черном фронте». Но ответ Церера развеял последние надежды. Он разрывал отношения с «верховным лидером« «Черного фронта», так как 4 сентября 1932 года тот позволил себе непростительно хамскую критику в передовице своей газеты. В той злополучной статье говорилось, что штрассерианцы с тревогой следят за сближением Церера с Брюнингом. Еще больше их настораживало, что «Действие» превращалось в поставщика идей «ко двору Шляйхера». Цереру делался упрек, что, придерживаясь реформистских лозунгов, он вступил в партию правительственной политики. По мнению Штрассера, Церер переоценивал роль рейхсвера, а само *«Действие» играло в правительстве роль «политического поэта»*. Журналу инкриминировалось, что он стал защитником капиталистической системы. В определенной мере обвинение справедливое — в то время Церер даже не думал задевать буржуазные законы и частную собственность.

В итоге «Боевое содружество революционных национал-социалистов» отказывалось поддерживать правительство Шляйхера, взяв курс на борьбу с его «профсоюзно-милитаристским кабинетом», главной целью которого было изгнать молодые силы из всех социалистических организаций.

В ответ на реплику Фердинанда Фрида, помещенную в «Ежедневном обозрении», Штрассер напечатал в «Черном фронте» выдержку из брошюры «Построение немецкого социализма», в которой противопоставлял государственно-бюрократический социализм сталинского типа программе корпоративного социализма. Чтобы продемонстрировать своим сторонникам абсурдность планов Шляйхера, Штрассер

привел обстоятельную статью Теодора Лайперта, члена правительства и председателя «Всегерманского союза немецких профсоюзов». В ней Лайперт поддерживал экономические идеи Штрассера, а именно идею ограничения частной собственности и введения определенных корпоративно-государственных форм. Лайперт даже соглашался включиться («насколько это было возможно») в дискуссию об отдельных экономических требованиях Отто Штрассера. Но в ответ лидер «Черного фронта» лишь парировал, что профсоюзы не воодушевятся планами Шляйхера, а потому обречены на провал.

В декабре 1932 года Церер начал острую полемику с КПГ и НСДАП. В своей статье «Прогнозы для Германии» он утверждал, что видит растущую большевистскую угрозу, которая выражалась в значительном росте количества депутатов-коммунистов. Церер абсолютно правильно замечал, что государство было больше не в состоянии править 14 миллионами избирателей, которые только и желали его крушения. Опасность ему казалась настолько большой, что он всерьез опасался раскола НСДАП. В таких условиях радикальная часть национал-социалистов (пролетариат и революционные СА) могли примкнуть к коммунистам. Штрассер писал по этому поводу: *«Коммунизм в своей марксистско-большевистской форме после 1923 года не имеет никаких шансов на завоевание власти»*. Для него не было важно, КПГ или НСДАП проведут в рейхстаг 230 депутатов, так как это зависело от *«ясности предложенного пути и силы воли вождя»*.

Противоречия между Штрассером и Церером достигли своего пика в конце декабря 1933 года. Тогда «Черный фронт» вышел под заголовком: «ЛИБЕ-

РАЛЬНЫЙ НАЕМНИК. Буржуа Церер замахивается томагавком войны на Немецкую революцию». Это было оскорбительной репликой на статью Церера «Революционные сектанты». В ней тайный советник рейхсканцлера задавался вопросом: «Что вы, собственно, хотите и к какой цели стремитесь?» Статья должна была подтолкнуть к выводу, что штрассерианцы не были способны к какой-либо конструктивной созидательной деятельности. *«Их воля продиктована чувствами, не имеющими ничего общего с реальностью, ибо они не представляют собственных возможностей; воля к работе, к кропотливой, ежедневной деятельности у них заменена высокопарными романтическими представлениями об «империи», «немецком социализме» и «революции».* По мнению Церера, на революцию как неотвратимый исторический процесс требовалось время, дабы она созрела. Просто беспорядки были исключительно опасным явлением. В качестве примера Церер приводил того же Ленина, который, скрываясь от охранки, 12 лет прожил в Швейцарии.

Разрыв между «Действием» и «Боевым содружеством» был предопределен теоретическим догматизмом Штрассера (извечная проблема мертворожденных «немецких революций») и различными путями развития консервативных кругов. Но даже политический дилетантизм Церера, не столь очевидный, как у Штрассера, привел этого журналиста к конкретной попытке спасения страны от гитлеровской угрозы. И пусть «курс Шляйхера» был нереальным, но это был открытый искренний шаг. В то же время Штрассер, ослепленный иррациональной верой в

свою миссию, всего лишь наблюдал за развитием событий. В итоге ему пришлось просто констатировать, что власть оказалась в руках у Гитлера.

Сейчас сложно ответить на вопрос, правда ли состояло «Действие» в «Черном фронте»? Если Церер некоторое время был дружен со Штрассером, то ни Фрид, ни другие сотрудники журнала никогда не говорили о своем союзе с революционными национал-социалистами. Со своей стороны Штрассер не раз повторял, что восторгается экономической теорией Фрида. Но это не мешало Отто запретить членам своего кружка изучение в «кадровой школе» «Боевого содружества» каких-то других экономических теорий кроме собственного «Построения немецкого социализма». Глупо было бы отрицать, что «Действие» через своих лидеров поддерживало связи с «Черным фронтом». Но надо отметить: слово Церера имело гораздо больший вес, нежели весь «Черный фронт» Отто Штрассера.

Оба эти деятеля могли только на время заключить между собой союз. Но ни одна из сторон не имела достаточно сил предотвратить немецкую катастрофу, как позже назовут приход Гитлера к власти. И Штрассер, и Церер верили, что им предназначена особая участь, что именно они принесут на немецкую землю факел нового социального порядка. Но «новый порядок» стал словосочетанием из гитлеровского арсенала, в него фюрер вложил совершенно другой смысл.

Если мы попытаемся рассмотреть «Черный фронт» с точки зрения идеологической тактики, не принимая во внимание организационные альянсы, то его

границы окажутся чересчур тесными, чтобы воплотить мечты Штрассера в жизнь. «Боевое содружество» как костяк «Черного фронта» поддерживало постоянно контакты только с «вервольфами» и штурмовиками Штеннеса. Первые позволили установить связь с «Сопротивлением» Э. Никиша и «Оберландом». Революционные СА можно относить к «Черному фронту» с гигантской натяжкой. Весьма обширные связи Штрассера позволили ему наладить также контакты с некоторыми представителями «Стального шлема» и «Младогерманского ордена». При этом остается непонятным, как долго они продолжались и какой характер носили. То же можно сказать и про молодежные «бюндише»-организации. В многочисленной литературе о «бюндише»-молодежи нет ни одного упоминания о ее связях с «Черным фронтом». Если Штрассер уделял ей внимание в своей газете, то из этого вовсе не следовало, что молодежные организации были союзниками революционных национал-социалистов. Эти сообщения привели в «Черный фронт» всего несколько человек. Сам же фронт, созданный Штрассером, не являлся организацией, представлявшей серьезную угрозу для гитлеровской партии. Он мог быть таковым, если бы Штрассер сплотил воедино все национал-большевистские и национал-революционные организации. Но это было ему не под силу. Штрассер предпочел выдумать миф о своей могущественности. Он развил его до невероятных размеров во время канадской эмиграции. После войны даже не счел нужным избавиться от него. Почти все мемуары Отто Штрассера наполовину являются выдумкой, плодом честолюбивых фантазий.

Глава 5

«ЧЕРНЫЙ ФРОНТ» В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Казалось, что после Второго имперского конгресса «Боевое содружество революционных национал-социалистов» растворилось в хаосе Веймарской республики, предшествующем приходу Гитлера к власти. Действительно, революционные национал-социалисты допустили ряд промахов и ошибок. Какое-то количество штрассерианцев предпочло вернуться обратно в НСДАП, кто-то решил связать свое будущее с коммунистами. Но подобная постановка вопроса во многом неточна. Она не принимает во внимание длившееся до 1935 года сопротивление группы Отто Штрассера гитлеровской унификации

Семнадцать месяцев, которые прошли между Вторым имперским конгрессом и запретом «Боевого содружества», можно разделить на два этапа. Организационный руководитель КГРНС Хильдебранд назвал первый из них временем кризисов и слабостей. Его границей можно считать июль 1932 года. Последствия многочисленных кризисов оказались очень существенными: большинство боевых округов развалилось, многие боевые группы вообще исчезли, из «Боевого содружества» вышли такие известные деятели, как Ганс Вендт и Пагель. Но после затяжного кризиса КГРНС ждал почти триумфальный успех.

В августе 1932 года Эрнст Гроссе издал в Мюнхене мятежный листок «Правда жизни», в котором разоблачал мнимый аскетизм Гитлера. Почти сразу же после выхода в свет этой газетки была создана группа

поддержки Гроссе, которая состояла в основном из бывших членов НСДАП. Ее лидер рассчитывал получить поддержку не только в Баварии, а потому почти сразу же связался с Отто Штрассером. Их встреча состоялась 29 сентября 1932 года. Штрассер и Гроссе решили преобразовать мюнхенскую организацию в филиал «Боевого содружества» — «боевую группу».

Шефом новой структуры исполком «Боевого содружества» назначил очень известного в Мюнхене бывшего фрайкоровского офицера Людвига Эстрайхера. Сам Гроссе, дав своей газете новое название — «Немецкий прожектор», решил передать ее в распоряжение Штрассера. Именно благодаря пропаганде «Прожектора» из НСДАП удалось выманить многих недовольных политикой Гитлера. Сам Гиммлер с тревогой следил за происходившими событиями. Чтобы изгнать недовольных, ему пришлось лично объехать все партийные организации Баварии.

Штрассер осмелел до того, что решил отправиться к «коричневую столицу», дабы поучаствовать в диспуте с редактором коммунистической «Новой газеты». Но полиция, опасаясь, что диспут выльется в кровавое побоище между коммунистами и нацистами, запретила это мероприятие. К тому же нельзя было исключать, что нацисты нападут не только на представителей КПГ, но и на неугодного им Штрассера. И тут руководство «Боевого содружества» допустило очередную ошибку. Оно невольно спровоцировало выход из организации Людвига Эстрайхера и Эрнста Гроссе. Они предпочли присоседиться к одной из многочисленных парамилитаристских националистических организаций. Оплот штрассерианцев в Мюнхене исчез.

Новую группу в Мюнхене было поручено сформировать Фридриху Беру. Но тот прекрасно осознавал, что штрассерианская структура недолго просуществует в нацистском логове. В итоге он обратился к руководству с предложением начать сотрудничество с баварскими коммунистами, которые могли худо-бедно организовать защиту. После недолгих раздумий Штрассер одобрил этот план. В первых числах мартах 1932 года Бер торжественно открыл в Аугсбурге «опорный пункт» «Боевого содружества революционных национал-социалистов». На этом мероприятии присутствовало 35 гостей. 20 из них были коммунистами, остальные членами союза «Танненберг». Примечательно, что полицейский осведомитель в своем отчете говорил всего лишь о трех баварских штрассерианцах! Присутствие же на этом собрании депутата баварского ландтага коммуниста Вагнера позволило осведомителю сделать поспешный вывод о том, что «Боевое содружество» являлось прокоммунистической группировкой.

После шести месяцев изнурительной работы ряды «Черного фронта» вновь стали пополняться. В него по всей Германии вступило более тысячи человек. Казалось, Штрассер вновь был на коне.

Рост численности членов «Боевого содружества» опять вызвал к жизни проблему создания собственной охранной группы, которая была бы в состоянии успешно противостоять нарастающему террору гитлеровских штурмовиков. Исполнительный комитет КГРНС уже давно вынашивал этот план. В октябре 1930 года были созданы «Вооруженные революционные бойцы», которые в июне 1931 года поступили в распоряжение Вальтера Штеннеса. На Втором им-

перском конгрессе эта идея получила дальнейшее развитие. Под руководством Ганса Вендта была создана «боевая саботажная группа». Но после того как Вендт покинул ряды «Боевого содружества», а склады с боеприпасами, принадлежавшими саботажной группе, взлетели на воздух, Штрассеру пришлось обходиться несколькими личными охранниками, которые сопровождали его во время поездок по стране.

С октября 1931-го по июль 1932 года революционные национал-социалисты проводили свои мероприятия под защитой коммунистических боевых организаций. Со временем количество нападений гитлеровских штурмовиков сократилось. Но это было связано отнюдь не с усилившимися мерами безопасности или более лояльной позицией СА, а с тем, что «Боевое содружество» фактически прекратило проводить публичные мероприятия. Но в июне 1932 года гауляйтеры НСДАП получили приказ всячески противодействовать вновь активизировавшимся революционным национал-социалистам. По стране вновь прокатилась волна нападений и покушений.

4 сентября 1932 года майор Бухрукер по поручению исполнительного комитета «Боевого содружества» призвал наиболее решительных членов организации вступать в «Черную гвардию». Обязательными критериями для приема были: дисциплина, преданность идее, неукротимый боевой дух. Эта организация, сплотившая в своих рядах «политических солдат», должна была сражаться до полной победы с вооруженными фашистскими группами. «Черная гвардия» должна была участвовать не только в самообороне, но и в пропагандистских акциях. Чтобы расширить базис этой структуры, Бухрукер обратился

«к старым штурмовикам, которые осознали бесперспективность политики Гитлера; к честным красным фронтовикам, которым стала понятна бессмысленность братоубийственной борьбы; к членам «Стального шлема», которые не хотели возвращения монархических трусов, истинных виновников позора 9 ноября 1918 года; к товарищам из «Имперского знамени», которые пережили крах, но не утратили желания сражаться».

Когда в октябре 1932 года майор Бухрукер поручил «Черной гвардии» выполнение политических задач, то придал этой организации некий историко-мифологический аспект. Заглянув во времена Крестьянской войны, Бухрукер нашел там прототип «Черной гвардии» — «Черный отряд Флориана Гейера». «Черная гвардия» должна была на манер гитлеровских СС стать элитой немецких революционеров, «острием меча «Боевого содружества».

7 октября 1932 года состоялся Третий имперский конгресс КГРНС, на котором в качестве гостей присутствовали представители «Вервольфа», «Оберланда», «Действия», «Ландфолька» и революционных СА. На съезде обсуждались в основном вопросы, касающиеся «Черной гвардии». Центральной темой стала выбранная Штрассером тема «прорыва» Немецкой революции и начала подготовки к ней. Место проведения конгресса, городок Лойхтенберг, было выбрано не случайно. Оно должно было продемонстрировать связь между «Боевым сообществом» и молодыми социалистами. Дело в том, что в Лойхтенберге существовал сильный молодежный социалистический кружок, состоящий в основном из членов «Немецкого фрайшара». Эта организация ставила целью возрож-

дение истинно немецкой демократии. «Фрайшар» сотрудничал с «Имперским знаменем», Младогерманским орденом Артура Марауна, а в своих теоретических разработках опирался на идеи профессоров Адольфа Райхвайнена и Ганса Фрейера. В одинаковой степени отрицая фашистский и коммунистический тоталитаризм, эта политизированная молодежь стремилась провести в жизнь общественную систему, построенную на религиозной и социальной этике. Члены «Немецкого фрайшара» установили контакты с революционными национал-социалистами и национал-революционерами еще в 1930 году. Среди их первых союзников из этого лагеря оказались Фридрих Хильшер, Карл Петель и Отто Штрассер. Дискуссия, проведенная на тему «Немецкая нация с Марксом или против него?», стала их самым крупным мероприятием, о котором говорили по всей Германии.

Третий конгресс «Боевого содружества» длился три дня. На нем присутствовало около 200 делегатов и 250 гостей. Штрассер и Бухрукер решили сделать ставку на внешние эффекты, на визуальное оформление конгресса. На немногих уцелевших фотографиях можно увидеть новую форму революционных национал-социалистов: черная рубашка, портупея, черные брюки, сапоги и низкая черная фуражка. Все это дополнялось специальным знаком на галстуке: перекрещенными серебряными мечом и молотом. Их торжественное шествие очень напоминало манифестации «вервольфов» или эсэсовцев. В основном новая форма выдавалась членами «Черной гвардии», что должно было продемонстрировать ее принадлеж-

ность к *«новой аристократии, новому слою господ, осознанному меньшинству»*.

Вечером 7 октября исполнительный комитет сделал сообщение о деятельности «Боевого содружества» за прошедший год и революционных акциях, запланированных на ближайшее время. Штрассер акцентировал внимание присутствовавших на новых успехах движения революционных национал-социалистов. В связи с этим он призвал региональных лидеров еще более усилить пропагандистскую деятельность. После этого состоялись перевыборы исполкома КГРНС. Сенсации не произошло. В него вновь попали Штрассер, Бухрукер и Бланк. Собственно говоря, сам конгресс начался на следующий день, 8 октября. В 14 часов Отто Штрассер сделал перед собравшимися делегатами и гостями длиннющий аналитический доклад о слабости партийной парламентской системы. Он предрекал скорейшее крушение Веймарской республики, но вряд ли предполагал, что оно не доставит ему никакой радости. Во второй части Штрассер вел речь о задачах «Боевого содружества», которое уже называл *«рыцарским орденом»* и *«офицерской школой Немецкой революции»*. После короткого финансового отчета лидер тюрингского боевого округа зачитал приветственные телеграммы, которые пришли от председателя «Вервольфа» Клоппе, «Национал-социалистической оппозиции» в лице гауляйтера Рота и «Союза немецких национал-коммунистов». После этих поздравительных адресов были зачитаны дружеские письма из Голландии, Австрии и Судетской области Чехословакии. Сам конгресс закончился назначением руководителя «Черной гвардии».

Сравнивая количество гостей и поздравительных

телеграмм, казалось, что «Черный фронт», как и в 1931 году, остался формальным объединением штрассерианцев, «вервольфов» и некоторой части представителей «Ландфолька». Примечательно, что после окончания пленарных заседаний состоялся закрытый «товарищеский ужин», на котором присутствовали не только известные деятели «Черного фронта», но и новые лица: издатель из Йены Дидерик, социалистически настроенный профессор Борински, редактор газеты «Оппонент» Харро Шульце-Бойзен. Тот самый Хульце-Бойзен, который позже создаст легендарную «Красную капеллу». Эти люди подробно излагали свое видение социализма. Выглядело это так, будто Штрассер решил наконец-то прислушаться к чужому мнению. Но на самом деле он пригласил почетных гостей, чтобы показать им генеральный сбор и присягу тысячи членов «Черной гвардии». Это должно было стать наглядным подтверждением силы не только нового подразделения, но и всего «Черного фронта».

Официальное закрытие конгресса состоялось на следующий день. После чего Штрассер принял участие в мероприятии, проводимом КПГ. Подобная поспешность была вызвана тем, что оратором на этом собрании должен был быть Вильгельм Корн, бывший член «Боевого содружества». Штрассер со своей группой поддержки хотел во что бы ни стало помешать ему выступить. Как ни странно, но на критику позиции Корна Штрассер получил разрешение у КПГ. Дискуссия между бывшими соратниками длилась полтора часа, ни разу не прерванная ни одной стороной.

Несколько дней спустя после окончания съезда «Черного фронта» был опубликован «Манифест Третье-

го имперского конгресса». Он развивал политические тезисы, выдвинутые в октябре 1931 года. Было провозглашено, что начался «прорыв Немецкой революции». Она, революция, должна исходить из утверждения самобытности немецкого народа и его национального становления, прибегнув к помощи фронтового опыта и военным переживаниям. После того как произойдет крушение капиталистической системы, как будут осознаны ошибки КПГ и НСДАП, «Черный фронт» начнет социалистическую революцию и национально-освободительную войну, которые будут вестись силами всех социалистов. В этот фронт должны будут войти братья Штрассер, Граф Ревентлов, Зеверинг, Рихард Шерингер и многие другие. Именно этот фронт свергнет правительство «немецкого Милюкова» — фон Папена. Такой натиск должен был положить конец «эпохе Керенского» в Германии, вызвав к жизни неудержимую стихию Немецкой революции. По сравнению с 1931 годом Третий имперский конгресс не принес ничего нового, если не считать создание «Черной гвардии», которая должна была придать «Черному фронту» некий милитаристский оттенок. Теоретические же взгляды революционных национал-социалистов остались теми же, что и в прежние годы. И это несмотря на то, что внешнеполитическая ситуация, в которой оказалась Веймарская республика, кардинально поменялась.

К сожалению, невозможно проанализировать тогдашний социальный состав «Черной гвардии». О ее деятельности известно, что первые группы были созданы Бухрукером в августе 1932 года в Силезии, Галле и Берлине. 4 декабря «Черный фронт» сообщал,

что в ряде местных организаций СС произошел раскол: некоторые члены охранных отрядов НСДАП покинули партию, примкнув к «Черной гвардии».

Весьма обрывочные сведения дошли до нас и о руководящих кадрах «Черной гвардии». Ее руководителем был назначен Хейманн, типичный образец национал-социалиста, который после ряда неудач решил покинуть НСДАП и вступить в «Боевое содружество». В 1932 году это был далеко не единичный случай. Среди нацистов, присоединившихся к Штрассеру, был депутат саксонского ландтага Фишер, который в сентябре 1932 года осудил *«иезуитскую политику гитлеровской партии»*, опубликовав в «Мюнхенер пост» статью с подобным же названием. Массовый отток из СА произошел в таких крупных городах, как Кёльн, Франкфурт, Нюрнберг, Кенигсберг. В то же время произошел очередной раскол в «Гитлерюгенде». Но далеко не все вышедшие из НСДАП и ее подразделений присоединились к «Боевому содружеству». Часть из них вступили в КПГ, кто-то примкнул к АНТИФА.

Но вернемся к Хейманну. Он был крайсляйтером НСДАП в местечке Бремерред, где постоянно конфликтовал со своим начальством. Хейманн заявил о вступлении в «Боевое содружество революционных национал-социалистов», лишь когда руководство гау исключило его из партии. При поддержке Отто Штрассера и его службы безопасности он провел мероприятие, получившее название «низложение Эрнста Рёма». Хейманн был известным политиком в своей округе, и за ним последовало несколько десятков членов НСДАП, из которых он сформировал одну из первых ячеек «Черной гвардии».

В Берлине «Черная гвардия» создавалась постепенно. Здесь она объединила личную охрану Отто Штрассера, несколько штурмовиков Вальтера Штеннеса, а также отдельных членов «старой гвардии СА», среди которых было немало соратников легендарного Хорста Весселя. В декабре 1932 года здесь возникла еще одна ячейка «Черной гвардии», которая была сформирована из бывших эсэсовцев, покинувших гитлеровскую партию. В начале января Штрассера ждал успех в Гамбурге. Ситуация настолько накалилась, что командующий местными штурмовиками Штойблин вместе со своим «полком СА» откололся от НСДАП и прибился к Штрассеру.

Но наиболее интересна история Вильгельма Кайзера. В 1925 году, когда ему было 17 лет, он вступил в НСДАП. В 1927 году ему удалось создать местную организацию «Гитлерюгенда». В 1928 году был тяжело ранен в уличной стычке с коммунистами. Его активность и организационные способности обеспечили быстрый карьерный рост. Уже в 1929 году Кайзер возглавил молодежную организацию нацистов по всей Рейнской области, а 1 января 1930 года был провозглашен не только имперским оратором, но и получил контроль над всей гитлеровской молодежью западной Германии. Но вместе с тем Кайзер отказывался признать легальный путь прихода к власти, проповедуемый Гитлером. В апреле 1932 года он со своими многочисленными сторонниками создал «Революционное освободительное движение», которое действовало в Кёльне и его окрестностях.

18 декабря 1932 года «Революционное освободительное движение» присоединилось к «Боевому содружеству революционных национал-социалистов».

Теперь у «Черного фронта» в Рейнской области появилась не только собственная газета «Немецкий путь», но и отделение «Черной гвардии». До 1936 года Вильгельм Кайзер был видной фигурой в немецком сопротивлении. Он продолжал борьбу против Гитлера до тех пор, пока не был арестован и заключен в концентрационный лагерь.

Но сама история «Черной гвардии» не стала чем-то уникальным. Численность этой организации вряд ли превышала 300 человек. Когда в январе 1933 года Штрассер назначил новый генеральный сбор своих охранных отрядов, то на него прибыло около 50 человек. Сотни «черногвардейцев», присутствовавших на Третьем имперском съезде, были обыкновенной показухой. Однако это не мешало гитлеровским СА относиться к карликовой организации вполне серьезно. После запрета в феврале 1933 года «Черной гвардии» Бухрукер и его подопечные были тут же арестованы.

За существованием «Черной гвардии» с опаской следило и Веймарское правительство. В декабре 1932 года оно силами полиции провело ряд обысков и облав в надежде найти оружие и взрывчатку, все было безрезультатно.

Однако нельзя отрицать, что в последние дни существования Веймарской республики Штрассеру удалось активизировать свою деятельность на локальном уровне. К нему присоединялись те, кто разочаровался в Гитлере. Внезапная активность и энергичность Штрассера стала ответом на эту революционную нетерпеливость. Но эти люди, их радикальный социализм и стремление к насилию ставили под вопрос дальнейшее сотрудничество с коммунистами. Не-

смотря на социалистическую фразеологию, «Черная гвардия» оказалась больше связанной с НСДАП и ее СА, нежели с социалистическими или национал-революционными кругами. Как ни старался Штрассер, накануне прихода Гитлера к власти «Боевое содружество» уже не было тем мобильным движением, каким оно являлось летом 1930 года. Но именно эта мнимая активность привлекла теперь к Штрассеру недовольных членов НСДАП. Он занялся безрезультативной критикой легального гитлеровского пути. К началу 1933 года «Боевое содружество» было разнородным, как никогда. К Штрассеру присоединялись националисты, которые далеко не всегда восторгались революционно-социалистическими тезисами своего лидера. Вследствие этого в КГРНС стали нарастать идеологические противоречия. Если раньше головной болью Штрассера была левая оппозиция и национал-большевики, то теперь он рисковал поссориться с правым крылом. В итоге возникло различное отношение к гитлеровскому режиму. Социалистические элементы продолжили свою борьбу, в то время как националисты после первых успехов Гитлера на посту рейхсканцлера предпочли поддержать его. Они ведь никогда не отказывались от его идеологии, а НСДАП покинули по чисто тактическим соображениям.

Но это было потом, а 4 декабря 1932 года «Боевое содружество» трактовало назначение главой правительства Шляйхера как наступление переходной эпохи. Революционные национал-социалисты отдавали должное силе и упорству генерала Шляйхера. Назначение нового канцлера означало окончательную победу над реакцией. С падением Папена «реакция

проиграла битву и на ней можно было поставить крест». И хотя Гинденбург продолжал держаться за Папена, а финансовые круги до сих пор были готовы поддержать предоставление ему чрезвычайных полномочий, но бывший канцлер ничего не мог противопоставить широкой политической коалиции, которая стояла за спиной Шляйхера. На взгляд «Боевого содружества» этот политический деятель пользовался расположением в военных кругах, к тому же он был самым молодым немецким генералом — ему было всего лишь 50 лет. Путь в рейхсканцелярию ему проложили партии центра. В его коалиции наличествовали социал-демократы и представители профсоюзов, но они не питали никаких иллюзий по поводу того, кто был главной силой в новом правительстве. Они выбирали наименьшее зло, так как «социальный генерал» в сто раз был привлекательнее Папена и в тысячу раз прекраснее Гитлера.

И тут «Черный фронт» повторил старую ошибку — Штрассер где-то увидел влияние Гитлера. Мол, фюрер только для публики являлся оппозиционером, а на самом деле заключил тайное соглашение с новым канцлером. Это соглашение якобы не просто предоставляло нацистам свободу действий, но и позволяло фактически править страной. В напряженных отношениях между правительством и НСДАП было виновато окружение фюрера, но вовсе не он сам и тем более не генерал Шляйхер. Штрассер утверждал, что назвать позиции Шляйхера прочными можно было лишь с определенной натяжкой, так как он не имел значительной поддержки в рейхстаге, а общественное мнение не доверяло ему. Когда коммунисты вынесли предложение о вотуме недоверия правитель-

ству, в «Боевом содружестве» очень рассчитывали на скорейшее падение кабинета Шляйхера. В рейхстаге канцлер мог рассчитывать на голоса Баварской народной, Немецкой народной и Немецкой народно-национальной партий. Кроме этого, он взял курс на достижение в стране экономического согласия, для чего требовалась поддержка промышленных кругов, которые не могли простить ему заигрывания с профсоюзами.

Все это говорило о том, что Шляйхер рисковал превратиться в «немецкого Керенского». Его политика «социальной открытости» была просто раздираема противоречиями. Руководство «Боевого содружества» надеялось на возникновение «истинно якобинского правительства» во главе с Гитлером или Грегором Штрассером. Оно должно было положить начало якобинско-жирондистской революции, которую немецкие революционные социалисты хотели обратить против капиталистического порядка.

В кризисе НСДАП, который был вызван Грегором Штрассером, решившим поддержать Шляйхера, революционные национал-социалисты увидели признаки явного разложения гитлеризма. Подобные выводы были подкреплены итогами выборов в Тюрингии, на которых НСДАП потеряла почти каждого пятого избирателя. *«Мы приветствуем результаты этих выборов, так как они показали нам, что немецкий народ устал от предвыборной борьбы и принял правильное решение. Это решение, конечно, не обрушит здание нынешней партийной системы, так как на политической арене нет партии, которая бы вырвала народные массы из летаргического сна, усталости и апатии. Но мы рады, что час от часу*

подтверждается правильность нашего пути». Неудача на тюрингских выборах объяснялась потерей НСДАП голосов буржуазии. Возникало опасение, что нацисты и марксисты создадут единый фронт, дабы совместно содействовать крушению республики.

По мнению руководства «Боевого содружества», в НСДАП имелось два очага недовольства. Во-первых, это были производственные ячейки, с идеями которых постоянно боролось мюнхенское руководство, так как те требовали проведения социалистических акций. Во-вторых, это был конфликт в высшем руководстве нацистской партии, вызванный распутной жизнью гомосексуалиста Эрнста Рёма. Именно эта щекотливая ситуация должна была предопределить выход Грегора Штрассера из НСДАП. Революционные национал-социалисты очень рассчитывали на подобное двойное разложение. Они полагали, что НСДАП была готова развалиться под грузом внутренних проблем.

Но подобные прогнозы не имели ничего общего с реальностью, а потому вскоре надежды штрассерианцев рухнули как карточный домик. Грегор Штрассер наотрез отказался нарушать партийное единство. А сам Шляйхер поддержал создание системы коллективной безопасности, что было воспринято националистами как «антигерманская внешняя политика». Дело в том, что 11 декабря 1932 года в Женеве обсуждались проблемы обозначенной коллективной безопасности, к которой предполагалось подключить США, Францию, Великобританию, Италию и Германию.

Еще более чреватой последствиями штрассерианцам казалась договоренность Гитлера с буржуазными

партиями о переносе выборов в рейхстаг на неопределенный срок. Это решение сделало фракцию НСДАП *«преданным ландскнехтом Шляйхера, и это в то время, когда правительство все больше попадало в изоляцию, лишившись основной опоры — рейхспрезидента Гинденбурга»*.

КГРНС заявляло даже об «удивительной живучести» кабинета Шляйхера. Штрассер вполне справедливо предполагал, что за кулисами скрывалась представительская коалиция, которая ставила целью подрыв авторитета Гинденбурга. С одной стороны, Гитлер был вынужден считаться с положением Шляйхера. Но с другой — он своими закулисными переговорами стремился устранить неудобного канцлера или, по меньшей мере, помешать ему установить полусоциалистическую диктатуру. Основой предполагаемой диктатуры должен был стать союз Шляйхера с Грегором Штрассером и лидером профсоюзов Лайпартом. Но Грегор Штрассер потерпел фиаско. Организованная Геббельсом кампания травли полностью дискредитировала его в глазах национал-социалистов. Для Отто это было двойным ударом. Во-первых, он трактовал события последних дней как реванш капитализма над социалистическими настроениями в НСДАП, которые чуть было не одержали победу. Во-вторых, они делали бессмысленной любые попытки Шляйхера сблизиться с левыми национал-социалистами. У канцлера не было другого пути, кроме объединения с реакционером Папеном, Гитлером и Гинденбургом. «Переходная эпоха» Шляйхера вовсе не закончилась победой социалистических идей, как на это рассчитывали в «Боевом содружестве». Гитлеровская тенденция стала одержи-

вать верх. В этой смертельной схватке «немецкий Керенский» не мог больше рассчитывать на чудо.

Где-то за неделю до назначения Гитлера рейхсканцлером Германии «Черный фронт» опубликовал обзор политических событий прошедшего месяца, в котором говорилось, что капиталистическая система нанесла поражение «жирондистам» Шляйхеру, Грегору Штрассеру и Адольфу Гитлеру. А потому автор статьи приходил к выводу, что «жирондисты» были не в состоянии победить эту систему.

Судьба сыграла еще раз злую шутку с «пророком Штрассером». 29 января, накануне восхождения Гитлера к власти, он возвестил о якобы сложившейся тайной коалиции нацистов, немецких националов, католических партий, которая ставила целью привести к власти коалиционное правительство со главе с Ялмаром Шахтом. Но на следующий день после подобного «блестящего» прогноза рейхсканцлером стал Адольф Гитлер. Казалось бы, настал тот долгожданный час прихода к власти пресловутых «жирондистов», которые, как надеялся Штрассер, дадут толчок к Немецкой революции.

Очень сложно сказать, откуда брал свою информацию лидер «Черного фронта». Нередко он приводил достоверные сведения о закулисных политических переговорах. Нередко интерпретировал ее в благоприятном для революционных национал-социалистов виде. Это был не просто политический анализ, а своего рода политические заклинания, которые должны были укреплять надежды группировки, никогда не имевшей политического веса.

Грегор Штрассер поразил брата отказом от министерского поста. Революционные национал-социали-

сты прекрасно знали о разногласиях между Грегором Штрассером и Гитлером. Они полагали, что Грегор пользовался большим авторитетом в НСДАП. В большой статье, опубликованной в «Черном фронте» 18 декабря 1932 года, предельно детально излагалась подоплека противоречий лидера левых нацистов и фюрера. Это еще раз доказывало: Отто обладал довольно верной информацией. Переговоры НСДАП и партий центра о создании в Пруссии «черно-коричневой коалиции» вызвали конфликт в нацистской верхушке. Геббельс и Геринг не могли смириться с тем, что им не досталось министерских постов, в то время как Грегор Штрассер должен был стать министр-президентом Пруссии. Эта конкуренция стала причиной серии закулисных интриг, направленных против Грегора. Геббельс надеялся уговорить Гитлера отказаться от идеи коалиции с центристами.

Штрассер оказался не менее настойчивым— он требовал от Гитлера принятия немедленного решения. Не стоило забывать, что НСДАП на тот момент имела долгов на 13 миллионов марок, а потому на новых выборах вряд ли могла рассчитывать на финансирование. Итог мог быть плачевным — нацисты рисковали потерять пару миллионов избирателей. Чтобы выиграть время, Грегор Штрассер предложил из чисто тактических соображений принять ультиматум Шляйхера. Таким образом он планировал устранить угрозу со стороны канцлера и пополнить казну партии.

Грегор Штрассер все еще надеялся на официальное изменение курса партии, которое должно было означать возврат к старому революционному национал-социализму. Причем это была последняя воз-

можность привлечь на свою сторону профсоюзы и марксистские массы. Подобная коалиция должна была предотвратить скатывание НСДАП до уровня антисемитской экономической партии. Отто Штрассер полагал, что в данном случае «мамелюки» Гитлера поджали бы хвосты. Это также нанесло бы смертельный удар по *«косолапому Фуше Немецкой революции»*[1], который еще со времен своего *«бамбергского предательства мечтал опрокинуть кажущегося непоколебимым великана Грегора Штрассера»*. Но «великан» рухнул в одночасье, когда против него стали плести интриги.

Для автора статьи «Выдворение Грегора Штрассера» подобный исход событий не был неожиданным. Казалось, он только был поражен пассивным поведением самого Грегора. Автор не мог понять, почему Штрассер смирился с «пошлым муссолиниевским стилем коричневого дома». В «Боевом содружестве» очень надеялись, что наконец-то Штрассер-старший разорвет отношения с Гитлером и присоединится к борьбе революционных национал-социалистов. *«Они, простые партийцы и пролетарское ядро СА, видят в Грегоре Штрассере последнего гаранта своей социальной воли; каждому из них совесть задает вопрос: будут ли они дальше служить фашистской гитлеровской партии либо их любовь к национал-социализму обяжет бороться против Гитлера?»*

Подобное живое описание, конечно, было высосано из пальца. Отто прекрасно знал, что Грегор пожертвует своими социалистическими идеалами во имя тактического единства партии. Цель статьи —

[1] Так любил называть Й. Геббельса Отто Штрассер.

сделать достаточно грубый намек Грегору Штрассеру, тем самым подготовив сближение двух братьев. В литературном порыве автор этой публикации даже сравнивал уход Грегора Штрассера с отставкой, которую дал Бисмарку Вильгельм II. Стараясь сохранить обозначенные исторически рамки, о Гитлере говорилось, как о Вильгельме III, который после победы непременно продаст Немецкую революцию.

Все эти пассажи говорят только об одном: в течение декабря 1932 года Отто и Грегор Штрассеры не поддерживали никаких контактов. Но в этом, скорее всего, был виноват Грегор. Для него как талантливого организатора были неприемлемы экстремистские взгляды брата, а потому он даже не собирался связываться с ним.

Отто понимал, что старший брат осуждал его политическую линию. У Штрассера-младшего оставалась единственная возможность распространения своих взглядов среди друзей Грегора и штурмовиков. Отто решил использовать клеветническую кампанию, которую против брата развязали Геббельс и Геринг. Отто набросился с критикой на шпионскую тактику партии. Лейтенант Шульц, в то время правая рука Грегора, был, оказывается, тайно назначен на этот пост Гитлером, чтобы мешать активности Штрассера. В рамках этой клеветнической кампании Геббельс представлял «Боевое содружество» проеврейской, политически бессильной организацией. Он не хотел, чтобы штрассерианцы получили какую-то выгоду от ухода Грегора из НСДАП. Левые нацисты не должны были последовать за своим вожаком. Следовало также успокоить производственные ячейки, весьма недовольные политикой Мюнхена. Нового раскола в НСДАП Геббельс никак не мог допустить.

Когда 30 января 1933 года Гинденбург назначил Гитлера канцлером Германии, в СА складывалась весьма критическая ситуация. Но теперь Гитлер мог предотвратить недовольство. Его приход к власти убедил многих нацистов в том, что фюрер все точно рассчитал и, казалось бы, самоубийственная политика легального пути наконец-то принесла свои плоды.

После того как Грегор отказался раскалывать НСДАП, надежды Отто на развал гитлеровской партии рухнули. Теперь «Боевое содружество» могло рассчитывать только на волнения в СА, где было неспокойно еще со времен Вальтера Штеннеса. Недовольство штурмовиков стало проявляться уже в 1931 году, сначала в Берлине и Гамбурге. В начале 1932 года в прессе было опубликовано заявление берлинских СА. Оно показало общественности, какой тревожный дух царил в СА. В тексте говорилось, что штурмовики были преданы и проданы партийным руководством. Они оказались брошенными на произвол судьбы. *«Господа из Гарцбургского фронта использовали их как средство, в то время как изумленные товарищи по СА посещали их в лазаретах».* Ответственность за предательство возлагалась на бонз из ведомства Геббельса.

Газета «Черный фронт» не раз пыталась стать рупором СА, но ее революционные призывы не были услышаны штурмовиками. Беспокойство стало усиливаться, когда штурмовики Штеннеса стали проводить «вечеринки», на которых собирали противников легального пути. В полицейских архивах даже нашлось сообщение о собрании оппозиционных штурмовиков. По ошибке полицейский чин зачислял их в ряды штрассерианцев, но на самом деле инициаторами

мероприятия выступали революционные СА Вальтера Штеннеса. Причем речь шла не о каких-то малоизвестных людях. На этой попойке собрались штурмовики уровня шарфюреров и даже группенфюреров СА.

Действия этой группы, организованной втайне от Мюнхена как «Союз национал-социалистических фронтовиков», по сути не представляли никакой угрозы для гамбургского филиала НСДАП.

После неудачи на выборах в августе 1932 года Штрассер пытался использовать это недовольство, чтобы создать совместно с «Имперским знаменем» и «Красными фронтовиками» Единый социалистический фронт. Но его заявления о «главном враге — капитализме» не находили понимания у штурмовиков, для которых «красные» всегда являлись противниками.

После конфликта Грегора Штрассера с Гитлером «Черный фронт» снова опубликовал призыв к штурмовикам. *«Грегор Штрассер завершил цепочку «происшествий», которые происходили с Мюке, с Отто Штрассером, с Вальтером Штеннесом и многими другими. Честным немцам, честным социалистам, истинным протестантам больше не место в гитлеровской партии! Штурмовики должны поднять протест против византийского верноподданничества, ненемецкого раболепства. Вы, штурмовики, должны включиться в борьбу как пламенные социалисты, фанатичные националисты, убежденные сторонники народной социалистической революции».*

12 января в связи с СА разразился новый скандал. Штрассер тут же загорелся надеждой, что СА наконец-то восстанут против Гитлера. Штегманн, группенфюрер СА, депутат рейхстага, был отрешен от

всех должностей после конфликта с Юлиусом Штрайхером, главным антисемитом в НСДАП. Тут же в общенациональной прессе стали мелькать сообщения о склоках в руководстве нацистской партии. Несмотря на опровержение «Фёлькише беобахтера», в прессе продолжали муссироваться слухи о кризисе СА, который рисковал *«вылиться в мятеж ландскнехтов НСДАП»*. 23 января 1933 года Штегманн создал новую организацию, в которую вошло около 100 человек. К нему присоединились сочувствующие штурмовики из Нюрнберга, Франконии, Рура. В целом раскол задел только два гау и НСДАП потеряло всего лишь две тысячи человек. Впрочем, штегманновский кризис не шел ни в какое сравнение с расколом, который вызвал Штеннес. Но политический кризис мог разрастись, вызвав волну насилия и вооруженные действия, о которых все чаще говорили в СА.

Штрассеру не только не удалось установить контакт со Штегманном, он смог запланировать будущую совместную деятельность. Даже приход Гитлера к власти не мешал «верховному лидеру» «Черного фронта» надеяться на разрастание конфликта в гитлеровской партии. Фиаско Грегора Штрассера, неспособность «Боевого содружества» воспользоваться беспорядками в штурмовых отрядах еще раз показали, что группа Отто Штрассера не имела никакого влияния на НСДАП. Штрассерианцы были не в состоянии не то что предотвратить, но хоть как-то помешать приходу Гитлера к власти.

«Боевое содружество» оказалось совершенно не готово к падению кабинета Шляйхера и назначению Гитлера новым канцлером Германии. Штрассер, как

помним, предрекал появление переходного правительства Я. Шахта. Сомневаясь, что Гитлеру удастся долго удержаться у власти, 8 февраля 1933 года «Черный фронт» вышел под заголовком «ГИТЛЕР—КЕРЕНСКИЙ».

Шляйхер не смог справиться со злейшим врагом Германии — капитализмом. Для этого у канцлера, по мнению штрассерианцев, не было ни воли, ни силы. Заигрывание его правительства с профсоюзами вызвало глубокую обеспокоенность среди представителей крупного капитала, которые решили сплотиться против новой угрозы. Гугенберг, отец немецкой реакции, начал при помощи своей Немецкой народно-национальной партии атаку на кабинет «социалистического генерала». Именно он, Гугенберг, стал плести интриги, которые вылились в кельнскую встречу Гитлера и Папена. На ней было решено любыми силами спасти тяжелую промышленность.

Не видя смертельных последствий, «Боевое содружество» приветствовало падание Шляйхера, проложившего путь «жирондистам». Штрассер мечтательно заявлял, что правительство Шляйхера, «авангард Жиронды, ее правое крыло», придало новые силы Гитлеру, который будет сметен «якобинцами Немецкой революции». *«Гитлер-Керенский должен воплотить в себе открытую фазу немецкого жирондизма. Присутствие в его кабинете Папена и Гугенберга (представителей экономической реакции), а также графа Шверин-Козика и фон Нойрата (представителей государственной реакции) наталкивает только на одну мысль: Гитлер — заложник реакции!»*

Но фактически для Штрассера Гитлер был только

лишь мнимым заложником, так как в действительности динамика национал-социализма была настолько мощной, что реакции было не под силу справиться с ней. «Боевое содружество» указывало не только на нужду немецкого народа, но и на желание гитлеровского кабинета справиться с причинами этой бедности. Но национал-социализм оказался закованным в три цепи: буржуазный свод законов, Веймарская конституция и Версальский диктат. Поскольку Гитлер зависел не только от президента Гинденбурга, но и от реакционных сил, он не мог разорвать все цепи. Штрассер полагал, что новый канцлер не получит поддержки у народа и не может рассчитывать на активное, дружеское сотрудничество с трудящимися.

Противоречия между национал-социалистической динамикой и гитлеровским реформизмом должны были обостриться до предела. В течение 1933 года напряженные отношения между народом и правительством, между Гитлером и левым крылом НСДАП, между консерваторами и единым фронтом немецких революционеров должны были накалиться до предела. *«Для Графа Ревентлова, Грегора Штрассера, Карла Кауфмана, многочисленных социалистов из национал-социалистических производственных ячеек настанет время задуматься, действительно ли они являются национальными социалистами»*. И в этот момент «Боевое содружество» должно было призвать к борьбе с бессильной «Жирондой», которая падет под давлением якобинских революционеров. *«Это время станет часом «Черного фронта!»* Но когда Гитлер пришел к власти, Штрассер впервые провоз-

гласил борьбу против капитализма не силами единого фронта социалистов, а при помощи слитного союза социалистов и националистов. Это сближение с национальными силами, под которыми подразумевались правые военизированные группировки, началось в сентябре 1932 года с публикации призыва к «Стальному шлему». Штрассер надеялся, что к моменту окончательного разрыва между «якобинцами» и «жирондистами» правые военизированные организации займут либо нейтральную позицию, либо встанут на сторону бойцов Немецкой революции. «Штурмовые отряды» должны будут покинуть правительственную партию Гитлера.

На следующий день после прихода Гитлера к власти исполнительный комитет «Боевого содружества» провел внеочередное заседание. 5 февраля был отпечатан и распространен призыв «Ко всем борцам «Черного фронта». В нем говорилось, что каждый член организации должен направить все силы, стремления, а если понадобится, то и пожертвовать жизнью во имя достижения победы Немецкой революции. Казалось, Штрассер не понимал, что происходит со страной. Если обратиться к другим листовкам этого периода, мы увидим, что в них ничего принципиально не изменилось. Штрассер все так же истошно призывал штурмовиков к единому фронту Немецкой революции.

12 февраля 1933 года «Боевое содружество» издало последний легальный номер «Черного фронта». В нем Штрассер привел прогнозы «на сейчас и на завтра». Он, как всегда, витал в облаках. В программе нового правительства, оглашенной Гитлером по

радио, запрете газет, повсеместном насилии распоясавшихся штурмовиков Штрассер видел не признаки наступающей диктатуры, а дыхание приближающейся революции. *«Мнение марксистов всех мастей, что в Германии сейчас господствует фашизм, так как они принимают национал-социализм за реакцию».* Штрассер всерьез полагал, что он единственный понимал исторические процессы. Он отмахивался от опасений коммунистов. *«Их пугает неопределенность. В то же время для революционных национал-социалистов очевидно, что хаос — это росток будущего, ибо смерть сменяется новой жизнью». «Национал-социализм — это революционное народное движение, —* продолжал он, *— чья необузданная динамика в тысячу раз сильнее государственной законности. Это указывает на то, что национал-социализм не может существовать в данном хозяйстве, данном государстве, данной культуре; он по своей природе призван подорвать экономические, общественные и культурные формы. Национал-социализм выше Гитлера и добьется победы революционных преобразований вопреки Гитлеру!»*

Другие статьи этого выпуска «Черного фронта» подчеркивали «жирондистский» характер новой программы Гитлера. На основе биржевых новостей штрассерианцы пришли к выводу, что рост курса акций является доказательством того, что капитал полностью доверял Гитлеру, зная, что тот никогда не станет проводить социалистический курс. Авторы этих статей называли коалиционное правительство реакционным, так как за десять дней пребывания у власти Гитлер не провел ни одного революционного

мероприятия, которые требовались народу. Что хотел народ, знал, без сомнения, только Штрассер.

«Эти десять дней бессилия, которые не потрясли мир, принесли следующие изменения. Биржи продолжают работать. Золотой стандарт остался в силе. Не прекращен учет процентов по долгам. Не введена зимняя помощь безработным. Не проведена социализация банков. Не последовала национализация предприятий. Сохранился буржуазный свод законов. Отчисление денег по планам Дауэса и Юнга идет своим чередом. Не ликвидировано лозаннское соглашение, по которому мы должны 3 миллиарда марок. Иностранные долги возвращаются без промедления. Теоретически провозглашенное «равноправие» не нашло практического выражения. «Благоприобретенная» чиновничья иерархия осталась неприкосновенной. Права немецких суверенных земель не тронуты. Версальский договор даже не думали упразднять. Правительственная программа Гитлера признает себя ответственной за капитализм и исполнительную политику, сильную — внутри, слабую — снаружи. Реакция может торжествовать. Биржи Парижа, Лондона, Рима и Уолл-стрит могут поднимать знамя победы, час революции еще не наступил».

Но подготовку к обозначенной революции Штрассеру пришлось продолжить в подполье. 15 февраля 1933 года гитлеровское правительство запретило «Черный фронт». Оно начало длительное гонение на движение штрассерианцев, которое, несмотря на свои смелые нападки, не представляло никакой угрозы для Гитлера. Более того, нападая на Веймарскую республику, оно расчищало ему путь к власти.

Глава 6

ПАДЕНИЕ ГРЕГОРА ШТРАССЕРА

После разрыва отношений с братом Грегор Штрассер с головой ушел в политическую работу. После Гитлера он был самой деятельной фигурой в нацистском движении. Грегор был главным мотором гитлеровской партии. Однако попытка Штрассера модифицировать партийную программу изнутри, сделав больший упор на антикапиталистические положения, чем это было сформулировано в версии 1920 года, переориентировать Гитлера, закончилась неудачей. Помышлял ли Штрассер о большем, надеялся ли подорвать позиции Гитлера как вождя, остается неясным. Он был гораздо более яркой личностью, чем все другие нацистские лидеры, и больше них годился на роль вождя, но совсем иного склада, чем Гитлер. Он обладал несравненно более прямым характером, был талантливым организатором и хорошим оратором, но ему недоставало харизматической силы Гитлера. Штрассер был не из того теста — из таких, как он, не творят мифы. Он понимал превосходство Гитлера и все более отодвигался на второй план.

Вопреки распространенному мнению Грегор Штрассер не отказался окончательно от своих социалистических принципов. Об этом говорит хотя бы одна статья, опубликованная в начале 30-х годов. В ней Грегор вполне открыто заявил: «Мы, национал-социалисты, враги, заклятые враги существующей капиталистической системы с ее эксплуатацией экономически слабых... и мы полны решимости во что бы бы то ни

стало уничтожить эту систему». Геббельс придерживался той же линии в качестве гаулейтера Берлина и бросил вызов коммунистам в одной из их твердынь, одновременно используя свой талант пропагандиста, чтобы атаковать «денежных боровов капиталистической демократии». Грегор Штрассер остался в партии и продолжал иметь определенное влияние. Возможно, он сделал это намеренно, чтобы, когда придет час, имелась альтернативная Гитлеру кандитатура «социалиста». От своих идей он не смог отказаться до конца: «Народ протестует против экономической системы, которая мыслит лишь в категорих денежных купюр...У нас в стране значительная антикапиталистическая тяга. Она естественным протестом против разлагающегося общества...» (Из выступления Штрассера по радио 14 июля 1932 года.)

Гитлер нередко использовал антикапитализм Грегора Штрассера даже с выгодой для себя. Вот хотя бы один пример. Осенью 1928 года руководство главной консервативной силы страны — Немецкой народно-национальной партии — перешло в руки Альфреда Гугенберга, фанатичного, амбициозного и авторитетного короля прессы, который сколотил состояние на инфляции и построил себе целый комплекс газет, агентств, а также ведущую немецкую кинокомпанию «УФА». Ему было гораздо важнее использовать все эти средства, чтобы влиять на умы и внедрять свои реакционные взгляды, нежели приумножить капитал. Он поставил себе цель уничтожить «социалистическую республику», подорвать влияние профсоюзов и противопоставить классовой борьбе низов классовую борьбу верхов. Ради этого он готов

был пожертвовать громадные суммы, изъяв их из партии в знак протеста против политики Гугенберга, но его интересовали не они, а возможность привлечь на свою сторону массы, и он полагал, что в лице Гитлера обрел того человека, который сделает это для него.

Гитлер блистательно воспользовался предшествующим случаем. Сначала он достаточно сдержанно встретил предложение Гугенберга объединить усилия и начать совместную кампанию против плана Юнга: он знал, что сопротивление окажут не только радикально настроенные члены партии, но и многие верные нацисты, встревоженные тем, что он якшается с заклятым врагом не только профсоюзов, но и любых правительственных мер и реформ. И если ему следовало принять предложение Гугенберга, то лишь на его, Гитлера, собственных условиях: полная свобода ведения кампании и передача нацистам значительной доли средств, отведенных на ее финансирование. Когда эти условия были приняты, в качестве последнего штриха Гитлер выдвинул еще одно условие: назначить Грегора Штрассера, зарекомендовавшего себя заклятым врагом капиталистов, представителем нацистской партии в объединенный финансовый комитет. Мало кто из нацистских лидеров одобрял эту сделку Гитлера, но он сумел убедить их, что следует проявить терпение и посмотреть, что будет. И в самом деле, никто из них не заявил открытый протест и не подал в отставку.

В 1932 году Гитлер назначил Штрассера руководителем имперской организации нацистской партии, что не помешало им постоянно ссориться. На выбо-

рах 31 июля 1932 нацисты получили 230 депутатских мест, став сильнейшей партией в рейхстаге. Гитлер собирался было назначить Штрассера руководителем нацистской фракции, но в последний момент остановил свой выбор на Германе Геринге.

Со временем Грегор Штрассер стал фактическим руководителем всех избирательных кампаний, проводимых нацистами. Основным орудием в арсенале нацистской пропаганды были массовые митинги. В течение почти каждой избирательной кампании проводилось более 300 митингов в день в больших и малых городах всей Германии. Гитлер, Геббельс и Штрассер объездили всю страну, выступая на крупнейших митингах. Выступления тройки партийных лидеров изобиловали шаблонами: «Мы находимся на поворотной точке немецкой истории! — кричал Гитлер с украшенной цветами трибуны. — Мы сражаемся сегодня! Мы будем сражаться и завтра!» Направление, в котором старались действовать нацисты, было неясным. Тем не менее поток слов и эмоциональность выступлений зачаровывали людей. Скоро, обещал Гитлер, жизнь снова приобретет значение и цель и немецкий народ опять почувствует «радость в своих сердцах». Для достижения большего эффекта таких речей в городах расклеивали плакаты, разбрасывали листовки, приглашали на смотр легионов СА, распевавших на улицах «Пробудись, Германия!». 50 тысяч пластинок с записями выступлений было распространено в ходе кампании. И из репродукторов на улицах, и с грузовиков звучали обращения нацистов. Существовали даже пропагандистские фильмы: их необычайность привлекала внимание как горожан, так

и сельских жителей. Большую часть этой риторики, произнесенной, напечатанной, записанной на пластинки либо отснятой в фильмах, можно свести к одному сообщению: «Адольф Гитлер — наша последняя надежда».

В начале 1932 года Гитлеру предоставилась первая возможность сделать выбор между процессом переговоров и избирательным процессом. В мае 1932 года фон Гинденбург должен был уйти в отставку. Группа советников президента вовсе не жаждала этого. Поэтому Брюнинг попытался продлить полномочия президента на один или два года просто путем проведения голосования за доверие президенту в рейхстаге.

Хотя Гитлер продолжал резко нападать на Брюнинга с упреками в разрушительных последствиях его политики, канцлер считал, что Гитлер мог согласиться с таким предложением и избежать проверки своего мифа в соревновании с фельдмаршалом, рассматриваемым миллионами немцев как символ постонства в беспорядочном мире. Гитлер проявил несомненную заинтересованность и принял участие в переговорах с Тренером, фон Шлейхером и самим Брюнингом. Гитлер требовал ответа только на один вопрос: что получил после этого? По всей видимости, ему ответили — ничего. Тогда последовал другой вопрос: был ли Гитлер готов к открытому соревнованию с президентом?

Мнения нацистов на эту тему резко разделились. Грегор Штрассер считал, что фон Гинденбурга победить нельзя и что Гитлер не должен бросать ему вызов. Он был за переговоры, а не за борьбу на выборах,

за создание коалиции с другими партиями (например, центристами) на местном и на общегерманском уровне и за распространение влияния на различные социальные группы. Таким образом нацисты могли постепенно захватить власть, не подвергаясь риску поражения в открытой борьбе.

Основным оппонентом Штрассера был Геббельс, который участвовал в выдвижении кандитатуры Гитлера на выборах в расчете на то (как видно из его дневника), что избирательная кампания выдвинет его, руководителя управления пропаганды, на первое место среди помощников Гитлера. Принятие тактики переговоров и участие в коалициях усилило бы влияние Штрассера, как руководителя организационного управления партии. Больше всего поддерживали Геббельса Геринг и Рём. Геринг не имел влияния в партии и мог занять видное положение только если Гитлер пришел бы к власти и сделал его министром, в то время как Рём нуждался в бурной деятельности, связанной с избирательной кампанией для того, чтобы дать выход энергии штурмовиков.

В день выборов, 31 июля 1932 года, в специальном выпуске одной из венских газет под заголовком «Хайль Шикльгрубер!» были опубликованы документальные материалы о том, что отец Гитлера был незаконнорожденным. Однако это не повлияло на исход выборов. Нацисты получили 13 732 779 голосов, на полмиллиона больше, чем их ближайшие соперники — социал-демократы и коммунисты, вместе взятые. Это составило 37,3 процента от общего количества проголосовавших. И Гитлер предложил своей партии выдвинуть его кандитатуру на пост канцлера.

Против этого выступил Георг Штрассер, так как это противоречило его линии на установление власти коалиции правых партий. Но Гитлер настаивал на своем. В Берлин был направлен посыльный, сообщивший Шляйхеру о требованиях Гитлера. Генерал не принял их всерьез, поскольку был уверен, что Гинденбург не решится удостоить такой чести бывшего ефрейтора. Он пригласил Гитлера на встречу, которая состоялась 5 августа под Берлином. Фюрер потребовал для себя не только поста канцлера, но и принятия закона, дающего ему право на чрезвычайные полномочия, а фактически — на установление диктатуры. Шляйхер уступил, у Гитлера сложилось впечатление, что Гинденбурга также удается уговорить.

2 декабря 1932 года Курт фон Шляйхер стал первым с 1890 года генералом, занявшим пост рейхсканцлера. Он сразу же пригласил к себе Грегора Штрассера и предложил ему пост вице-канцлера и премьер-министра Пруссии. Штрассер отнесся к этому положительно, но предупредил, что должен согласовать свое назначение с фюрером. Но добраться до Гитлера, пробиться через его окружение было непросто. Кстати, Штрассер и не скрывал своей неприязни к его приближенным. В беседе Геринга он называл «жестоким эгоистом, для которого главное — занимать высокий пост и которому плевать на Германию». Геббельса Штрассер именовал «хромоногим и двуличным дьяволом», а Рёма — «свиньей».

Грегор, заручившись поддержкой Гитлера, предложил Шляйхеру нового союзника — лидера свободных немецких профсоюзов герра Лейпарта. И вновь встревожилось прусское дворянство. Для чего они

свергли Брюнинга, если правительство вновь движется влево?

Осознав свою ошибку, Гугенберг и Шахт возобновили переговоры с Гитлером. Фон Папен также искал союза с ним. Примирение бывшего канцлера с Адольфом произошло в Кельне, в доме герра Шредера, богатого финансиста еврейского происхождения, который оплачивал счета новой нацистской кампании.

— Все равно, пока старик жив, я никогда не стану канцлером, — сказал в этот день Гитлер.

— Однако мой друг Оскар фон Гинденбург, сын президента, говорил мне совершенно другое, — ответил фон Папен.

Это была умышленная ложь со стороны фон Папена, но этого оказалось достаточно, чтобы Адольф страшно рассердился на Грегора.

Сведения о предложениях Шляйхера через окружение Папена попали к Ханфштенглю, а от него — к Гитлеру. Фюрер, которого против Штрассера усиленно настраивал Геббельс, воспринял поступок Грегора как предательство. Через несколько дней в Берлине при встрече Адольфа с Грегором разразился грандиозный скандал. Геринг и Геббельс, которые были совершенно сбиты с толку созданием правительства Шляйхера — Штрассера — Лейпарта, умело раздували ярость Гитлера, чтобы навсегда дискредитировать в его глазах Грегора и Лейпарта. «Грегор, — сказал Геринг, — хочет власти, чтобы свергнуть, а потом и уничтожить тебя».

Бледный от бешенства Гитлер бросил в лицо Грегору Штрассеру обвинения, повторив клевету Геринга и Геббельса.

— Герр Гитлер, неужели вы думаете, что я способен на подобные поступки? — спросил Грегор, глядя прямо в лицо человеку, которому он честно и преданно служил много лет, но до сих пор отказывался называть «мой фюрер».

— Да! — закричал ему в ответ Гитлер. — Я верю в это! Я убежден в этом! У меня есть доказательства!

Грегор резко повернулся и вышел из комнаты, не говоря ни слова. В тот же самый вечер он ушел со всех постов, отказался от мандата рейхстага и уехал с семьей на юг. Он ни с кем не разговаривал, никого не посвятил в свою тайну, но остался в партии, решив в качестве рядового бойца продолжать борьбу за дорогие ему идеалы и за человека, который предал и оклеветал его.

8 декабря он послал Гитлеру письмо, в котором сообщил, что уходит со всех постов в партии, поскольку фюрер больше ему не доверяет. Он с грустью написал о своей преданности и долгосрочной мечте — теперь разрушенной — о коалиции с дальновидными людьми, которые будут управлять Германией. Хотя Штрассер закончил письмо словами «всегда искренне Ваш», он не упомянул, какие планы у него могут возникнуть в отношении значительного отряда членов партии, находившихся под его влиянием. Гитлер потерял надежду, почти наполовину убежденный, что Штрассер заберет своих сторонников и разрушит партию.

В «Кайзерхофе» это послание, по словам Геббельса, было воспринято как «взрыв бомбы». Гитлер был в таком шоке, что не мог сразу принять решение. Позвонить Штрассеру, который ждал этого, ему не

пришло в голову. Несколько часов он метался, страшно обеспокоенный, в своем номере, подумывая о самоубийстве, если партия «развалится по кускам». Но Штрассер сохранил преданность. Когда ответа не последовало, Грегор упаковал чемодан, поехал на вокзал и отправился поездом в Мюнхен.

На следующее утро газеты вышли с сенсационными заголовками об отставке Штрассера. Возмущению Гитлера не было предела. По его словам, свое сообщение Грегор отправил не куда-нибудь, а в «еврейские газеты». Фюрер даже заплакал, крича, что бывший друг всадил ему нож в спину за пять минут до полной победы.

Тем не менее, ухватившись за предложение вызвать Штрассера и уладить конфликт, Гитлер послал шофера Шрека найти его «в любом месте». Но в это время Грегор уже был в своей мюнхенской квартире и спешно готовился выехать в Италию. Другу, который к нему зашел, Штрассер сказал: «Я человек, обреченный на смерть». Он посоветовал другу больше не приходить к нему и добавил на прощание: «Что бы ни случилось, попомни мои слова: отныне Германия в руках австрийца, этого прирожденного лжеца, бывшего офицера, извращенца и хромоногого. И скажу тебе: последний — хуже их всех. Это сатана в человеческом обличье».

Тем временем собравшиеся у Геринга в рейхстаге партии и гауляйтеры приняли заявление об осуждении Штрассера. Гитлер, запинаясь, сказал, что потрясен его предательством. Присутствующие устроили фюреру овацию и заверили его в своей верности до конца, что бы ни случилось.

13 июня 1933 года, перед отъездом в Венецию для встречи с дуче, Адольф Гитлер, ставший уже канцлером Германии, послал за Грегором. Они не встречались после бурного разговора, спровоцированного интригами Папена, Геринга и Геббельса.

— Я предлагаю вам Министерство национальной экономики, Штрассер. Примите это назначение, и, между нами, мы все еще можем спасти положение.

— Я принимаю его, герр Гитлер, — сказал Грегор, — при условии, что Геринг и Геббельс уйдут, честный человек не может работать с этими особами.

Ответ Грегора, достоверность которого была подтверждена его братом Паулем, был ответом настоящего джентльмена, но не политика. Попытка избавиться от Геббельса и Геринга одновременно была столь же успешной, как головой прошибить каменную стену. Геринг мог быть принесен в жертву Грегору. Он был в ссоре с Гиммлером, которому не желал уступать контроль над берлинским гестапо. Гиммлер был руководителем полиции Южной Германии и настаивал на подчинении всех полицейских организаций рейха ему лично. Адольф в этом споре благоволил Гиммлеру, ибо ему не нравилось то, что Геринг перешел к реакционерам. Он также хотел вернуть назад Грегора.

Геббельс, однако, был абсолютно необходим фюреру. Несмотря на отношение Адольфа к Рёму, выявившееся на последнем заседании кабинета, Геббельс тайно вел переговоры с последним от имени своего хозяина.

Борьба за Гитлера происходила между силами консерватизма и новыми, злобными силами, порожденными им самим; и между этими двумя силами он

колебался, заложник своей собственной нерешительности.

Неудовлетворенность, однако, продолжала существовать. «Якобинцы» обвиняли «жирондистов» в слабости. СА, которые в отличие от СС были клятвенно преданны партии и соблюдали верность идеалу, а не фюреру, состояли из радикалов — три миллиона немцев, недовольных политикой Папена, Гугенберга и Шахта.

«Когда начнется вторая революция?» — таким был вопрос, который начал раздаваться в их рядах.

Грегор Штрассер, в то время простой рядовой член партии, получал письма сотнями и тысячами. «Возобновите ваши действия, — говорили его корреспонденты. — Только Вы один можете спасти национал-социализм. Откройте глаза фюреру. Люди Геринга ослепляют его...»

Грегор прекрасно знал, что все его письма вскрывались и читались прежде, чем они доходили до него. С другой стороны, был еще и Рём, лидер армии «коричнерубашечников», с сотнями второстепенных лидеров, полностью преданных ему. Социальные вопросы не волновали их, но они были враждебно настроены к генералам и негодовали по поводу того, что армия держалась в стороне от партии. Рём сам был офицером и отлично знал мнение немецких военных. Армия презирала «коричнерубашечников»; она просто использовала гитлеризм как маску, скрываясь за которой преследовала свои традиционные цели. Рём жил в Боливии и на практике познал, что политическая партия беспомощна без поддержки армии. Генералы могли свергнуть любое правительство в любой день, когда им заблагорассудится. Сам Штрассер

еще с конца 20-х годов воспринимался штурмовиками как защитник их интересов. Так, в августе 1930 года, накануне мятежа Штеннеса, один штурмовик написал в негодовании Грегору Штрассеру, что он арестовывался более тридцати раз, был обвинен восемь раз за «нападение и побои, оказание сопротивления полиции и другие проступки, которые естественны для нацистов». В результате своей деятельности, по его утверждению, он получил повреждения, по крайней мере двадцать раз. «У меня ножеые шрамы на затылке, на левом плече, на нижней губе, на правой щеке, на левой стороне верхней губы и на правой руке». За все это он не получил ни пфеннига от партии, но, растратив свое наследство, «столкнулся с финансовым крахом».

Фронт Грегора Штрассера и Рёма был сформирован в противовес фронту Гинденбурга, Гугенберга, Папена и Геринга, находившемуся в союзе с промышленниками. Гитлер все еще колебался, в то время как неудовлетворенность росла. Он знал, что должен действовать, но еще не представлял, каким образом. В конце июня 1934 года Гитлер все-таки принял решение. Одним махом он решил устранить всех противников. Акция кровавой чистки, прокатившейся 30 июня 1934 года по стане, стала известна всему миру под названием «ночи длинных ножей».

Среди уничтоженных неугодных был также и Грегор Штрассер. Гитлер не забыл человека, который сделал так много для политической организации партии и который вышел из нее, оказавшись жертвой интриг Геринга и Геббельса, гордо, не сказав ни слова. Фюрер сохранил уважение к нему. Он запретил своим подручным трогать его, но Геринг, имея ши-

рокие полномочия, пренебрег запретом. Грегор не занимался более политикой. Он возглавил фармацевтическую фирму «Шеринг-Кальбаум». Но этого было недостаточно, чтобы разоружить его врагов, Геринга и Гиммлера. Гиммлер поручил лично Гейдриху проследить за «закрытием» этого старого счета. Утром 30 июня Штрассер был привезен в тюрьму гестапо в Колумбиа-хауз. Его поместили вместе с арестованными шефами СА. После обеда за ним пришел эсэсовец, чтобы отвести его, как он выразился, в специальную одиночную камеру. Эсэсовец открыл дверь одной из камер, пропустил Штрассера, закрыл дверь и удалился. Минутой позже прозвучал выстрел. Штрассер не был убит, пуля лишь задела шею, пробив артерию. Он упал, чувствуя, как жизнь уходит из него с каждым ударом сердца, выталкивавшим струйки крови на кирпичную стену. Пунктуально следуя полученному приказу, Гейдрих лично проверил, выполняется ли приказ рейхсфюрера, и, видя, как цепляется за жизнь узник, приказал «оставить истекать кровью этого борова». Так уж принято было среди эсэсовцев, которые на словах придавали столь важное значение «чести»: оскорблять тех, кого убивали.

Часть 5

ШТРАССЕРИАНЦЫ В АНТИФАШИСТСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ

Глава 1

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТЫ В АВСТРИИ

Ни запрет «Черного фронта» в феврале 1933 года, ни аресты и преследования наиболее известных членов «Боевого содружества» не смогли ликвидировать революционный национал-социализм. Революционные национал-социалисты продолжили свою борьбу против Гитлера, но уже в составе национального и международного сопротивления. Поначалу из различных групп политической оппозиции штрассерианцы создали Венский и Чехословацкий централы сопротивления, которые оценивались гестапо как исключительно опасные противники. Историческая литература, отдавая предпочтение различным группам сопротивления коммунистического и демократического толка, боязливо обходила стороной сюжеты, связанные с национал-социалистическим антифашизмом.

С 1925 по 1930 год в австрийской организации НСДАП даже не подозревали о существовании радикальных тезисов левого северогерманского крыла национал-социализма. Возникновение нацистской партии в этой стране проходило под строжайшим контролем Мюнхена, который всячески препятствовал образованию какой-либо внутренней оппозиции. Когда же конфликт между Отто Штрассером и Гитлером выплеснулся наружу, мюнхенское руководство запретило все еще слабой австрийской национал-социалистической прессе сообщать об этом инциденте. Более того, нельзя было публиковать статьи, в которых высказывались точки зрения, хоть как-то отличающиеся от официальной позиции гитлеровского руководства.

Конфликтом между левым крылом и Гитлером в те дни заинтересовались лишь в Немецкой национал-социалистической трудовой партии (ДНСАП), исторической предшественнице и основном конкуренте гитлеровской партии. ДНСАП возглавлял Карл Шульц, который 5 июля 1930 года в своем еженедельнике «Немецкая рабочая пресса» опубликовал заметку, поверхностно рассказывающую об уходе из НСДАП майора Бухрукера и Грегора (!) Штрассера. Сам же Шульц восторгался любым событием, которое так или иначе ослабляло НСДАП. Сообщение о конфронтации между Гитлером и Штрассером он заканчивал такими комментариями: *«Судя по сообщениям, речь идет о значительнейшем событии. На общих собраниях мы будем и дальше следить за изгнанием Штрассера»*.

12 июля 1930 года появилась еще одна статья, которая была посвящена лишь ситуации в северогер-

манских филиалах НСДАП. Исключительная подробность этого материала оправдывалась тем, что австрийская общественность фактически ничего не знала о событиях, происходивших в Германии. И, наконец, 19 июля Шульц опубликовал большой доклад о ситуации в Германии, который строился только на пропагандистских материалах революционных национал-социалистов. То, что эти агитационные материалы были присланы из Берлинского бюро «Боевого содружества революционных национал-социалистов», еще не значило, что Штрассер начал сотрудничество с Шульцем. Дело в том, что в то время революционные национал-социалисты рассылали свои агитки во все немецкие и австрийские консервативные, националистические и милитаристские организации.

Так вот, в статье «Что хочет группа Штрассера?» Шульц писал: «*Прискорбно, что упрямство и диктаторские замашки Гитлера раскололи национал-социалистическое движение в Германии. Но это должно послужить уроком для тех, кто верил и верит, будто бы национал-социалистическая идея может принадлежать одному человеку. Не удивительно, что оппозиционная группа Отто Штрассера, возникшая в Германии, в своем призыве указывает на то, что мюнхенское руководство фальсифицировало и размыло движение. Что в конце концов истинные национал-социалистические воззрения подменялись личными взглядами диктаторского руководства, которое часто, чересчур часто оказывало негативное воздействие. Это противоречие между абсолютным и духовным руководством должно было однажды привести к открытому конфликту, так как мюнхенское руководство в свое время не поняло, что да-*

же абсолютный руководитель должен прислушиваться к таким людям, как Отто Штрассер, Граф Ревентлов. В Мюнхене этого не поняли. Противоречия обострились, и Геббельс, прислужник Гитлера, энергично избавился от этих людей. Но такими средствами нельзя замять конфликт и тем более дискредитировать талантливых людей. Сейчас мы познакомимся с идеями Отто Штрассера, которые очень показательны. Его новая партия хочет представлять неискаженный национальный социализм. Он заявляет, что будет вести агитацию главным образом в рабочих массах, дабы освободить рабочее движение от заблуждений марксизма и привести его в национал-социалистический лагерь. После этого призыва мы склонны думать, что в политической борьбе эта группа будет руководствоваться всевозможными позитивными идеями. Мы не знаем, насколько велика эта организация, но нельзя недооценивать такой фактор, как «Кампф-Ферлаг», что особенно ценно, потому что сейчас это издательство стоит во главе группы Штрассера. Нельзя предвидеть будущее, но можно сказать: Мюнхен, не наученный расколом в Австрии, все-таки сделает выводы из нынешней ситуации. Нападения на эту оппозиционную группу, как это уже имело место (майору Бухрукеру сломали нос, а Грантц был тяжело ранен), не заставят замолчать этих людей. Будущее покажет нам: либо Мюнхен продолжит уничтожать в братоубийственной борьбе лучшие силы движения, либо он пойдет на уступки».

Шульц предложил Штрассеру создать совместное «Рабочее сообщество». Но в данной ситуации австрийца интересовал не столько Штрассер, сколько сам

факт появления подобной организации. Шульцу казалось это вполне достаточным аргументом, чтобы начать переговоры с Гитлером. Лидер ДНСАП хотел объединить под своим «духовным» руководством все национал-социалистическое движение в Австрии, где до сих пор сохранялась автономия нацистских групп, которые придерживались самых различных политических тенденций.

Штрассер не принял это предложение. Видимо, сказался недостаток времени и неизвестность группы Шульца. Отрицательный ответ Штрассер опубликовал в прессе в августе 1930 года. Это был не просто отказ от сотрудничества. Отто Штрассер подверг самой беспощадной критике тезис Шульца о роли Адольфа Гитлера в процессе «Немецкой революции». В «Национальном социалисте» Штрассер заявлял, что «Боевое содружество» рассматривает Гитлера как создателя национал-социализма. К тому же он напомнил специфику становления национал-социализма в Австрии и Судетской области Чехословакии. В завершение Штрассер в хамской манере порекомендовал Шульцу почитать по этой теме работу Адольфа Бернера «Стремление к национальному социализму».

В сентябре 1930 года Шульц опубликовал статью о «национал-большевистских» методах «фашистской» НСДАП (ну и сочетаньице...) и духовных устремлениях, которые должны содействовать альянсу нацистов с коммунистами. *«События в Германии показали — гитлеровское движение в своей избирательной тактике настолько близко к большевизму, что оно проводит общие с коммунистами собрания, а ораторы из КПГ вещают под защитой штурмовиков. Гитлеровская партия показала свое социалисти-*

ско-демоническое лицо, чтобы заманить рабочих; коммунисты же ведут революционно-социалистическую работу в левом лагере и проклинают на своих собраниях «буржуазию», чтобы сделать рабочих своими друзьями. Но коммунисты знают, что гитлеровская партия вскармливает буржуазно-националистический электорат и самым радикальным образом жаждет привести к власти черно-бело-красный фашизм. Гитлер идет сейчас по пути импорта в Германию муссолиниевского фашизма. То, что сейчас являет собой гитлеровская партия, не имеет ничего общего с национал-социализмом. По сути она фашистская, методы ее национал-большевистские, а ее безответственность достойна коммунистов».

Хотя в этих высказываниях все перевернуто с ног на голову, но в них содержатся два интересных момента, принципиально новых для идеологии ДНСАП. Кажется, Шульц позаимствовал у Штрассера тезис о внутренней фашизации НСДАП, которая позволила не только привлечь голоса буржуазии и правых избирателей, но и существенно сказалась на идеологии и политической практике НСДАП. Ссылка же на возможный альянс между коммунистами и нацистами была всего лишь замаскированным упреком в адрес «Боевого содружества», которое поддерживало контакты с КПГ. Для Шульца сама суть национал-социализма была противопоставлена коммунизму, а потому у представителей этих течений не могло быть ни общих интересов, ни общей тактики действий. Штрассер решил не отвечать на эту критику — не та фигура, чтобы обращать на нее внимание. Но эта политическая перебранка не ухудшила отношений между двумя национал-социалистическими группи-

ровками. По крайней мере, Берлинское бюро «Боевого содружества» и впредь высылало Шульцу свои пропагандистские материалы. К тому же не стоило забывать, что статья Шульца в основном была направлена против Гитлера. В другой статье, «Спасите национал-социализм!», он вновь выдвигал идею борьбы против фашизма и любых попыток установления тоталитарной диктатуры. Эти темы он развил в своем выступлении на собрании, проходившем в гостинице «Цур штадт Бамберг», на котором, кстати, присутствовали и революционные национал-социалисты Штрассера.

Контакты между Шульцем и Штрассером стали приобретать более творческий характер. Идеи всех книг и брошюр подробно излагались в «Немецкой рабочей прессе». Так, например, с февраля по март 1931 года в этой газете было опубликовано пять больших отрывков из книги Герберта Бланка «Адольф Гитлер — Вильгельм III». Она получила положительный отзыв Шульца и даже была рекомендована для прочтения *«всем честным национал-социалистам»*.

Шульц с большим интересом наблюдал за мятежом берлинских СА. В то время этот австрийский национал-социалист очень рассчитывал на усиление антигитлеровских настроений в НСДАП. И хотя австрийская пресса не уделяла никакого внимания событиям в Берлине, но правительственные круги Австрии проявили интерес к «Боевому содружеству революционных национал-социалистов». Тогда австрийские шпионы, работавшие в Германии, присылали подробные сообщения о целях и деятельности «Боевого содружества». В то же время австрийское посольство получило задание от федерального консула

провести анализ деятельности штрассерианцев. Оно было составной частью работы по изучению радикальных группировок, действовавших в Германии. Программа Штрассера была оценена австрийскими чиновниками как *«радикальная, имеющая большевистский оттенок»*. В целом же «Боевое содружество» оценивалось австрийским посольством как организация, имевшая большое значение, но не представлявшая для Австрии никакой угрозы. В июле 1931 года в Вене считали: *«Вышеназванная группировка едва ли может найти приверженцев в Австрии, так как «Боевое содружество революционных национал-социалистов» имеет в своем распоряжении в нашей стране всего лишь небольшое бюро связи и пресс-бюро»*. Последним, кстати, руководил Франц Хагер, чьи задачи сводились к тому, чтобы распространять в Вене и ближайших городах несколько экземпляров «Немецкой революции». Австрийское руководство успокоилось — революционные национал-социалисты не имели никаких шансов на успех в этой стране.

В этот период в Вене между собой боролись две политические группировки, стремившиеся представлять в Австрии идеологию революционного национал-социализма. Штрассер не мог пренебречь ни той, ни другой. С одной стороны находился Карл Лоссман, который создал «Союз немецких социалистов». Его организация на протяжении 1929—1930 годов постоянно обвиняла НСДАП в реформизме и предательстве социалистических интересов. Но в основном деятельность этого союза ограничивалась призывами к революционной борьбе против капитализма. Другой организацией было «Объединение национал-социалистической немецкой рабочей молодежи Авст-

рии». Его лидером был Оскар Пехль, бывший руководитель молодежной организации Шульца. Австрийские чиновники оценивали его воззрения как революционно-националистические. Но революционный национал-социализм, не суть важно, в штрассеровском или австрийском варианте, был малоизвестен местным политикам. Он не сыграл никакой роли в гражданской войне, которая раздирала республику.

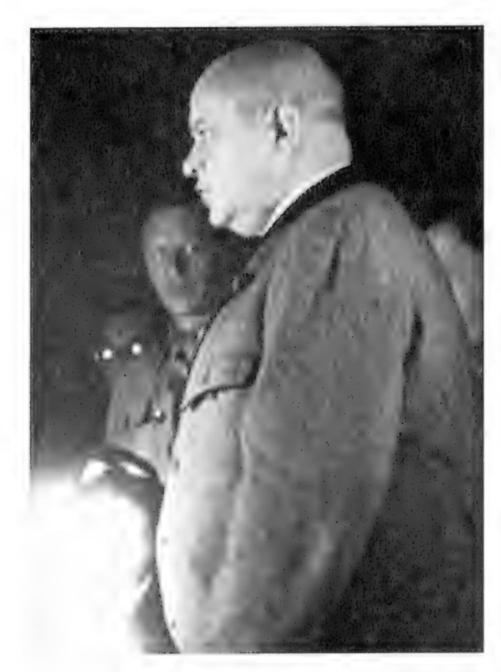
Руководство «Боевого содружества» с нескрываемым интересом наблюдало за гражданской войной в Австрии, действиями хаймверов (австрийским аналогом добровольческих корпусов-фрайкоров) и приходом к власти правительства Дольфуса. Для того чтобы создать в Австрии мощную организационную базу, Отто Штрассер разработал специальную стратегию «Черного фронта», которая предполагала союз с любыми силами, готовыми сражаться против Гитлера. Если раньше в штрассерианской прессе хаймверы изображались как «цепные псы буржуазии», то по мере того как НСДАП становилась мишенью этих вооруженных союзов, революционные национал-социалисты стали видеть в них потенциального союзника.

После покушения на Дольфуса австрийская НСДАП оказалась в сложной ситуации: против революционного пути или государственного переворота выступал сам Гитлер. Но легальному пути прихода к власти препятствовал канцлер Австрии. Он не хотел видеть в парламенте сильную фракцию нацистов. У НСДАП оставался один путь — борьба против «корпоративного христианско-социального государства» Дольфуса. Он предполагал вооруженную войну против враждебных Гитлеру хаймверов. Одновременно планировалось проводить идеологическую обра-

Австрийские хаймверы на марше

Силы правопорядка эвакуируют жертвы июльских терактов в Вене

Вальтер Фример

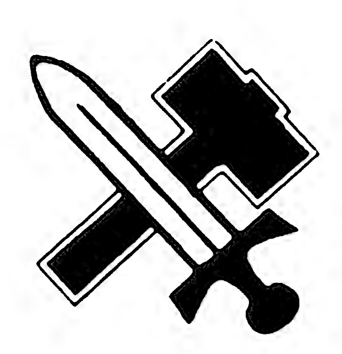
Канцлер Австрии
Э. Дольфус

Wer nicht für Freiheit sterben kann,
Der ist der Kette wert.

G A BURGER

Вначале Отто Штрассер хотел сделать символом своей организации башмак, эмблему тайных крестьянских обществ начала XVI века, но затем остановился на перекрещенных мече и молоте

Генрих Гиммлер,
сначала
соратник Грегора
Штрассера,
а затем его палач

Герман Геринг.
Один
из основных
противников
Грегора
Штрассера

Гитлер
накануне
прихода
к власти

Гитлер накануне
прихода к власти

Гостиница «Захори», откуда вещала «черная радиостанция», созданная Формисом

Отто Штрассер на могиле Рудольфа Формиса в Праге

«После Гитлера придет «Черный фронт» — пропагандистская наклейка сторонников О. Штрассера

VI. Jahrgang des „Roten Aufbau“ Heft 1 Berlin, 5. Januar 1933

Unsere Zeit

HERAUSGEBER: WILLI MÜNZENBERG

Schleicher und Leipart

Willi Münzenberg und Henri Barbusse:
Nichtangriffspakte und Kriegsgefahr

Stalin über die GPU

Der Weg der Sowjetliteratur

Wittfogel: Gebr. Strasser, Jünger u. Co.

Ilja Ehrenburg: Denken verboten!

Журнал «Наше время», в котором была опубликована последняя легальная в Германии статья Отто Штрассера

Антифашистская брошюра «Наша борьба против Третьего рейха», выпущенная Отто Штрассером в Канаде

ботку этих союзов. В НСДАП надеялись, что хаймверы воспримут национал-социалистические идеалы и военная база режима Дольфуса ослабнет.

И хотя Штрассер характеризовал Дольфуса как защитника фашистского порядка, он очень скоро превратился в публикациях «Боевого содружества» в «единственного человека дела», который мог остановить НСДАП. Кстати, первая характеристика не была политическим преувеличением. Дольфус действительно ориентировался на Муссолини, позаимствовав часть его идей для собственного австрийского корпоративного государства.

Но Штрассер не мог отказаться от принципов создания «Великой Германии», интеграции всех немецких меньшинств и воссоединения с «австрийскими братьями». К тому же он не предполагал, что ему придется когда-нибудь действовать в этой южной стране. Успех НСДАП в Австрии и Чехословакии заставил Штрассера задуматься. В первые дни прихода Гитлера к власти в «Боевом содружестве» все еще верили в скорейшее падение этого «жирондиста» и наступление времени «якобинского социалистического правительства». Но тот факт, что миллионы немцев по всей Европе поддерживали фюрера, мог выйти боком молодому социалистическому государству.

В эти страны, прежде всего в Австрию и Судеты, необходимо было *«ввести ферменты революционного национал-социализма»* и построить организацию, которая не только вербовала бы кадры для революции, но и стремилась участвовать в местных политических акциях. В 1932 году Штрассер стал более активно устанавливать контакты с политическими кругами Австрии. Для этого он использовал Франца

Хагера и Карла Экера. Последний в прошлом был руководителем военизированной группировки «Немецкая оборона». Это давало Штрассеру шанс «окучить» австрийские «фёлькише»-милитаристские группировки, распространяя там идеи революционного национал-социализма.

Чтобы не запутаться в хитросплетениях австрийской политики, вернемся на несколько лет назад. После мировой войны в Австрии, как и в Германии, повсеместно возникали военизированные группировки. Их можно было условно разделить на отряды патриотической защитной милиции (хаймверы) и антибольшевистские «группы обороны». В 1923 году большинство этих группировок, следуя примеру Людендорфа, объединилось в «Немецкий военно-спортивный союз». Тот же Людендорф в 1925 году был избран председателем этого союза. Но со временем организация раскололась. В 1927 году был создан Союз «Немецкая оборона», который смог объединить большинство парамилитаристских группировок. Идеологические принципы «Немецкой обороны» в основных чертах повторяли темы германских «фёлькише»-группировок: национальная солидарность, отрицание социальной революции, отказ признавать существование австрийской нации, провозглашение необходимости аншлюса Австрии, борьба против Версальского договора. В октябре 1927 года состав «Немецкой обороны» покинул «Союз защиты Родины». Поводом для этого стали проитальянские фашистские настроения, царившие в хаймверах. Хаймверовцы выступали не только против аншлюса, но были готовы сблизиться с христианскими социалистами, ориентированными на Муссолини. В итоге остатки

«Немецкой обороны» предпочли сблизиться с НСДАП. К 1931 году в Союзе «Немецкая оборона» выявились две тенденции. Одно крыло предпочитало брать на вооружение идеологию и практику нацистов. Другое, более слабое, ориентировалось на консервативно-революционные круги. Там даже начали поговаривать о немецкой социалистической революции. Но вернемся к Отто Штрассеру.

Когда в начале 1932 года «Боевому содружеству» удалось справиться с очередным внутренним кризисом, Штрассер решил направить в Вену множество пропагандистских материалов и лично познакомиться со своими австрийскими сторонниками. Эта встреча произошла на Третьем имперском конгрессе КГРНС. Тогда на съезде революционных национал-социалистов оказалось всего лишь три австрийца: Франц Хагер, Карл Экер и Леопольд Майер. Этот конгресс стал толчком для построения филиала «Боевого содружества» в Австрии, число членов которого росло просто на глазах. На том же конгрессе было принято решение разделить всею Австрию на две зоны, которые получили условное наименование «Вена» и «Провинция». Это должно было упростить агитационную деятельность и создание новых боевых групп.

В Венском «боевом округе» было необходимо тут же решить две задачи: увеличить число членов организации и провести среди них политическую учебу. С первой поставленной задачей удалось справиться достаточно быстро. В «Боевое содружество» почти в полном составе вступили «Немецкая оборона» и «Союз немецких социалистов». Но члены этих организаций понятия не имели, что такое революционный национал-социализм. Не правда ли, интересное

поведение? Люди вступали в организацию, даже не зная, за какие идеи им придется сражаться.

Теперь возникла необходимость адаптировать идеологию «Черного фронта» к условиям политического климата в Австрии. В архивах венской полиции сохранились сообщения о заседаниях столичной группы, проходивших под председательством Карла Экера. В период с 15 октября 1932 года по 30 января 1933 года состоялось 13 собраний. То есть они проходили каждую неделю. В основном заседания были посвящены решению организационных вопросов и политическому обучению. Рассмотрим для примера собрание 27 декабря 1932 года, типичный образец деятельности венской группы.

В мероприятии, которое длилось с 20.30 до 23 часов, приняло участие девять человек, среди которых был новый сторонник, тут же зачисленный в «боевые товарищи». Центральной темой был 45-минутный доклад о национально-освободительной борьбе, потом состоялись 15-минутные дебаты. После короткой паузы собравшиеся изучили шестой «тезис Немецкой революции» и перешли к решению организационных вопросов: обмену контактной информацией, распространению газет, планированию мероприятий на следующую неделю. Обычно в заседаниях принимало участие не больше десяти человек. Примечательно, что не явившиеся на партийную сходку подвергались дисциплинарному взысканию. Но, с другой стороны, на подобные встречи приходили далеко не все члены «Боевого содружества». Руководство приглашало наиболее способных, чтобы подготовить из них кадры для будущего массового движения. Цель обучения — привить аналитические и ораторские способности,

которые впоследствии могли пригодиться при проведении митингов и дискуссий. Любой член «Боевого содружества» должен был быть в состоянии переубедить своего оппонента. Обсуждение «тезисов Немецкой революции» и различных манифестов «Черного фронта» должно было дать основу для аргументации в политических спорах.

В то время члены «Боевого содружества» вели себя как некая элита подпольного движения. Но делали они это отнюдь не потому, что подвергались полицейскому преследованию, а потому, что были убеждены: их небольшое число было не чем иным, как выражением революционного качества. Поначалу штрассеровская группа была до смешного мала, но когда к ней присоединился «Союз немецких социалистов», штрассерианцы насчитывали около тысячи человек. К декабрю 1932 года их старания принесли первые плоды — число членов «Боевого содружества» стало расти. Большей частью новые люди приходили из НСДАП. К Францу Хагеру, который руководил «боевой группой Юго-Восток», даже примкнуло несколько именитых австрийских нацистов. Речь шла об агитаторе Покорном, бывшем штурмовике Панеманне, руководителе отдела пропаганды Шайере и казначее гау Вена Вальтере Туреке. Вальтер Турек был настолько известной фигурой в столичных кругах, что его выход из НСДАП сразу же стал сенсацией. К тому же он не ограничился тем, что покинул гитлеровскую партию. Турек опубликовал собственный манифест, в котором в пух и прах разносил бюрократизм НСДАП, чванство партийных бонз, которые бессовестно тратили общественные деньги. В конце 1932 года Штрассеру удалось создать опорные

пункты в Инсбруке, Зальцбурге и Граце. В то же время «Боевое содружество» благодаря посредничеству Рудольфа Кински установило контакты с Шульцем.

Рудольф Кински родился в 1899 году. Будучи сыном директора федеральной канцелярии, он долгое время после войны путешествовал по Европе. В политику пришел в 1926 году, когда опубликовал в журнале «Культура» аналитические статьи относительно возрождения Западной Европы. В 1930 году защитил диссертацию и стал сотрудничать с «Младогерманским орденом» Артура Марауна. Одновременно являлся редактором газеты «Новостройка Австрии». В 1931 года занялся изучением корпоративной идеологии и вступил в НСДАП. Там он познакомился со статьями Грегора Штрассера, что подтолкнуло Кински к изучению трудов Отто Штрассера, который убедил его в реформизме Гитлера и необходимости следования изначальным идеям национал-социалистической солидарности. В 1932 году Кински стал членом «Боевого содружества».

Шульц и его сторонники в 1932 году присоединились к хаймверам, подчинявшимся Дольфусу. В итоге им пришлось участвовать в стычках с НСДАП. И хотя Штрассер весьма критически относился к «фашистской идеологии Дольфуса», однако ставил борьбу с Гитлером на первое место. Теперь лидер «Черного фронта» был заинтересован в сотрудничестве с «Немецкой национал-социалистической трудовой партией». Но в отношениях с Шульцем он предпочел придерживаться позиции силы. К этому времени партия Шульца растеряла большинство своих сторонников. Она не была даже в состоянии регу-

лярно издавать газету, которая превратилась в 4-страничный листок. Чтобы выжить, Шульц должен был найти союзника. Штрассер же мог предоставить ему не только финансовую помощь, но значительно повысить престиж ДНСАП, придав ей статус общенационального движения. Для Штрассера союз с Шульцем обозначал контроль над австрийской газетой и применение на практике принципов «Черного фронта». Но прежде всего это была возможность вести политическую борьбу посредством традиций австрийского национал-социализма. Кроме этого сотрудничество с Шульцем становилось «защитной грамотой» от правительства Дольфуса, которое в любой момент могло начать преследование штрассерианцев. Вопреки ожиданиям Штрассера реакция Шульца оказалось более чем сдержанной. Официально долгожданный союз был заключен лишь в феврале 1933 года, когда стало известно о запрете «Черного фронта» в Германии.

В 1933 году «Боевое содружество», действовавшее в Австрии, переживало первый кризис. Энергичность, с которой вел пропагандистскую деятельность Карл Экер, привела к столкновению с некоторыми «старыми» членами «Содружества», прежде всего с Францом Хагером. Последний не мог смириться с тем, что не стал председателем австрийского «Боевого содружества», и с октября 1932 года начал проводить собственную политическую линию, сделав особый упор на сельское хозяйство. Он требовал, чтобы ему предоставили независимость от венского руководства, так как Хагер на местном уровне собирался объединиться с сельскими союзами. Экер, естественно, не мог пойти на это.

До января 1933 года исполком КГРНС предпочитал не вмешиваться в эти «провинциальные склоки». Конец конфликту, возможно, положило бы избрание нового венского бюро. Но на самом деле после этого конфликт разгорелся с еще большей силой. Хагер отказался распустить свои представительства на местах. По распоряжению из Берлина урегулировать ситуацию, грозившую расколом, предстояло 8 февраля 1933 года на переговорах, которые должны были проходить в кафе «Шедель». Там Экер заявил, что наделен полномочиями распустить боевую группу в Вене и снять Хагера со всех постов. Тот мог остаться в организации лишь при одном условии: он должен прекратить любые контакты с другими политическими союзами и организациями. Хагер решил принять это предложение: он сложил с себя руководство зоной «Провинция», которая стала подчиняться напрямую Вене.

Чтобы окончательно закрепить достигнутую договоренность, было решено провести общее собрание, на котором должен был присутствовать специально приглашенный по этому случаю Кюблер. После того как он зачитал приветствие от «вождя», он сообщил еще более шокирующую новость — австрийский филиал «Боевого содружества» подлежал реорганизации. Теперь на территории всей Австрии действовала боевая группа «Южная марка», которой должен был руководить Карл Экер. Стало очевидным: берлинское руководство хотело получить полный контроль над австрийцами, поставив крест на любых устремлениях к автономии. (Не за это ли в свое время Отто Штрассер упрекал Гитлера?) Хагера фактически выжили из организации. 16 февраля 1933 года он вы-

шел из «Боевого содружества». Но перед этим от имени своих сторонников опубликовал открытое письмо: *«Мир — хижинам, война— дворцам! Товарищи, друзья! Мы сообщаем вам, что мы, австрийское подразделение «Боевого содружества революционных национал-социалистов», покидаем эту организацию, чтобы всеми силами бороться за социалистический переворот, который означал бы улучшение немецкой судьбы. Нашей законной организационной формой является «Радикальное социалистическое национальное объединение». Нашей программой являются «20 принципов немецких национал-коммунистов». Наше приветствие — Хайль Германия!»*

Письмо Хагера фактически не критиковало Штрассера и его организацию, а потому на эту неприятность решили просто закрыть глаза. Но вслед за Хагером КГРНС покинула большая часть членов его «боевой группы». Впрочем, почти все они чуть позже вернулись в «Боевое содружество». На этот раз раскол в организации был вызван вовсе не политическими причинами, а личным соперничеством двух людей, мечтавших возглавить австрийский филиал «Боевого содружества». Этот инцидент фактически не оказал никакого влияния на дальнейшую деятельность штрассерианцев. Экеру удалось создать юношескую группу «Черная молодежь». Ее членами в подавляющем большинстве были молодые члены «Немецкой обороны», которые при желании вместе в хаймверовцами могли организовать отпор гитлеровским штурмовикам.

Австрийская «боевая группа» приобрела исключительное значение после запрета «Черного фронта» в Германии. Теперь она стала ответственной за коор-

динацию деятельности всего штрассерианского движения. Необходимость издавать собственную прессу, которая нелегально должна была поставляться в рейх, позволила договориться Штрассеру и Шульцу о начале совместной деятельности. Но при этом не могло быть и речи об объединении. Шульц находился в более выгодном положении. Его, по меньшей мере, не преследовали у себя на родине. КГРНС и ДНСАП остались двумя разными организациями. При этом Шульц подчеркивал, что не видит никаких идеологических различий между их группировками. Но это, скорее, был жест доброй воли.

Информационная служба НСДАП сообщала в одном из донесений об этой договоренности следующее: *«Как уже говорилось в сообщении от 19 февраля 1933 года, Отто Штрассер собирается воспользоваться услугами газеты «Немецкая рабочая пресса», которая должна занять место запрещенной газеты «Черный фронт». Исполнительный комитет, который заседал 17 февраля 1933 года в Тюрингии, одобрил этот проект».*

Вышедшая 25 февраля 1933 года «Немецкая рабочая пресса» опубликовала призыв, подтверждавший достигнутую договоренность. «Мы доводим до сведения, что после запрета «Черного фронта» «Немецкая рабочая пресса» будет выходить как печатный орган движения Отто Штрассера, руководимого им «Черного фронта» и размещать организационные сообщения и статьи, присланные из Германии. Мы также доводим до сведения, что со стороны ДНСАП Австрии достигнута договоренность с «Содружеством» Отто Штрассера о его прибытии в Вену для программного заявления, которое должно предопределить пути обоих движений».

Альянс между Шульцем и Штрассером оказался недолгим, он продлился до 20 марта 1933 года. Штрассер оказывал Шульцу финансовую поддержку, дабы тот обратил более пристальное внимание на издательскую деятельность. До начала этого сотрудничества «Немецкая рабочая пресса» выпускались тиражом 2500 экземпляров, из которых 1400 шло в розничную продажу, 600 — подписчикам, а 500 отправлялось в Германию. В конце февраля Штрассер потребовал, чтобы тираж увеличился до 5 тысяч, большая часть которых должна была направляться в Германию. 4 марта «Немецкая рабочая пресса» впервые вышла с вкладышем первого номера штрассеровского «Черного отправителя». 7 марта Шульц собрал в гостинице «Зеленые ворота» общий сход венской группы. От ДНСАП на этом мероприятии выступили сам Шульц и его помощник Эндерес. От «Боевого содружества» речь держали Кински, Бонеш и Гёргей. Темой обсуждения была «Наша позиция в отношении Гитлера и социал-демократии». После прочтения сообщений возникало впечатление, что социализм одной группировки вовсе не походил на социализм другой. Причем никто даже не пытался найти точки соприкосновения.

Почему перестала выходить «Немецкая рабочая пресса», до сих пор не известно. Но факт остается фактом — второй номер «Черного отправителя» вышел в другом месте в качестве самостоятельной газетки. Третий номер вновь вышел в качестве приложения к «Немецкой рабочей прессе». В нем наконец-то была предпринята попытка выработать общее понимание социализма. Кински специально для этого написал статью «Что такое социализм? Четыре прин-

ципа немецкого социализма». Но предложенные принципы очень отличались от штрассеровских тезисов.

Согласно взглядам Кински, кризис капитализма не был связан с циклическим историческим кризисом, предопределенным переходом от либерализма к консерватизму. Для него это явление было простым совпадением двух экономических процессов: кризисов производства и распределения. Отсутствие плановой экономики, погоня за наживой приводили к перепроизводству, нарушению равновесия, что вылилось в мировой экономический кризис. В итоге была подорвана покупательная способность широких народных слоев. Предложенное Кински решение проблемы состояло в том, чтобы обучить часть городского населения сельским профессиям и провести акцию переселения на восточные территории. Это должно было освободить 80% народа от цепей долгового рабства. Повышение уровня жизни увязывалось с признанием общественных интересов.

Перераспределение личной собственности означало контроль государства над финансовым и промышленным капиталом, исключение из хозяйственной жизни ненемецких элементов. Добровольное ограничение потребностей и доходов должно было привести к полнейшей автаркии страны. Но ни корпоративное государство итальянского фашизма, ни провозглашенное Штрассером государство сословий и советов не могли, по мнению Кински, стать основой для нового социального порядка. Отвергая ранние позиции первых национал-социалистов, Кински выдвинул идеи о вездесущем государстве, которое бы могло реализовать всеобщую мечту об общественном благе.

Казалось, он был убежден: одного воспитания достаточно для построения справедливого общества и правильного экономического уклада. Позже эти идеи были развиты «Немецким национал-социалистическим объединением Австрии».

Несмотря на все попытки сближения, 20 марта 1933 года между Шульцем и Штрассером произошел разрыв. Истинные причины его неизвестны, но правдоподобной кажется следующая гипотеза. Штрассер был одержим только одной идеей — бороться против Гитлера. Но это вряд ли могло удовлетворить организацию, которая играла хоть и небольшую, но все-таки роль в политике Австрии. И если политические интересы Шульца ограничивались родиной, то Штрассер ориентировался прежде всего на Германию. А стало быть, их интересы не только не совпадали, но и были взаимоисключающими. Различия во мнениях усугубили финансовые трудности. Штрассер не мог долго поддерживать Шульца — все немецкие счета «Черного фронта» были арестованы. Да и для самого Штрассера было более выгодно обеспечить финансирование собственной газеты.

С марта по июль 1933 года Штрассер самостоятельно издал в Вене 15 номеров «Черного отправителя», который хоть и имел четыре полосы, но был выпущен пятитысячным тиражом. Новый печатный орган штрассерианцев был по сути боевым листком. Кроме этого Штрассеру удалось издать брошюру «Надолго ли Гитлер?», которая нелегально доставлялась в Германию, правда, доставку по почте, как это делалось раньше, пришлось прекратить. Было решено создать на австрийско-баварской границе сеть нелегалов, которые доставляли бы в рейх подпольную литературу.

18 марта «Черный получатель» появился в газетных ларьках Вены — «Боевое содружество» начало широкую подписную кампанию. Как ни странно, но она удалась. На газету кроме частных лиц подписалось множество организаций. Среди них были не только националистические организации, но и редакция марксистского «Красного знамени», и даже читальные залы Венского университета. Это позволило Штрассеру распространить свои взгляды среди большинства консервативных организаций австрийской столицы и даже создать кружок симпатизирующих, куда вошло множество студентов. Но все равно положение «Боевого содружества» в марте 1933 года было незавидным. Денег хватало только на выпуск газеты.

В апреле 1933 года из Германии прибыл Хильдебранд, который должен был контролировать деятельность австрийских штрассерианцев. Кроме него руководством занимались два штатных сотрудника: Хана Хайден и Эмиль Карл Мюллер. Карл Экер производил исключительно вербовку новых сторонников. Это ему удавалось, хотя нельзя было сказать, что организация росла как на дрожжах. В Вене Штрассер мог рассчитывать где-то на 200 человек. Очень сложно установить, кем они были. Но в целом можно утверждать, что в Австрии «Боевое содружество» стало организацией средних слоев, а вовсе не рабочим союзом. Большинство австрийских штрассерианцев были «белыми воротничками».

Случайные заметки сторонников группы Шульца и бывших австрийских нацистов, покинувших партию, говорили о частом двойном членстве в «Боевом содружестве» и других организациях: «Немецкой обороне», Союзе «Танненберг», который осуществлял

свою деятельность не только в Германии, но и в Австрии. Все это наводит на мысль, что организация Штрассера развивалась здесь как некое приложение к военизированным объединениям националистического толка. Вероятно, самим штрассерианцам мало кого удавалось завлечь в свои ряды. Организационные способности австрийских штрассерианцев можно поставить под сомнение, особенно если принимать в расчет переговоры с «Немецкой обороной» и внутренние письма, распространенные 1 июля 1933 года. «Боевое содружество» уже давно пыталось установить более плотные контакты с «Немецкой обороной», тем более что многие ее члены уже были штрассерианцами. По указанию национального руководства «Немецкой обороны» во всех мероприятиях «Боевого содружества» принимал участие некий капитан Каде. Видимо, он изучал потенциал этого движения. В определенный момент, скорее всего после отчета Каде, «Немецкая оборона» выразила готовность участвовать в мероприятиях штрассерианцев и распространять среди своих членов пропагандистские материалы «Боевого содружества». Но это должно было произойти при соблюдении ряда условий. Во-первых, штрассерианцам необходимо было зарекомендовать себя с положительной стороны. Во-вторых, «Боевому содружеству» следовало занять четкую идеологическую позицию. Руководство «Немецкой обороны» критиковало Штрассера за терпимое отношение к евреям и христианам, слабую политизированность отдельных членов его организации и недостаточно спланированную политическую работу (посмотрели бы они на штурмовиков Штеннеса). Эти замечания были вполне справедливыми, так как новые члены

КГРНС не были в состоянии освоить «Тезисы Немецкой революции», а старые не проявляли особого рвения. В итоге штрассерианцы часто пропускали обязательные занятия, да и на самих мероприятиях царил беспорядок.

Плюс к этому «Боевое содружество» оказалось в сложной ситуации. Оно не могло вставать в оппозицию к Дольфусу, так как в одночасье все немецкие штрассерианцы могли лишиться политического убежища. Но привлечь новых сторонников, критикуя главу зарубежного государства, было затруднительно. Нападать же на австрийских нацистов тоже было неразумно — они могли бы пополнять ряды «Боевого содружества». В итоге Штрассер почти всегда отказывался участвовать в открытых политических дискуссиях. Да и сама теория Штрассера мало подходила для венского климата. Австрийские националисты считали ее неполной и осуждали за расплывчатость. Все это приводило к потере дисциплины, на что во внутреннем письме обратил внимание руководитель венской «боевой группы» Рудольф Йордан. Он обрушился на подопечных с уничижительной критикой за неуплаченные взносы, нежелание проходить политическую учебу, пренебрежительное отношение к контактам с Германией, невыполнение приказов: *«С безграничной горечью я наблюдаю за венским балаганом, который совершенно несправедливо носит название «боевой группы». Для этих собраний говорунов больше бы подошло наименование «политической рюмочной» или «объединения заклинателей». Тем, кто ясно не понял, зачем пришел сюда, кто из-за второстепенного не видит главного, не место в «Боевом содружестве». Нам нужны дела, а не бол-*

товня. Я осознаю тяжесть поставленных мною задач, но они должны быть выполнены. Мы должны доказать самим себе и истории, являемся ли мы якобинцами Немецкой революции или жалкими жирондистами! Может, мы революционеры за пивной кружкой и обыкновенные ворчуны? Мы должны быть активистами, борцами за дело Немецкой революции. Мы должны сражаться, а не заниматься политическим онанизмом! Нам нужно не количество, а качество. Нам предстоит достигнуть великой цели — Великой национальной социалистической Германии!»

Если о пропагандистской и агитационной деятельности «Боевого содружества» в венский период известно достаточно много, то о переезде Отто Штрассера в Австрию сообщалось гораздо меньше. Если верить мемуарам Штрассера, в Австрию ему помог попасть старший брат Грегор, который отошел от политики и дожидался своей участи. В одной из автобиографий Отто Штрассер сообщал, что прибыл в Вену 9 мая 1933 года без какой-либо полицейской регистрации, поселился у своей кузины Луизы Рэпп.

Но первые неточности в мемуарах Штрассера выявились, когда было найдено заявление, поданное им в венскую полицию. Впрочем, это детали. В то время он очень опасался нападений австрийских нацистов, которые находились на нелегальном положении. Опасения были вполне оправданными. После того как «Черный фронт» был запрещен в Германии, Дольфус мог поддаться нацистскому террору и освободить руки гитлеровцам, которые бы сами расправились со старыми противниками.

Штрассер был совершенно убежден в реальности

подобного сценария, а потому уже в мае 1933 года собирался перебраться в безопасное место, а саму организацию передислоцировать в Чехословакию. Впрочем, его мемуарам особо не стоит доверять — Штрассер любил все приукрасить. Взять хотя бы Эдгара Юнга.

Эдгар Юнг, известный политический публицист и писатель, начал карьеру в Народной партии, после чего примкнул к «Немецкому клубу господ», мозговому центру младоконсерваторов. В 1932—1934 годах был советником Папена, в котором Юнг пытался найти законопослушный консервативный дух, что не помешало последнему пойти на компромисс с Гитлером. Юнг, в свою очередь, пытался собрать воедино всех более или менее оппозиционных консерваторов. Ему даже удалось спровоцировать Папена произнести 17 июня 1934 года в Марбурге откровенную речь, призывавшую встать в оппозицию Гитлеру. Планировалось, что СА при поддержке радикального крыла рейхсвера должны были поднять восстание и сформировать национальное правительство. Но Гитлер нанес удар быстрее. Э. Юнг погиб при невыясненных обстоятельствах 1 июля 1934 года.

Так вот, Штрассер в своих мемуарах утверждал, что поддерживал тесные контакты с Юнгом. Но на деле оказалось, что они были едва знакомы. Есть сведения, что Юнг изъявил желание встретиться со Штрассером в Австрии. Встреча произошла где-то в конце мая 1933 года. На ней Юнг поведал Отто Штрассеру о растущих противоречиях внутри гитлеровского кабинета, различиях между СА и рейхсвером, распрях между штурмовиками и эсэсовцами, разногласиях между СА и «Стальным шлемом», о

растущем нацистском терроре. Свой рассказ Юнг якобы закончил мыслью, что влиятельные круги не всегда будут безропотно смотреть на эти безобразия. После обмена мнениями Юнг и его друзья выразили готовность купить несколько тысяч экземпляров «Черного получателя» и антигитлеровской брошюры, чтобы отправить ее в Германию. Кроме этого Юнг сделал Штрассеру подарок — поддельный паспорт, выписанный на чье-то имя. Он мог обеспечить Штрассеру при необходимости свободу передвижения по Германии. Дело шло к тому, что Штрассера хотели вовлечь в консервативный заговор против Гитлера.

Чтобы укрепить свои позиции в Австрии, Штрассер решил установить связи с влиятельнейшей фигурой в военизированных группировках Вальтером Фримером. Вальтер Фример был одним из лидеров австрийских хаймверов. Как известно, именно эти военизированные союзы привели к власти Дольфуса. Но со временем «социально-христианский фашизм» как главная идеология хаймверов был вытеснен великогерманскими идеями в стиле «фёлькише». Это идеологическое развитие позволило им сблизиться с НСДАП, за что еще в 1930 году выступал Грегор Штрассер. Фример стал фактическим выразителем подобных настроений. Под его контролем в то время находилась мощная организация «Защита Родины». В сентябре 1931 года В. Фример, по образцу Муссолини, решил организовать поход на Вену. Но путч провалился. Во-первых, он был плохо подготовлен. Во-вторых, к этой затее враждебно отнеслись лидеры других хаймверов. Попытка государственного переворота сошла Фримеру с рук. Правительство не захоте-

ло накалять и без того непростую политическую обстановку в стране, и заговорщиков даже не отдали под суд. Оставшись на свободе, Фример вернулся в родную Штирийскую марку. Но его политическое отшельничество длилось недолго. В 1932 году он стал сотрудничать с австрийскими нацистами. В мае того же года призывал рядовых членов хаймверов к политической независимости от национального руководства этих союзов, которое поддерживало режим Дольфуса. 20 мая состоялась его встреча с Гитлером. В ходе беседы Фример настаивал на независимости «Защиты Родины» от НСДАП. Фюрер, казалось, пошел на уступку. В 1933 году хаймвер Фримера был переименован в «Немецко-австрийскую защиту Родины». Она была усилена членами союза «Оберланд», проживавшими в Тироле и Каринтии. 18 апреля 1933 года Фример совместно с нацистами создает «Великогерманский фронт». Именно с этого момента влияние гитлеровского движения на хаймверы стало расти. Местные группы нацистов стали пополняться австрийскими националистами. Теперь Фример только мешал Гитлеру. Его с двумя десятками сторонников фактически выкинули из «Великогерманского фронта». С этого момента Фример решил начать вооруженную борьбу против Гитлера.

Именно тогда состоялась встреча Отто Штрассера и Фримера. Но об их совместной деятельности фактически ничего не известно. Судя по всему, власти не воспринимали всерьез этот «политический мезальянс». Информацию удалось найти только в одной из австрийских газет того времени— «Экстренном листке». В одном из выпусков этой газеты между «Боевым содружеством революционных национал-социа-

листов» и группой Фримера ставился знак равенства, их называли либо национал-большевиками, либо национал-коммунистами.

Глава 2

ЛИКВИДАЦИЯ «ВЕНСКОГО ЦЕНТРАЛА» И ПОПЫТКА РАБОТЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Когда в начале 1933 года Дольфус решил начать наступление на НСДАП, над нацистской партией нависла реальная угроза ее запрета в Австрии. Австрийские нацисты решили ответить на эти меры, прибегнув к не менее агрессивной тактике. В январе 1933 года страну захлестнула волна террора. Почти каждый день где-то гремели взрывы бомб. Как и подобало в подобной ситуации, все это красочно живописалось в прессе. Нацисты взрывали еврейские магазины, газетные киоски, полицейские участки. В мае— июне 1933 года началась новая волна террора, которая посеяла повсеместную панику. Панические нотки слышались даже в полицейских донесениях, которые направлялись федеральному канцлеру.

11—13 мая Вена пережила три кровавых дня. Авторы многочисленных терактов были неизвестны, но Дольфус приписал их нацистам. Отмечалось, что покушавшиеся действовали очень слаженно и смело. Хаймверы и полиция начали массовые аресты местных штурмовиков и пронацистски настроенных студентов. Поначалу они отрицали причастность к этим терактам. Но позже НСДАП была вынуждена при-

знать, что некоторые из них участвовали в «насильственных акциях», не уточняя, шла ли речь об уличных стычках или об организации терактов. Теперь у Дольфуса появился повод принять еще более жесткие меры в отношении гитлеровской партии. 20 июня 1933 года все австрийские газеты сообщили о запрете в Австрии НСДАП и штирийской «Защиты Родины». Этот запрет базировался на законе от 24 июня 1917 года, который должен был защищать республику от социальных беспорядков. НСДАП запрещалась любая деятельность на территории Австрии, в том числе создание новых организаций. Также запрещалось ношение нацистских значков и символики. Нарушавшие запрет подвергались штрафу в 2 тысячи шиллингов и тюремному заключению на полгода. Как показали события февраля—июня 1934 года, эти меры оказались безрезультатными, они не нейтрализовали нацистскую опасность. Гитлеровские СА и СС продолжили свое существование, формально вступив в парамилитаристские организации, например в Союз «Оберланд». Правительство решило запретить «Оберланд» и «Немецкую оборону», но и это не принесло результатов.

Тем временем в германских газетах утверждалось, что волну террора в Австрии организовал «Черный фронт», а СА и радикальные студенты просто оговорили себя под пытками. Штрассер тут же прореагировал на эту клевету. Он связался с хаймверами и опубликовал в газетах заявление, в котором решительно отвергал подобные обвинения. Но ситуация продолжала развиваться.

В понедельник 26 июня 1933 года в газете «Боевой призыв» появилась статья, вновь обвинявшая

Штрассера в организации беспорядков. Несколько дней спустя та же газета начала клеветническую кампанию против «Черного фронта», опубликовав статью «Бомбисты не были нацистами». «Боевой призыв» давал понять, что эти публикации должны были стать сенсационным поворотом в деле о таинственных терактах. По ее мнению, пока НСДАП имела официальный статус, в стране не было саботажа и покушений, так как нацисты и без того имели возможность вести пропагандистскую деятельность. Пока политическое руководство австрийской НСДАП могло непосредственно воздействовать на своих сторонников, оно не обращалось за помощью к военизированным формированиям. Пока проходили дисциплинированные собрания, манифестации, слеты СА и СС, молодежь могла реализовать жажду деятельности и не было никаких жертв.

Оказывается, если верить «Боевому призыву», уже осенью 1932 года эмиссары «Черного фронта» начали оказывать тайное влияние на внутреннюю политику Австрии. Они пытались деморализовывать нацистов, проникая в НСДАП, СС и СА. Газета утверждала, что из штрассерианцев состояли целиком некоторые отряды австрийских СС. «Провокаторы» даже якобы протянули щупальца в «Рабочую газету» и «Красное знамя». «Черный фронт» фактически оккупировал нацистские организации, внушив их членам «национал-большевистские» идеи.

Дальше—больше. В Германии «Черный фронт», оказывается, хотел отговорить Гитлера от законного пути, предлагая ему захватить власть нелегальными методами. Сами же штрассерианцы придерживались «пропаганды действием». *«В головах этих мародеров*

от национал-социалистического движения витали большевистские и анархические идеи», — утверждалось в одной из статей. *«Гитлер не мог смириться с подобной политикой катастроф, а потому избавил свою партию от Отто Штрассера, Вальтера Штеннеса и им подобных. Но поскольку штрассерианцы не прекратили подпольной работы, Гитлер был вынужден отправлять их в концентрационные лагеря. Тогда Штрассер и Штеннес решили скрыться в Вене, чтобы там наладить отношения с остатками группы Шульца, надеясь проникнуть в «Отечественный фронт»* [правящая партия в Австрии в годы режима Дольфуса]. .

После «тщательного расследования» автор статьи пришел к выводу, что политическое руководство НСДАП не имело никакого отношения к террористическим актам в Австрии. Между тем в стране уже существовал некий «подпольный фронт», который ставил своей целью уничтожение не только национал-социализма, но и фашизма вообще. Эти статьи по своей форме и содержанию были типичным проявлением нацистской пропаганды: все переворачивалось с ног на голову, белое становилось черным. С одной стороны, нацистское руководство, инспирировавшее эти публикации, пыталось оказать давление на Дольфуса, намекая, что беспорядки и теракты могут продолжиться. С другой стороны, оно пыталось дискредитировать в глазах хаймверовцев Отто Штрассера, представив его как коммуниста и самого опасного врага австрийского фашизма.

В одной из своих книг Штрассер сделал предположение, что в то время за полицейским префектом Вены стояли люди, симпатизировавшие нацистам:

«Теперь все было ясно: эту историю задумал подлый Штайнхойзель [префект полиции]. *Я кипел от ярости, когда представлял, как он получает двойную награду: от австрийского правительства за то, что изничтожил террористов, и от Берлина за то, что нанес урон централу «Черного фронта». Очевидно, что эти статьи, привлекшие внимание общественности, были делом рук НСДАП. Гитлеровцы хотели сделать меня козлом отпущения».*

Публикации, появившиеся в «Боевом призыве», были очевидным намеком Гитлера Дольфусу: австрийское правительство должно было отменить запрет на деятельность нацистской партии и начать преследование штрассерианцев как «истинных» виновников терактов.

Когда клеветническая кампания против Отто Штрассера и «Черного фронта» достигла своего пика, в поле зрения австрийской полиции попал инженер Антон Вебер. Вебер был баварцем, одним из участников нелегальной сети, созданной Штрассером, которая переправляла контрабандными путями подпольную литературу в Германию. Он был арестован 18 июня 1933 года при попытке спрятать на одном из кораблей листовки, предназначенные для антифашистских групп. 30 июня Вебер предстал перед венским судом, а некоторое время спустя полиция начала облавы на членов штрассеровский организации. Клеветническая кампания в прессе и контрабанда оказались для австрийских чиновников вполне достаточным поводом для начала полицейского расследования. После того как были установлены все члены «Черного фронта», места их встреч, полиция начала готовить обыски. Аресты начались 3 июля 1933 года.

Около 13 часов усиленные полицейские наряды заняли помещения венского бюро «Черного фронта» в Хофбурге. Затем начались обыски в опорных пунктах и штаб-квартире «Национального союза унтер-офицеров». Как следовало из сообщений полиции, собравшиеся там люди не ожидали налета, а потому не успели спрятать оружие и уничтожить документы. Некоторые из присутствовавших штрассерианцев забаррикадировались в одной из комнат. Но ее взяли штурмом, прежде чем они успели уничтожить картотеку «Черного фронта». Полиция изъяла архивы движения, два пистолета, несколько обойм к ним и десяток винтовочных штыков. При обыске полиция натолкнулась на несколько важных документов: переписку Хильдебранда с германскими товарищами, адреса членов «Черного фронта» и сведения о подписчиках на газеты штрассерианцев.

Обыски в опорных пунктах, у Рудольфа Йордана и в помещении «Национального союза унтер-офицеров» оказались безрезультатными. Но на одной из квартир было найдено несколько ящиков с подпольной литературой и патронами. Аресты продолжились и на следующий день. Были арестованы Карл Экер, Альфред Крёсс, Луиза Конрад, у которых находились списки организации и письменные отчеты о деятельности революционных национал-социалистов в Германии и Австрии. 5 июля были схвачены Артур Вольф, Вильгельм Ландинг, Эдуард Свобода, Освальд Хриш, Вильгельм Гёргей и Иоганн Зайфрид, но у них не было найдено ничего особенно, кроме обычных газетных публикаций.

Несмотря на то, что в полицейском департаменте абсолютно не верили, что организация Отто Штрас-

сера была причастна к терактам, совершенным в июне 1933 года, полиция все-таки передала юстиции 17 членов «Черного фронта». Суд, приняв во внимание незаконное хранение оружия и нелегальное положение «Черного фронта» в Австрии, решил оставить соратников Отто Штрассера в тюрьме. Все они были осуждены за создание тайной организации и хранение оружия. Штрассер был приговорен к тюремному заключению заочно. Все осужденные были освобождены через год. А некоторые, например Луиза Конрад, вообще провели в тюрьме только пару месяцев. Вместе с тем суд запретил воссоздание в какой-либо форме «Черного фронта». Хотя сам по себе подобный факт был маловероятным — рядовые члены окончательно утратили любые контакты со своими руководством. Штрассера ждала новая неудача — его сторонников преследовали в Австрии так же, как и в Германии.

Во всех своих книгах Штрассер утверждал, что во время арестов соратников он находился в Вене и только чудом ему удалось не попасть в руки полиции. Бегство в Чехословакию он описывал следующим образом: *«Покидать Австрию по железной дороге было небезопасно. Как показывал опыт, за вокзалами и дорогами уже пристально следили. Но оставался еще старый трамвай между Веной и Пресбургом... Полиция снисходительно смотрела на такое старомодное средство передвижения, как трамвай. Никто не мог и подумать, что я подобным способом скроюсь в Чехословакии»*.

Можно поставить под сомнение правдоподобность подобных красочных описаний, так как известно, что во время пребывания в Австрии Отто Штрас-

сер находился под неустанным контролем полиции. За ним продолжали следить даже во время пребывания в провинциальном городке Мальниц. Хотя Штрассер ездил по стране под именем инженера Отто Лёрброка, ему никогда не удавалось ускользнуть от полиции. 12 июня в полицейском рапорте говорилось, что он, оставив свою жену в Мальнице, уехал к своей кузине в Вену. 18 июня он отбывает на поезде с вокзала Франца Иосифа в Чехословакию. Именно там он узнал об арестах, которые происходили 3 июля 1933 года. Эти факты заставляют усомниться в том, что в Вене действительно произошло «чудо». Остальное можно было узнать из его письма, направленного Штрассером 6 июля 1933 года из Праги в венскую полицию.

Этот текст состоял из двух частей. Первая характеризовала действия полиции, вторая содержала пояснения относительно целей и задач «Черного фронта». *«Публикации в венской прессе, в особенности сообщение полиции от 5 июля относительно «Черного фронта», дали мне как имперскому руководителю этой организации повод довести до сведения полицейских структур наши цели. Как справедливо подмечено в полицейском релизе, я недолго пребывал в Австрии. Но в отличие от изложенного, уведомил полицию о прибытии в страну... «Черный фронт» добивался бескомпромиссного и революционного воплощения в жизнь идей национал-социализма. Подобные целевые установки противопоставляли и продолжают противопоставлять друг другу «Черный фронт» и гитлеровскую партию. Но они никогда не смогут направить «Черный фронт» против интересов немецкого народа, равно как и против*

вечных понятий человечности и доброты. Несмотря на некоторые политические разногласия, возникшие между нами и австрийским правительством, мы полагаем, что венская полиция обязана обличать ложь нацистских газет и установить непричастность «Черного фронта» к совершенным терактам. Но почему, несмотря на свою невиновность, сторонники «Черного фронта» арестованы и отданы под суд? Якобы за создание тайной организации? Но обвинение в заговоре абсурдно, так как деятельность «Черного фронта» проходила под само собой разумеющимся надзором властей. При выпуске вестника имперского руководства («Черный отправитель»), запрещенного в Германии, мы, поступая по инструкциям, согласовывали каждый номер, чтобы быстрее довести его до общественности. Ни один из 15 выпусков этой газеты не был арестован и изъят полицией. И в остальной политической деятельности «Черный фронт» никогда не выходил за рамки, установленные законами Австрии, так как мы не хотели подвергать угрозе наше политическое убежище. А потому речь идет либо о прискорбном промахе, либо о роковой ошибке». Письмо заканчивалось тремя просьбами: освободить Луизу Конрад, не занимавшуюся политической деятельностью; не выдавать Германии арестованных в Австрии штрассерианцев; реабилитировать всех членов «Черного фронта» и сохранить за ними право политического убежища.

Ответ на это письмо должен был получить Антон Штрассер, который в январе 1933 года эмигрировал во Францию. Само обращение к властям Австрии было полностью опубликовано в 16-м номере «Черного отправителя». Ни одна немецкая или австрийская газета не решились его опубликовать. Да и само

имя Отто Штрассера очень скоро сошло со страниц австрийских газет, им продолжало интересоваться только немецкое консульство. 13 июня 1933 года венская полиция получила письмо от немецких дипломатов, в котором они просили выдать Германии арестованных членов «Черного фронта». Решение вопроса забуксовало. Завязалась долгая переписка. В австрийском правительстве никак не могли решить, вызовет ли отказ выдать осужденных штрассерианцев международные осложнения. Но в итоге немецкое консульство получило отрицательный ответ, австрийский эпизод в истории революционного национал-социализма подошел к концу.

Ликвидация австрийского «централа» «Черного фронта» стала тяжелым ударом для антифашистского сопротивления в Германии. Штрассер оказался совсем не подготовленным к созданию второго «централа», который должен был возникнуть на этот раз в Чехословакии. Очень сложно понять причины очередной неудачи Штрассера, так как неизвестно, что двигало Дольфусом, когда он решил запретить в своей стране «Черный фронт». Может быть, советники убедили канцлера, что деятельность революционных национал-социалистов направлена против правительства, что «Черный фронт» борется против фашизма, в том числе в его австрийском варианте, что Штрассер намерен осуществить в Австрии национал-большевистскую революцию. Но скорее всего причина кроется в том, что Штрассер был плохо информирован о политической обстановке в Австрии, а потому не был готов к деятельности в этой стране. Его двойственное отношение к Дольфусу стало причиной подозрительного отношения к штрассерианцам со стороны властей. В случае столкновения между австрий-

скими фашистами и германскими нацистами революционные национал-социалисты оказались бы между двух огней.

Штрассер совершил ошибку, не поддержав открыто правительство Дольфуса, а его революционная пропаганда зашла слишком далеко. Не решившись избавиться от своей экстремистской фразеологии, Штрассер стал подвергаться нападкам со всех сторон. Снова, как и ранее, он должен был винить во всех неудачах только себя, что в очередной раз ставало под сомнение его способности как политика. История «Боевого содружества» в Чехословакии стала точкой отсчета исчезновения революционного национал-социализма как такового.

Ликвидация «венского централа» выбила Отто Штрассера из колеи. У него фактически не было времени, чтобы создать в Праге новый подпольный центр антифашистского сопротивления. Деятельность штрассеровского сопротивления в Чехословакии ограничена 1933—1935 годами, то есть тем временем, когда в Германии существовала хоть какая-то оппозиция Гитлеру. К 1935 году Штрассер сосредоточился исключительно на попытке собрать воедино немецкие антифашистские группы из Южной Америки, США, Южной Африки, отдельных европейских стран. Он хотел создать новую международную организацию, которая бы руководила прямыми действиями антигитлеровской оппозиции.

Во время пребывания в Праге Отто Штрассер не был изолирован. Здесь проживало около 600 человек, бежавших из Германии: коммунисты, социал-демократы, евреи, либеральные интеллектуалы. Из них сформировалось несколько антигитлеровских центров, которые вели активную издательскую деятель-

ность. Но чешское правительство весьма сдержанно относилось к подобной эмиграции. Оно в определенной мере поддерживало либералов и социал-демократов, заняв враждебную позицию в отношении коммунистов. Немецкая община находилась под постоянным полицейским присмотром, но не подвергалась преследованиям, пока не критиковала существующую власть в стране. В определенный момент правительство Масарика стало оказывать значительную помощь либеральным и демократическим группам, ориентированным на решительную борьбу с гитлеровским режимом. Масарик со все большей озабоченностью следил за агитацией Хенляйна, вождя судетских нацистов. В то время в Чехословакии проживало около 3 миллионов немцев, и президент страны вовсе не жаждал повторения австрийского сценария.

В Чехословакии Отто Штрассер мог рассчитывать только на 10 человек — остатки некогда многочисленного «Черного фронта». Количество явно недостаточное для эффективной подпольной работы. Штрассер хотел восстановить связи со сторонниками, оставшимися в Германии. В 1933—1934 годах он, пытаясь найти спонсора для новой газеты, написал несколько антигитлеровских брошюр. Своими многочисленными интервью Штрассер пытался сформировать у общественности мнение, будто бы он являлся авторитетнейшей фигурой немецкой оппозиции.

В статьях и дискуссиях с журналистами Штрассер не уставал повторять свою схему якобинско-жирондистского развития истории, высказывая твердую уверенность в скорейшем падении режима Гитлера. Все то же самое, что говорилось и несколько лет назад, за тем исключением, что теперь Штрассер демонстрировал свою неприкрытую любовь к евреям.

Подобный филосемитизм проснулся в нем по политическим мотивам. Он очень надеялся получить финансовую поддержку от антифашистских организаций США. Неудивительно, что в этот период в окружении Штрассера оказалось очень много евреев: бывший рейхсверовец Хайманн, пражский издатель Севера, венгерская еврейка фрау Гроф, одно время даже работавшая секретаршей «вождя» «Черного фронта».

В статье, написанной для «Парижского ежедневника», он яростно нападал на «тупую и несправедливую антисемитскую клевету, распространяемую гитлеровцами». Он требовал защиты еврейского меньшинства, а в сионистском проекте видел возможность решения пресловутого еврейского вопроса. Активная самореклама позволила Штрассеру создать небольшую группу, которая получила название «Исполнительный комитет Немецкой революции». Но Штрассер не собирался останавливаться на этом. Он захотел сформировать из приближенных «немецкое правительство в изгнании».

Программа «Исполнительного комитета» была ориентирована на всех активных антифашистов, но прежде всего на немецкую молодежь. По своему содержанию она была очередным повторением «14 тезисов Немецкой революции» — борьба против Версальского договора, отрицание капитализма, социализация экономики, народная революция, создание общественного строя, опирающегося на сословия и профессиональные корпорации. Новыми были только два пункта: формальное признание равных прав еврейского народа и отказ от европейских войн как пути создания «Европейской Федерации». Любые спорные вопросы должны были урегулироваться только мирным путем.

Чтобы достать необходимые средства, «Исполнительный комитет» решил выпустить в обращение боны, которые должны были быть оплачены имперским казначейством после революции. Немецкое консульство тут же заявило протест, так как по сути это являлось не просто мошенничеством, а почти выпуском фальшивых денег. Чешское правительство приняло это замечание к сведению — Штрассеру погрозили пальцем и порекомендовали больше так не делать.

Когда в феврале 1934 года Штрассер вновь стал издавать газету «Немецкая революция», то решил, что пришло время активизировать внутреннее сопротивление в самой Германии. Это сразу же вызвало беспокойство гестапо, которое поручило дипломатам собрать любые сведения об Отто Штрассере. Именно эти отрывочные сообщения позволили тайной политической полиции Третьего рейха вычислить все связи Штрассера, его поездки и контакты с чехословацким правительством.

В августе 1934 года произошел инцидент, который заставил Штрассера вести более скрытный образ жизни. Агенты гестапо, одетые чехословацкими полицейскими, провели у него дома обыск. С этого момента Отто Штрассер находился под защитой правительства Чехословакии. За его личную безопасность отвечал полицейский комиссар Бенда. Но помощь была отнюдь не бескорыстной. Теперь Штрассер должен был содействовать поиску и выявлению нацистских агентов, засланных в Чехословакию. С согласия Бенды Штрассер имел три паспорта и проживал в стране под чужим именем. У его квартиры круглосуточно дежурил полицейский наряд, а в поездках со-

провождало несколько телохранителей, предоставленных пражскими властями.

В феврале 1934 года казалось, что Штрассер благодаря своим пропагандистским способностям смог найти новых сторонников во Франции, Саарской области и в самой Германии. Но, как следовало из сообщений немецкого консульства, пражская полиция сомневалась в необходимости повышенных мер безопасности и личной охраны Отто Штрассера. Некоторые местные политики даже высказывали пожелание выдворить его из страны. Впрочем, Штрассеру удалось восстановить прошлое положение, когда «Общество чешской философии» пригласило его сделать доклад «Принципы национал-социализма». На этой лекции присутствовало 450 человек. Сам доклад был очень положительно воспринят политическими кругами Чехословакии. Штрассера вновь стали воспринимать как серьезного политического мыслителя, которому только в силу обстоятельств не удалось сформировать «немецкое правительство в изгнании».

«Ночь длинных ножей», в ходе которой были зверски убиты Грегор Штрассер, генерал Шляйхер, большинство лидеров оппозиционных штурмовиков, подтолкнула Отто к более активной деятельности. Он специально написал брошюру по этому поводу. В ней он разоблачал агрессивные планы Гитлера. Информация, изложенная Штрассером в «Немецкой Варфоломеевской ночи», была настолько точной, что возникает подозрение, а не было ли у него своих источников в СС и гестапо. Откуда он, например, мог знать о количестве убитых во время «ночи длинных ножей», когда официальная немецкая пресса сообщала совершенно другие цифры, более низкие?

Тем временем в Австрии прошла амнистия, и все

арестованные штрассерианцы оказались на свободе. Большинство из них предпочло тут же перебраться в Прагу. Среди них был и Хильдебранд. Почти сразу же между ним и Штрассером разгорелся конфликт. Хильдебранд отказывался видеть в Гитлере предателя немецких интересов. 7 ноября он переехал в Цюрих, откуда направил Отто Штрассеру письмо, в котором обвинял его самого в предательстве национальных идеалов, а деятельность «Черного фронта» оценивал как «государственную измену». После этого Хильдебранд стал налаживать контакты с гестапо. Это не только позволило ему вернуться в Германию, но и получить прощение у гитлеровцев. Не исключено, что к подобному решению Хильдебранда подтолкнули успешные акции гестапо по ликвидации деятелей «Черного фронта», скрывшихся за рубежом. Большинство штрассерианцев, переживших войны, были уверены, что Хильдебранд начал сотрудничество с гестапо еще в феварле 1933 года. Но архивы говорят о другом. Хильдебранд разочаровался в Штрассере, когда тот кинул своих товарищей на произвол судьбы в Вене. Сотрудничать с гестапо он начал, когда узнал, что Отто Штрассер кардинально изменил позицию по еврейскому вопросу.

Очередная попытка активизировать «Черный фронт» последовала в ноябре 1934 года, когда Штрассер установил тайные контакты со шведским кронпринцем. Их встреча произошла в Праге, в доме одной известной еврейской семьи. Одновременно с этим ему удалось перетянуть на свою сторону бывшего канцлера Веймарской республики Брюнинга. Эти два события фактически спасли Штрассера от депортации из страны. Чешское правительство реши-

ло использовать его для борьбы с Гитлером. По крайнем мере, ему не мешали в деле с так называемой «черной радиостанцией».

Эту подпольную радиостанцию смонтировал в ноябре 1934 года бывший редактор штуттгартского радио, ярый антифашист Рудольф Формис. Он использовал служебное положение для того, чтобы срывать трансляцию речей Гитлера. Как правило, он перерезал провода. Со временем гестапо вычислило вредителя. Формиса бросили в концлагерь, из которого ему удалось бежать. Отто Штрассер прекрасно понимал, что «Немецкую революцию» было рискованно распространять в Германии. Это могло поставить под удар антифашистов, оставшихся в Германии. Штрассер и Формис решили использовать радиостанцию, чтобы транслировать пропагандистские передачи на территорию Третьего рейха. Для этого Формис тайно вернулся в Штуттгарт, где закупил все необходимые радиодетали. Ему удалось собрать такую сильную и совершенную радиостанцию, что она вызвала восхищение у чехословацкой полиции. После войны она была даже выставлена в качестве экспоната в Пражском музее почты.

Саму станцию было решено расположить на чешско-германской границе. Она ежедневно передавала музыкальные передачи. В перерывах между песнями транслировались заявления «Черного фронта» и речи Отто Штрассера, обзоры антифашистской прессы. Сам же Формис являлся талантливым полемистом. В передачах он блестяще, со злобной иронией обличал гитлеровский режим. Его аудитория росла так быстро, что немецкий консул не нашел ничего лучшего, как самому пожаловаться на Формиса чехосло-

вацкому министру иностранных дел Крофту. Реакции, естественно, не последовало. Тогда гестапо решило действовать.

В Третьем рейхе уже давно разрабатывали план ликвидации «черной радиостанции». В ночь с 23 на 24 января 1935 года специальная эсэсовская команда проникла на территорию Чехословакии и совершила налет на гостиницу, откуда вещал Формис. Тот успел произвести несколько выстрелов, прежде чем его убили.

Смерть Формиса стала тяжелейшим ударом для «Черного фронта». Большинство сторонников Штрассера охватила паника. Кто-то предпочел скрыться, а кто-то, как Хильдебранд, переметнулся на сторону Гитлера. Сам Штрассер оказался в тюрьме, она была единственным местом, где чехословацкое правительство могло гарантировать ему безопасность. Некоторое время спустя он оказался на свободе. Без денег, без сподвижников, без газеты и радиостанции, без какого-либо имущества, обложенный со всех сторон агентами гестапо, он был человеком без будущего. Погребение Формиса на пражском кладбище стало не просто похоронами выдающегося антифашиста, но и похоронами революционного национал-социализма. На бумаге «Черный фронт» существовал до 1945 года, на самом деле он прекратил существование в январе 1935-го. Революционный национал-социализм не воскрес ни в годы Второй мировой войны, ни тем паче после ее окончания, когда понятия «национал-социализм» и «гитлеризм» стали словами-синонимами.

Послесловие

БЕГСТВО ДЛИНОЮ В 20 ЛЕТ

После освобождения из тюрьмы положение Отто Штрассера было более чем шатким. Его могли в любой момент депортировать из страны. 1937 год принес еще одно неутешительное известие — скончался бывший президент Чехословакии Масарик. Именно благодаря ему Штрассер смог продолжать деятельность в этой стране. Затем последовал аншлюс Австрии, и Штрассер потерял еще нескольких соратников. Он с ужасом следил за Мюнхенским сговором, когда западные державы предпочли отдать Чехословакию Гитлеру. Штрассер покинул страну буквально накануне ее оккупации. Осенью 1938 года он направился в Париж, пытался создать еще один централ, но безуспешно. Из всей предполагаемой международной антифашистской организации он мог положиться лишь на Рихарда Шапке, который скрывался в Дании.

Во Франции, однако, он пробыл недолго. В декабре 1938 года в Париж прибыл министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим Риббентроп. Франция собиралась подписать с Гитлером «вечный мир», который не продлился и год. Во время визита Риббентроп потребовал выдачи Отто Штрассера. Французское правительство тут же арестовало неудобного эмигранта, который мог испортить отношения с мо-

гущественнейшим соседом. Его судьба была бы предрешенной, если бы в дело не вмешался испанский посол. Штрассера освободили, но отказали в политическом убежище. Он решил не искушать судьбу и перебрался в Швейцарию, где поселился в маленькой деревушке Херрлиберг. Место было выбрано не случайно, деревенька размещалась рядом с германской границей, так что до Третьего рейха было рукой подать. Он пытался продолжить свою антигитлеровскую деятельность, но с каждым днем это удавалось все хуже.

Когда 1 сентября 1939 года грянула Вторая мировая война, Отто Штрассер был загнанным в угол — ни Франция, теперь формально воевавшая с Гитлером, ни Англия не хотели предоставлять политического убежища. Подобно животному, за которым гнались, он оказался запертым в маленькой европейской стране, которая буквально кишела нацистскими шпионами. Штрассера ждал новый неприятный сюрприз. 9 ноября 1939-го бывший коммунист Георг Эльзер взорвал самодельную бомбу в знаменитой мюнхенской пивной, в которой Гитлер выступал по случаю годовщины провалившегося в 1923 году «пивного путча». Во время взрыва погибло восемь нацистов, более шестидесяти человек были серьезно ранены. Но цель покушения не была достигнута: Гитлер закончил выступление раньше обычного и уехал за несколько минут до взрыва. Более того, по странному стечению обстоятельств гестапо уже через несколько часов вычислило, что «организатором» покушения был «Черный фронт». Правда, сам Отто Штрассер ничего об этом не знал.

Впрочем, обвинения не были столь уж беспочвен-

ными. Одной из заметных акций «Черного фронта» стала попытка покушения на Гитлера в 1936 году. Штрассер уговорил Гельмута Гирша, еврейского студента, эмигрировавшего в Прагу из Штутгарта, вернуться на родину и попытаться убить кого-то из нацистских руководителей. Гирш хотел отомстить за набиравшее обороты преследование немецких евреев. Кроме Гитлера он хотел рассчитаться с оголтелым антисемитом Юлиусом Штрайхером, близким к фюреру человеком, редактором печально знаменитого «Штюрмера». Взрыв должен был произойти в Нюрнберге во время очередного партийного съезда. Но Гирш даже не успел получить взрывчатку — он был выдан одним из участников заговора и схвачен гестапо. Суд приговорил его к смерти, казнь состоялась 4 июля 1937 года в берлинской тюрьме Плётцензее, где окончилась жизнь многих борцов с гитлеровским режимом.

На этот раз нацисты решили не упустить старого противника — они потребовали выдать Германии «организатора» покушения, которым, естественно, был Отто Штрассер. Швейцарские власти не захотели портить отношения с рейхом из-за какого-то оппозиционного политика и тут же предпочли выставить его из страны как английского агента.

В спешке пришлось вновь бежать во Францию. И вот снова Париж. Здесь он провел начало 1940 года, предвидя скорейшее крушение и этой страны. И вновь неприятный сюрприз. Французское правительство решило арестовать Штрассера и поместить в концентрационный лагерь Буффало. Поводом для этого стали его политические взгляды — французское правительство решило бросить его за решетку, так

как Штрассер был «немецким национал-социалистом»! В Германии его ждала смерть как антифашиста, западные страны считали его нацистом — ситуация более чем парадоксальная. Впрочем, сам Штрассер считал, что его арест инспирировал какой-нибудь полицейский чин, получавший финансирование от гестапо. В концлагере Штрассер услышал раскаты, предвещавшие его смерть. С каждым днем артиллерийская канонада раздавалась все громче. Нацистам надо было всего лишь заглянуть в лагерь и расправиться с врагом. Это была новая западня. В данной ситуации он приложил все усилия, чтобы доказать французским властям: он не был нацистом и гитлеровцем. В итоге ему поверили. Но и свобода вовсе не означала долгожданного спасения. Без денег и связей он не мог надеяться на переезд в Англию. Он метался по стране, пытаясь вырваться из Франции. Безрезультатно. Штрассер стал свидетелем военного крушения этой страны. Во Францию вошли немцы. Из концлагеря он был освобожден в конце мая, а 14 июня 1940 года Париж капитулировал. Из сообщений по радио он узнал об условиях перемирия и то, что объявлен в розыск. Появляться на улицах было рискованно. В любом полицейском участке теперь его фото. Он не сомневался: живым его брать не будут. Находясь в подполье, Отто не знал, что погиб его друг Рихард Шапке. Когда Дания была оккупирована, Рихард попытался бежать в Швецию на рыбацкой лодке. Она была расстреляна в нейтральных водах.

Единственная возможность выжить заключалась для Штрассера в бегстве в Португалию. Но в посольстве этой страны не давали визу человеку без граж-

данства. Его выручила суматоха, вызванная войной. Дело в том, что во Франции все еще продолжало действовать посольство уже оккупированной Голландии. Там, видимо, махнули рукой на проблему гражданства, предоставляя его всем. Это была единственная возможность попасть в Португалию. 1 августа 1940 года он отбыл в эту южную страну.

По пути следования Штрассер пытался не появляться на публике. И совсем не зря. Если верить мемуарам В. Шелленберга, его уже собрались перехватить в Испании или достать в самой Португалии. «*Гитлер ненавидит Отто так же, как ненавидел его брата Грегора,* — сказал как-то рейхсфюрер СС Вальтеру Шелленбергу. — *Он считает их обоих своими личными врагами. Гитлер убежден, что Отто только и ждет возможности убить его и работает над осуществлением своих планов вместе с британской и американской секретными службами*». Вскоре Гиммлера, Шелленберга и шефа Главного управления имперской безопасности Гейдриха вызвали в рейхсканцелярию.

«*Я решил,* — заявил фюрер, глядя на Шелленберга, — *уничтожить Отто Штрассера любыми средствами. Задание это я приказываю выполнить лично вам*».

Из сообщений агентов, внедренных в «Черный фронт», стало известно, что Отто Штрассер должен был появиться в Лиссабоне. Для организации его убийства Шелленберг получил два крохотных пузырька с ядовитой сывороткой, созданной по заданию СД. Две недели агенты гестапо и нанятые ими помощники пытались установить местонахождение лидера «Черного фронта», однако все усилия были напрасны.

В Португалию Штрассер попал обходными путями. Он не решился сесть на прямой поезд Мадрид—Лиссабон. В Португалии думал скрыться в бенедиктинском монастыре, где монахом был его брат Пауль. Но немецкая верхушка потребовала от режима Салазара выдачи Штрассера. Поэтому, чуть-чуть передохнув, снова надо было готовиться к бегству. Но тут ему повезло больше — его согласилась принять Англия. 2 октября 1940 года английский пароход «Экскамбион» забрал злополучного беглеца. Выбирать не приходилось — пароход следовал на Бермуды, английскую территорию. Ждать другого — подвергать жизнь опасности. Но и на солнечных Бермудах он не задержался. Судьба забросила его в Канаду.

Вначале все шло хорошо. Отто доброжелательно приняли в канадском министерстве иностранных дел. Там он предложил услуги в борьбе с фашизмом и даже попытался сформировать «Освободительное движение Германии». И тут начались проблемы, вначале на дыбы встал конгресс США: там никогда не слышали об этой организации. Штрассер допускает еще одну ошибку: откажись он в тот момент от своих антикоммунистических лозунгов и согласись на перенесение центра своего движения в Москву, у него не было бы никаких проблем. Но подобная принципиальность не вызвала одобрения у канадского правительства. Было решено не подпускать этого сомнительного немца к антифашистской работе.

Конец Второй мировой войны вырвал Штрассера из политической спячки. Он официально распускает «Черный фронт» и создает «Лигу немецкого обновления». Он жаждет работы на благо Германии. Но

опять его ждет разочарование. В восточной зоне оккупации (будущая ГДР) его не хотят видеть. В западной зоне оккупации (будущая ФРГ) более охотно привлекают к сотрудничеству бывших военных, нежели непонятных политиков. Почти десять лет Отто Штрассер добивался права вернуться на родину. Неизвестно, удовлетворили бы его просьбу, если бы не шум, поднятый английским публицистом Дугласом Ридом. Его книги привлекли внимание общественности, и в середине 50-х годов Отто Штрассер все-таки вернулся в Германию. Он жил в ФРГ, где создал «Немецкий социальный союз» — радикальную организацию, которая не смогла добиться политического успеха. Умер «личный враг Гитлера» 27 августа 1974 года в Мюнхене в возрасте 76 лет. Имена Отто Штрассера и его брата Грегора в 70-х гг. были подняты на знамена европейскими «новыми правыми», которые видели идеал нонконформистского революционного движения — так называемого «Третьего Пути» — в раннем национал-социализме. Гитлеровский нацизм они считали оппортунизмом и извращением. Интерес к теории Отто Штрассера возник вновь в 90-х годах, после объединения Германии. Именно тогда появились такие организации, как «Боевой союз немецких социалистов» и реанимированный «Немецкий социальный союз».

Приложение № 1

«14 ТЕЗИСОВ НЕМЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

1. Перед Богом и всем миром Немецкая революции отринет ложь о долгах Германии, отринет грубое насилие вымогательских «мирных договоров», заключенных в Версале и Сен-Жермене. Всеми средствами она будет вести неустанную, фанатичную борьбу против этого диктата и навязанных им соглашений.

2. Немецкая революция провозглашает свободу немецкой нации в рамках сильного государства, охватывающего все немецкие племена среднеевропейского пространства, которое будет простираться от Мемеля до Страсбурга, от Ойпена до Вены, которое, охватывая всех немцев центральной Европы, в силу своей величины и мощи станет хребтом и сердцем Белой Европы.

3. Немецкая революция отказывается от эксплуатации и угнетения других народов и наций, она хочет не больше не меньше чем достаточного жизненного пространства для молодой немецкой нации, в значительной мере признавая, что глубочайшие противоречия между несправедливостью одних и правами других народов и наций могут решаться только посредством войны, которая является волею судьбы.

4. Немецкая революция провозглашает единственной целью государства консолидацию всех сил нации, единодушное использование этих сил во имя сохранения жизни и обеспечения будущего этой нации, поддержку того, что способствует этой цели и противодействует всему, что мешает ее достижению.

5. Немецкая революция требует решительного внедрения сильной централизованной власти, направленной против всех сепаратистских проявлений государственного, партийного и

конфессионального характера. Унитарное государство немецкой нации увяжет воедино силы, проистекающие из природных и племенных традиций.

6. Устранив противоестественную либеральную систему, Немецкая революция даст свободу развития силам сословного самоуправления, которые дополнят верховные задачи государства. Она поставит на место конституционного парламентаризма живую систему профессиональных и сословных палат, заменит безответственность безликой массы персональной ответственностью всех и каждого за руководимое им дело.

7. Немецкая революция провозглашает общую судьбу немецкой нации. Но она осознает, что судьба состоит не в нужде или достатке, она одобряет все то, что приводит к осознанию фундаментального принципа: «Общественное благо выше личного».

8. Немецкая революция отвергает капитализм, являющийся индивидуалистической хозяйственной системой, чье крушение станет залогом успеха Немецкой революции. Она со всей решительностью провозглашает себя носительницей корпоративной системы социализма, исходя из того, что дух экономики должен служить удовлетворению потребностей нации, а не стяжанию прибыли и богатства.

9. Немецкая революция провозглашает верховную собственность государства на почву, недра и полезные ископаемые. Люди, наделенные ленами, являются лишь пользователями, которые должны отчитываться перед государством, как используется в интересах нации эта собственность.

10. Немецкая революция провозглашает равенство всех трудящихся на участие в получении прибылей и участие в управлении национальным хозяйством, которое должно стоять на службе каждого народного товарища, чья личная прибыль определяется ростом эффективности использования общенациональной собственности. Революция признает личные интересы, но лишь как мотор в машине, которая должна создать благополучие нации.

11. Немецкая революция видит благополучие нации не в накоплении материальных благ, не в бесконечном повышении жизненного уровня, но исключительно в здоровье богоданного

национального организма, которое необходимо для выполнения задачи, поставленной судьбой.

12. Немецкая революция видит эту задачу в абсолютном раскрытии неповторимого национального своеобразия, а потому всеми силами борется против расовой дегенерации, чужеродного засилья, выступая за народное обновление и очищение, за немецкую культуру. В частности, эта борьба будет вестись против еврейства, которое в союзе с объединениями надгосударственного характера (масонство и ультрамонтанизм) разрушает национальную волю и народную душу.

13. Немецкая революция борется с господством еврейско-римского права, выступая за германское право, которое стало бы мостиком к немецкому человеку и его чести, признавая и отдавая должное неравенству людей. Германское право признает гражданами только народных товарищей, а мерилом вещей для него является общее благо.

14. Немецкая революция разрушит мировую картину, созданную Великой Французской революцией, и сформирует облик XX столетия. Немецкая революция является национальной, так как выступает против порабощения немецкой нации; социальной, так как борется против тирании капитала; народной, так как противится разрушению немецкой души. Все это — для нации. А нация, отбросив свой страх перед борьбой, несмотря на большие жертвы и кровавые войны, хочет революции. Она жаждет революции, так как Германия должна жить!

Приложение № 2

Отто Штрассер

МЫ ПРИВЕТСТВУЕМ НОВУЮ ВОЙНУ

Снова наступило 1 августа! Снова мысли всех немцев возвращаются к тому дню, от которого нас отделяют 16 лет, к тому дню, который оценивают совершенно по-разному.

«Лишь бы не было войны!» — ревут огромные толпы, взращенные марксистской ересью, видя в войне итог экономических махинаций; толпы, желанной целью которых является «согласие» всех народов, которые охотно готовы пожертвовать свободой своего народа.

«Лишь бы не было войны!» — вторят лозунгам «признанной» прессы полные страха и ужаса бравые обыватели, несущие в массы отраву пацифизма, прикрываясь отчасти гуманистическими фразами, отчасти мнимой религиозностью.

«Лишь бы не было войны!» — охают добропорядочные патриоты, полные гордости за славное прошлое. Но, придерживаясь «трезвой рассудительности», они отрицают возможность войны и, гордые, называют свою трусость «реальной политикой».

С неистовой яростью или унылыми воспоминаниями, но они все не приемлют 1 августа. Они визжат от ужаса, когда перед ними снова всплывает кроваво-красное слово «война».

Но мы приветствуем войны! Мы приветствуем 1 августа 1914 года как начало духовного, умственного, физически насильственного переворота, который мы называем Немецкой революцией! Полные удовлетворения, мы приветствуем ее, так как она сорвет корку, которой покрыта немецкая душа; мы приветствуем ее, полные благодарности сражавшимся на фронтах, чьи жертвы и смерть сохранили нам жизнь; мы приветствуем ее, давая клятву исполнить ее дух как завершение перево-

рота, начатого 1 августа 1914 года, ИБО ВОЙНА БУДЕТ ПРОРЫВОМ НЕМЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Мы, солдаты великой войны, восприимчивая немецкая молодежь, уже давно знаем, что все события имеют смысл, что каждая жертва приближает триумф, что каждая смерть — это двери в новую жизнь. Мы смеемся над либеральными сказками о «вечном прогрессе человечества», а насаждаемое с такой помпой господство человеческого духа для нас не более чем идолопоклонство. СУДЬБА показала, что война и смерть так же необходимы и милосердны, как мир и жизнь.

Но мы верим в судьбу, так как в ужасающих бедствиях войны увидели родовые схватки нового времени, ВРЕМЕНИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВОБОДЫ и СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ, которое мы называем одним словом: «национал-социализм».

НАЦИОНАЛЬНОЙ СВОБОДОЙ— мы называем не свержение Версальского ига, репарационного рабства Дауэса и Юнга, не жалкое существование немецкого народа. Для нас это создание немецкой серединной Европы — ТРЕТЬЕГО РЕЙХА.

Верите ли вы, что за такую цель можно заплатить высокую цену?! Верите ли вы, что от порабощения и закабаления нельзя избавиться по-другому, только как применив силу? Верите ли вы, что только война вырвет нас из пут Версаля?

Логика истории учит ясно и однозначно: только война сможет вернуть утраченную свободу. Судьбу нельзя обмануть или изменить. Нам остается только одно — выполнить или нет ВОЛЮ СУДЬБЫ.

СВОБОДА и ВОЙНА? Или РАБСТВО и МИР?! Этот вопрос нам задает судьба Германии. И никакой другой!!!

Наш ответ ясный и четкий: СВОБОДА и ВОЙНА!!! Но это только половина, а она, как всякая половина, нежизнеспособна! Можно ли вести войну только потому, что кто-то полагает, будто Германии сейчас нужна война?

Война должна найти отклик в сердцах людей, найти одобрение в их умах. Ее питательной средой должна стать пылкая воля, только тогда она закончится победой и достигнет своей цели. ПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА НЕМЕЦКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ — ЭТО СОЦИАЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ — это не только крушение господства денег, капитализма и эксплуатации, но и, по меньшей мере, новое толкование жизни, это исполнение внутреннего призвания, собственная школа, своя малая родина, счастливая жена и радостные дети, обеспеченная старость и спокойная кончина — то, что мы называем НЕМЕЦКИМ СОЦИАЛИЗМОМ!

Вы считаете, что для такой цели одно поколение было бы высокой ценой? Направите ли вы огромные силы на борьбу за свободу, чтобы достигнуть такой цели? Как вы думаете, сможет ли кучка наймитов мирового капитализма противостоять воле 60-миллионного народа?

РЕВОЛЮЦИЯ и ВОЙНА — одно не мыслимо без другого, по раздельности они бессмысленны. Только вместе они защитят народ! Или вы не знаете, что все ИНТЕРВЕНЦИОННЫЕ ВОЙНЫ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ ПРОВАЛОМ? Неужели вы не знаете, что отряды революции ВСЕГДА сильнее хорошо вооруженных армий деникиных и врангелей?!

Пламя революционного сердца сильнее дисциплины армий интервентов, а кипучесть боевой силы социалистической революции мощнее современного оружия наймитов империализма!

ЧТО ПРЕДВЕЩАЕТ НАШУ ПОБЕДУ? В одинаковой степени трезвая логика истории и наше горячее сердце!!! А поскольку мы представляем оба эти фактора, поскольку нашими устами говорит сама судьба, поскольку мы признаем и войну, и революцию, то мы знаем, что час их двойного рождения станет грандиозным финальным актом того, что было начато 1 августа.

С этими знаниями и уверенностью мы приветствуем 1 августа.

МЫ ПРИВЕТСТВУЕМ ГРЯДУЩУЮ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ВОЙНУ!

Приложение № 3

МАНИФЕСТ «ЧЕРНОГО ФРОНТА»

Программа действий

«Боевого содружества революционных национал-социалистов», принятая Вторым имперским конгрессом в замке Лауенштайн 2—4 октября 1931 года

В мучительных проявлениях кризиса умирает либеральная система. Капитализм, порожденный либеральной системой, больше не в состоянии гарантировать немецкому народу питание, одежду и жилье, что вылилось в чудовищную нищету широких масс, пролетарскую безработицу и уничтожение крестьянства.

Либеральное общественное и государственное устройство, гражданское классовое государство и парламентская демократия больше не могут органически объединять и использовать силы немецкого народа, который, стараясь устранить внутренние противоречия и усилить внешние воздействия, придет к необходимости утверждения национальной свободы.

Либеральное понимание культуры, рационализм и материализм лишили немецкого человека смысла жизни и породили в его душе беспокойство, бессмысленность, отчаяние, чье господство разрушают изнутри любое общество.

* * *

Основной закон капиталистической экономики — это «неприкосновенность частной собственности»; основное учение капиталистической экономики — это создание международной мировой экономики, увенчанной единым золотым стандартом.

До тех пор пока будут существовать эти столпы капиталистической экономической системы, не произойдет никаких изменений в нынешнем бедственном положении Германии!

Сущность сегодняшнего классового порядка и парламентской демократии состоит в противоестественном расслоении общества, которое основывается на власти денег и при котором профессия и призвание в 97 из 100 случаев противоречат друг другу. Это противоестественное расслоение вызывает все более сильные конфликты в народном организме, которые истощают его жизнеутверждающую силу и вместе с тем обуславливают принудительную зависимость нации. Господство материализма, которое проявилось в гротескной переоценке человеческого духа и его порождений, особенно техники, все больше и больше удаляет жизнь немецкого человека от источников его бытия: природы, истории, судьбы, Бога. Материализм сделал его жизнь беспокойной, не имеющей жизненных корней, бессмысленной. Отрицание всех национальных добродетелей и исчезновение религиозности должны были рано или поздно привести к роковым последствиям — к отрицанию жизни.

* * *

Осознав эти факты, их причины и последствия, «Черный фронт» стремится к тотальной революции, которая уничтожит нынешнюю экономическую систему, государство, культуру и создаст новый порядок, основанный на общности нации и ее видовых особенностях, проявившихся в экономике, государстве и культуре.

Эта революция является социалистической, так как отрицает частную собственность на землю, недра, полезные ископаемые и средства производства и провозглашает немецкую форму наследного лена, являющуюся одинаково враждебной западному капитализму и обыкновенному большевизму. Одновременно революция предполагает вывод немецкого, социалистического национального хозяйства из международной мировой экономики, что в последующем должно привести к естественному появлению в рамках немецкого планового хозяйства собственной валюты. Целью планового хозяйства является удов-

летворение спроса немецкого народа, что требует аграризации Германии, внутренней колонизации и переселения городского населения, абсолютной автаркии и монополии на внешнюю торговлю.

Эта революция является националистической, так как добивается внутри органического сословного государства, а снаружи национальной свободы Германии. Внутренние преобразования — это условие для национальной освободительной войны, которая силой разорвет цепи Версаля и Юга, сдавливающие сейчас Германию. Только достижение этой национальной свободы станет залогом того, что Германия будет в состоянии жить в мире со всеми народами Европы и мира. Этот мир будет основываться на внимании к сущности и особенностям других народов, чей национализм имеет такое же право на существование и развитие, пока он требуется для данного народа. Главный внутренний закон нового немецкого государства будет строиться на самоуправлении свободных сословий, что далеко как от единоличного фашистского государства, так и от анонимного парламентаризма. Только при этом условии появится возможность создания великогерманского государства.

Эта революция является народной, так как она возвращается назад, к источникам народной жизни, она знает и подтверждает ту судьбоносную обусловленность нашей народной немецкой жизни и видит в ее развитии исполнение смысла Бытия — «Волю Бога». Оживление свободной от церковной догматики религиозности является такой же необходимостью, как и радостная уверенность в признании идеалистического мировоззрения основным компонентом консервативной сущности.

Таким образом, «Черный фронт» понимает Немецкую революцию как:

СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ в экономической сфере

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКУЮ в государственной сфере

НАРОДНУЮ в культурной сфере.

«Черный фронт» с непреклонной твердостью сражается против фронта системы, причем без разницы, развивается ли над ним черно-бело-красный флаг консервативной реакции или черный красно-золотой флаг либеральной реакции. Он зна-

ет, что борьба против реакционного фронта приведет к заключению союза с красным фронтом, фронтом либеральной революции. Но подобное сотрудничество закончится вместе с крушением системы, а затем последует

БОРЬБА МЕЖДУ ЧЕРНЫМИ И КРАСНЫМИ, от исхода которой будет зависеть немецкое будущее. Веря в судьбу, отдавая должное жертвенной смерти миллионов во время великой войны и послевоенных схваток, мы будем вести «Черный фронт» к победе в этой борьбе, так как мы любим Германию.

Хайль Германия!

Приложение № 4

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО УЛЬРИХА ОЛЬДЕНБУРГА

по поводу выборов в рейхстаг 31 июля 1932 года «Немецкое социалистическое боевое движение», Шарлоттенбург

Всем боевым товарищам и социалистам!!!

Берлин, 18 июня 1932 года

Руководство «Немецкого социалистического боевого движения» решило сформировать к выборам в рейхстаг, которые предстоят 31 июня 1932 года, собственные избирательные списки во всех 35 избирательных округах. Для нашего участия в выборах рейхстага мерилом служат следующие точки зрения:

1. Бойкот выборов только укрепляет наших противников и воспринимается ими как символ нашей слабости.

2. Революционный национализм не может больше оставаться привилегией канцелярских работников, он должен стать общественным достоянием масс.

3. При взгляде на народ необходимо признать, что он достиг степени зрелости для начала революции.

4. В силу предстоящего в ближайшее время краха внутри НСДАП необходимо, чтобы мы перевели на себя внимание социалистов и революционеров, все еще находящихся в гитлеровской партии.

5. Выборы представляются удобным случаем, чтобы заявить

о нашем движении и наших идеях. Название «Боевого движения» будет пропагандироваться за счет государства:

а) во всех официальных избирательных бюллетенях;

б) на тумбах объявлений;

в) в официальных сообщениях органов власти (районные и центральные газеты).

Осуществление единого руководства предвыборной борьбой поручено боевому товарищу Ольденбургу, который возглавил руководство имперского предвыборного бюро «Немецкого социалистического боевого движения». Все вопросы, которые касаются выборов, должны отправляться только товарищу Ольденбургу по адресу: Шарлоттенбург, Берлин-2, Кантштрассе 22, номер телефона: Штайнплац 9985. Для ответа высылайте конверт либо деньги для оплаты почтовых услуг, так как наши средства очень ограничены. Пожертвования принимаются на почтово-сберегательный счет Георга Фишера.

Во время выборов очень эффективным средством являются листовки, которые должны распространяться в следующих направлениях:

а) отправление знакомым и родственникам в качестве печатного издания;

б) распространение на вокзалах, что гарантировало бы их попадание в те районы, где мы не имеем своих представителей;

в) распространение листовок в деревнях;

г) использование телефонного справочника. Отдельные товарищи после изучения телефонного справочника отправляют листовку 5—6 деревенским жителям, не забывая хозяина местного ресторана. Необходимые для этого средства надо добывать самостоятельно. Если каждый товарищ пожертвует по марке, этого окажется вполне достаточно, чтобы снабдить листовками 5 деревень. Заказы на листовки надо прислать уже сейчас. Их пересылка будет происходить после возмещения почтовых расходов. В ограниченном объеме могут высылаться рекламные номера «Немецкой революции».

Руководство имперского предвыборного бюро «Немецкого социалистического боевого движения» срочно просит свя-

заться с ним товарищей из следующих избирательных округов: Баден, Рейн-Пфальц, Кельн, Аахен, Гессен-Дармштадт, Тюрингия.

Хайль Германия!

Ульрих Ольденбург,
имперский председатель избирательной комиссии
«Немецкого социалистического боевого движения»

Список употребляемых сокращений

НСДАП — Национал-социалистическая рабочая партия Германии

СА — штурмовые отряды НСДАП

СС — охранные отряды НСДАП

КГРНС — «Боевое содружество революционных национал-социалистов»

КПГ — Коммунистическая партия Германии

НСКД — «Национал-социалистическое боевое объединение Германии»

ДНСАП — Немецкая национал-социалистическая трудовая партия

АНТИФА — «Союз борьбы с фашизмом»

НСБО — Национально-социалистические производственные ячейки..

Список использованной литературы

Bartsch, Günter. Zwischen drei Stühlen, Otto Strasser eine Biografie / Günter Bartsch. — 1. Aufl. — Koblenz: Bublies, 1990. — 260 S.

Kissenkoetter, Udo. Gregor Strasser und die NSDAP / Udo Kissenkoetter. — Stuttgart: Deutsche Verl. — Anst., 1978. — 219 S.

Moreau, Patrick. Nationalsozialismus von links: die 'Kampfgemeinschaft Revolutionerer Nationalsozialisten' und die 'Schwarze Front' Otto Strasser 1930—1935 / Patrick Moreau. — Stuttgart: Deutsche Verl. — Anst., 1984. — 266 S.

Paetel, Karl O. Versuchung oder Chance?: zur Geschichte des deutschen Nationalbolschewismus / Karl O. Paetel . — Gцttingen [u.a.]: Musterschmidt 1965. — 343 S.

Schьddekopf, Otto-Ernst. Nationalbolschewismus in Deutschland 1918—1933. — Frankfurt/M.: Ullstein, 1973 — 576 S.

Stachura, Peter D. Gregor Strasser and the rise of nazism— London: Allen & Unwin, 1983 — 178 S.

Strasser, Otto. Hitler und ich / Otto Strasser . — Konstanz: Asmus, 1948 . — 263 S.

Strasser, Otto. Mein Kampf: eine politische Autobiografie / Otto Strasser. — Frankfurt am Main: Heinrich-Heine-Verl., 1969. — VI, 235 S.:

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть III
«МЯТЕЖ» В СА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Часть IV
«ЧЕРНЫЙ ФРОНТ»

Часть V
ШТРАССЕРИАНЦЫ В АНТИФАШИСТСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЧЕНКО

ВОЙНА КЛАНОВ

«ЧЕРНЫЙ ФРОНТ» ПРОТИВ НСДАП

Ответственный за выпуск *М. Чернов*
Редактор *И. Рудакова*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Павлова*
Корректор *Ю. Шумилина*

ЛР № 065715 от 05.03.1998.
ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р,15.

Для корреспонденции:

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, к. 5. Тел. (095) 745-58-23

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.11.2005
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Лазурский».
Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 4000 экз.
Зак. № 2316.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина,109 .

Новая книга Андрея Васильченко дает нам полное представление о Германии 20–40-х годов прошлого века, о борьбе лидеров различных партий и группировок. Герои книги оказывали огромное влияние на политику Германии, ее взлеты и падения, удачи и ошибки.

Судьбы двух из них – Отто и Грегора Штрассер, революционных национал-социалистов – поистине уникальны, потому что история Германии того времени состояла из множества противоречий. Родные в одночасье становились врагами, а люди, придерживающиеся иных социальных взглядов, протягивали им руку дружбы – и все это в период, когда страна была раздроблена бесконечными путчами, восстаниями, убийствами.

Книга основана на ранее не публиковавшихся уникальных материалах из немецких архивов.

